

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова
Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

1
2015

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2015

УДК 800
ISSN 1992-6375

1.2015

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М.А. Шолохова**

Издается с 2002 г.

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mggu-sh.ru
Подписной индекс
36733

в основном каталоге
Роспечати

Редакционная коллегия

А.В. Циммерлинг – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
М.В. Королёва – *отв. секретарь*,
Т.М. Воителева, С.Г. Золян, И. Киш,
Н.Д. Котовчихина, Е.А. Лютикова,
В.А. Плунгян, И.А. Пильщиков,
Н.В. Сердобольская, К.Э. Штайн

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mggu-sh.ru

Петренко Д.И., Штайн К.Э.
Связь филологии с естественнонаучным знанием 5

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Петрухина Н.М.
Рецептивное поле Ф.М. Достоевского
в мировом литературном процессе XX века 17

Сигал К.Я.
Стилистический синтаксис конструкций с приложением
в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» 27

Соколова Н.С.
Интертекстуальные включения
трагедии У. Шекспира «Король Лир»
в повести И.Л. Леонтьева-Щеглова «Корделия» 44

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Киракосян М.Б.
Параллельные номинации
в терминологической системе права 50

Попова Т.Г., Курочкина Е.В.
Концепт как оперативная единица памяти 53

Ронько Р.В., Циммерлинг А.В.
Параметр номинативного объекта
и синтаксис инфинитивных оборотов
в диалектах русского Севера и в древнерусском языке 57

Федорова Н.А.
Языковые формы обозначения
пространственной дислокации объекта 66

<i>Циммерлинг А.В.</i> Клитики и информационная структура высказывания в древнечешском языке	74
МЕТОДИКА	
<i>Борщева В.В.</i> Организация программы экстенсивного чтения как механизм развития учебной автономии учащихся в процессе изучения иностранного языка	96
<i>Журавлева Т.Ю.</i> Использование электронного образовательного ресурса при изучении дисциплины «Русская литература XVIII века»	101
<i>Раджабова А.Ф.</i> Метапредметный подход на уроках русского языка в современной российской школе (особенности понимания)	108
НАШИ АВТОРЫ	113
CONTENTS	115

Д.И. Петренко, К.Э. Штайн

Связь филологии с естественнонаучным знанием

Анализируются принципы дополнительности, относительности, симметрии как основа гармонии художественного текста. Рассматривается, как ученые-физики используют свойства образного языка при формулировании принципов сложных явлений атомной физики. Описываются возможности применения научной метафоры в современном постнеклассическом знании.

Ключевые слова: филология, естественнонаучное знание, принцип дополнительности, принцип неопределенности, научная метафора, двузначный язык.

В естественнонаучной сфере ученые постоянно сталкиваются с лингвистическими проблемами, т.к. пользуются природным языком не только в эмпирическом описании, но и на высоких уровнях абстрагирования. Они сталкиваются с теми же проблемами, что и лингвисты в процессе перехода от классического к неклассическому знанию, к разным научным парадигмам: нужно регламентировать соответствие терминов, метаязыка описания того или иного объекта. Физикам пришлось столкнуться с необходимостью учитывать специфическую роль сознания наблюдателя в процессе создания квантовой механики, т.к. с помощью волновой функции описывается не непосредственно квантовый объект, а состояние нашего знания о нем [4].

Физики серьезно интересуются возможностями языка и искусства. Так, в формулировании принципа дополнительности Н. Бор опирался на особенности литературы, языка художественных произведений. А.В. Ахутин в статье «Вернер Гейзенберг и философия» (1989) приводит диалог В. Гейзенберга и П. Дирака: «Дирак однажды сказал Гейзенбергу: “Бор

должен был быть поэтом”. – “Почему поэтом?” – удивился Гейзенберг. “Он слишком заботится о языке, – ответил Дирак, – все время совершенствуется язык. Он должен был писать стихи”» [2, с. 555].

Н. Бор отмечал, что открытия А. Эйнштейна в равной степени характеризовали «высокая логическая стройность и творческое воображение», благодаря чему ему «удалось перестроить и расширить внушительное здание, фундамент которого был заложен великими работами Ньютона» [4, с. 479]. Это была не только дань гению А. Эйнштейна, на протяжении всей жизни Н. Бор искал способы расширения возможностей мышления. Особенно сложный момент наметился в период создания квантовой теории, когда стало ясно, что две точки зрения на природу физических явлений (свет – волны и частицы) не противоречат друг другу. Ограниченность классической точки зрения (или – или) преодолевается за счет того, что несовместимые понятия рассматриваются как равно необходимые для характеристики явления, они не противоречат, а дополняют друг друга.

Однако наука не выработала особых понятий, такого языка, с помощью которого однозначно можно было бы отобразить данную ситуацию. Но Н. Бор понимал, что такая ситуация давно существует в искусстве: «При описании нашего душевного состояния использовалось с самого возникновения языков такое описание, которое по существу является дополнительным. Богатая терминология, приспособленная для таких повествований, направлена на то, чтобы указать на взаимно исключающие переживания» [Там же, с. 490], – писал Н. Бор и при этом подчеркивал, что здесь он опирается не на опыт повседневной жизни, который допускает «простое причинное объяснение», а на опыт искусства: «Причина, почему искусство может нас обогатить, заключается в его способности напоминать нам о гармониях, недостижимых для систематического анализа» [Там же, с. 493].

А далее он прибегает к прямым аналогиям ситуаций в искусстве и в физике. «Тот факт, что для описания различных, одинаково важных сторон человеческой души приходится применять различные, как бы исключающие друг друга характеристики, в самом деле представляют замечательную аналогию с положением в атомной физике, где определение дополнительных явлений требует применения совсем разных элементарных понятий» [Там же, с. 491]. Это требование было реализовано, Н. Бор назвал его «принципом дополнительности». Он характеризуется тем, что «срезы информации, полученные разными, конкретно отрицающими друг друга способами, как бы дополняют друг друга, относительно независимы, но внутренне связаны, поскольку речь идет о едином объекте, облада-

ющем не механическим набором, а сложным сочетанием взаимообусловленных свойств» [9, с. 51].

Н. Бор в статье «Философия естествознания и культуры народов» писал: «В атомной физике слово “дополнительность” употребляют, чтобы охарактеризовать связь между данными, которые получены при разных условиях опыта и могут быть наглядно истолкованы лишь на основе взаимно исключающих друг друга представлений» [4, с. 287]. «Кажущаяся дисгармония» была устранена за счет гармонического расширения понятий, т.е. определения объекта на основе соединения взаимоисключающих характеристик, их дополнительной (свет – одновременно волна и частица). Поиски теории, обладающей «внутренним совершенством», объединили науку и искусство в одной концепции, в результате чего в трудах Бора появилось понятие «единства знаний».

Осмысление обыденного языка и предела его применимости в точных науках – постоянная тема Н. Бора: «...каждый естествоиспытатель постоянно сталкивается с проблемой объективного описания опыта; под этим мы подразумеваем однозначный отчет или словесное сообщение. Нашим основным орудием является, конечно, обычный язык, который удовлетворяет нуждам обыденной жизни и общественных отношений. <...> Главное, что нужно себе ясно представить, это то, что всякое новое знание является нам в оболочке старых понятий, приспособленной для объяснения прежнего опыта, и что всякая такая оболочка может оказаться слишком узкой для того, чтобы включить в себя новый опыт» [Там же].

Д.С. Данин в биографическом исследовании «Нильс Бор» (1978) говорит о том, что Н. Бор увидел за квантовыми злостью физика, рассуждающего об устройстве человеческого знания, отображение реальности природы, а не произвольные построения нашего ума. Несмотря на обычность слов, объясняющих, что два классически несовместимых образа только вместе дают в микромире желанную полноту отражения реальности (сочетается несочетаемое), описание при этом перестает быть классическим, т.к. меняется логика научного описания. Ее называют квантовой логикой Н. Бора. В каждой из противоположных частей описания сохраняется макрословарь, т.е. словарь классической физики для описания макромира, но микромир требует какой-то иной грамматики. Д.С. Данин, переводя понятия на язык грамматики, определяет: «Грамматика микромира заключается в том, что несовместимым образам разрешено дополнять друг друга. Так устроено наше знание. Уже неклассическое. Но уже и не беспомощное перед странностями глубин материи. Доведенная до крайности беда противоположности превращается в благо дополнительной» [7, с. 249–250]. Знание преобразует мир, а мир – знание.

Принцип дополнительности Н. Бора был направлен на преодоление издержек классической логики, которая во многом основывалась на «законе исключенного третьего». По этому закону, из двух противоречащих высказываний в одно и то же время и в одном и том же отношении одно непременно истинно, т.е. из двух противоположных высказываний, направленных на характеристику одного и того же объекта, одно истинно, другое – ложно, и третьего быть не может. Интересно отметить, что преодоление этого закона классической логики наблюдается и в недрах самой логики. Так, Н.А. Васильев (1880–1940), один из основателей неклассической логики, в свое время выдвинул идею логики без законов противоречия и исключенного третьего, т.е. «воображаемую логику», в которой правила сочетания высказываний определяются на основе логики N-измерений, когда взаимоисключающие определения по отношению к одному и тому же объекту верны.

Физики переоткрыли для себя поэтический критерий гармонической полноты описания на основе взаимоисключающих понятий. Но встали трудности терминологического характера. И тут на помощь пришла языковая дополнительность, и уже лингвистическая наука вошла как дополнительная в естественнонаучные теории. По свидетельству самого Н. Бора, а также ученых, работавших с ним, его принцип дополнительности родился под влиянием «идеи о языковой двусмысленности» [8, с. 70]. Целостное явление в знаковой системе может быть отражено на основе взаимоисключающих, или дополнительных классов понятий, выражающихся в системе противоположных классов слов, или терминов. Отсюда, «истинность высшей мудрости» является не абсолютной, а относительной, носит вероятностный характер.

Выдающийся физик В. Гейзенберг, уделявший большое внимание языку и использованию его в обыденной жизни и науке, в одной из статей «Язык и реальность в современной физике» (1960) ссылается на «Фауста» И.В. Гете, приводя слова Мефистофеля из его разговора с учеником: «“Фабрика мыслей подобна ткацкому станку, где тысяча нитей приводится в движение одним толчком, где челнок снует туда и сюда, незримо струятся нити и разом завязывается тысяча связей”». Жизнь языка описана здесь очень верно, – отмечает В. Гейзенберг, – и если уже в науке нам приходится строить рассуждение, руководствуясь логической структурой языка, то не следует упускать из вида и другие, более богатые его потенции» [5, с. 151].

В более ранней работе «Дискуссия о языке» (1933) В. Гейзенберг так его характеризует: «...язык, а тем самым косвенно также и мышление, есть такая способность, которая – в противоположность всем другим физиче-

ским способностям – развивается не в отдельном индивиде, а межиндивидуально. Мы выучиваем язык только от других людей. Язык есть в каком-то смысле сеть, растянутая между людьми, и мы со своим мышлением, со своей способностью познания висим в этой сети» [5, с. 411].

Первое высказывание о языке соотносимо с его пониманием в структурной лингвистике, когда точные подходы к языку открывали горизонты к его более обширному познанию. Второе соотносится с высказываниями о языке в современной «антропоцентрической» парадигме, когда учитывается то, что не только мы владем языком, но и язык владеет нами. Но есть и третий параметр в установках на исследование языка у В. Гейзенберга: «...проникновение в новые области природы влечет за собой изменения в языке (здесь и далее курсив наш. – К.Ш., Д.П.) <...> Проникнув с помощью современных технических средств в новые сферы природы, мы узнали, что даже такие простейшие и важнейшие понятия прежней науки, как пространство, время, место, скорость, становятся здесь проблематичными и требуют переосмысления» [Там же]. Если объединить эти высказывания, то нам придется ориентироваться не на антропоцентрический (во многом односторонний), а на коэволюционный подход – в единстве взаимоотношений человеческого мышления, природы и языка, что скажется и на его описании.

Многие категории лингвистики связаны с категориями естественнонаучного знания (реальность – наблюдаемость, определенность – неопределенность, причинность – состояние – вероятность и т.д.). Так, фундаментальная категория языка определенность – неопределенность имеет отношение как к лингвистике, так и к философии и физике, она относится к общенаучным понятиям. Интересно отметить, что ученые-физики, занимавшиеся исследованием проблемы определенности – неопределенности в классической и неклассической физике, много рассуждали о языке (А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг и др.).

Вот, например, замечание Н. Бора в разговоре с В. Гейзенбергом: «Разумеется, у языка есть эти черты своеобразного парения. Мы не знаем в точности, что означает слово, и смысл говоримого нами зависит от связи слов в предложении, от контекста, в котором произносится фраза, и от сопутствующих обстоятельств, которые невозможно даже перечислить полностью. <...> ...при каждом слове, которое мы слышим, главный смысл слова предстает в ярком свете сознания, но помимо него в полумраке выступают другие скользящие значения слова, завязываются связи с другими понятиями, и воздействие слова распространяется вплоть до бессознательного. Так обстоит дело в обычном языке, тем более – в языке поэта. И до известной степени то же относится к языку естествознания. Именно в

атомной физике природа снова учит нас, сколь ограниченной может оказаться область применения понятий, которые прежде казались нам совершенно определенными и бесспорными. Достаточно просто вспомнить о таких понятиях, как “место” и “скорость” [5, с. 408].

Этот монолог показателен тем, что проблема *определенности* – *неопределенности* актуальна как для поэта, так и для обычного пользователя языка, а также для ученого: нечто определенное в языке в других контекстах может становиться неопределенным. Важно и то, что воздействие «скользящих значений слова» распространяется вплоть до бессознательного. Таким образом, определенное имеет вероятность неопределенного выражения в отображении реальной действительности, и наоборот, неопределенное может стать определенным благодаря ограничению области применения понятия (слова).

Известна современная теория «размытых» множеств, когда установка делается именно не некоторую неопределенность и в точные математические параметры управления техникой вводятся «лингвистические операторы» неопределенности (Л. Заде). Эта теория применима и к филологии, мы используем ее в процессе исследования такой сложной системы, как метапоэтика [18; 19].

Физики всегда мечтали об особом научном языке, который бы точно определял их сложные объекты и понятия. Но в ходе работы над метаязыком описания стало ясно, что надо пользоваться природным языком, только оговаривать пределы его применимости. «Наука... должна основываться на языке как на единственном средстве передачи сообщений...» – писал В. Гейзенберг [6, с. 107]. В качестве примера строгого языка науки, адекватно описывающего объект исследования, Н. Бор называет язык математики, который отличается от языков других областей точного знания, по мнению Н. Бора, тем, что в нем устранены субъективные факторы: «...необходимая для объективного описания однозначность определений достигается при употреблении математических символов именно благодаря тому, что *таким способом избегаются ссылки на сознательный субъект*, которыми пронизан повседневный язык» [4, с. 482].

Но язык математики имеет ограниченную применимость даже в физике, поэтому Н. Бор постоянно присматривается к возможностям повседневного языка, которые помогают и простому причинному объяснению фактов, и описанию сложных душевных состояний. В самом языке заложены способы отграничения объективных фактов и оценок субъекта (в науке – наблюдателя): «...в физической науке на ранних ее стадиях можно было опираться на такие стороны событий повседневной жизни, которые допускают простое причинное объяснение, тогда как при описании

нашего душевного состояния использовалось с самого возникновения языков такое описание, которое по существу является дополнительным. <...> Эти переживания характеризуются тем, что по-разному проводится граница между содержанием того, что мы узнали и на чем сосредоточено наше внимание, и тем фоном, который обозначается словами “мы сами” [4, с. 490–491].

В процессе становления неклассического знания нужно было обдумать степень применимости языка классической физики в неклассической физике: «В спокойное состояние физики квантовая теория и специальная теория относительности внесли внезапное... изменение основ естествознания. <...> ...проблемой, стоявшей за многими... спорными вопросами, являлся тот факт, что *не существовало никакого языка, на котором можно было бы непротиворечиво говорить о новой ситуации*. Обычный язык основывался на старых понятиях о пространстве и времени, и только этот язык представлял собой средство однозначной передачи сообщений о расположении приборов и результатах измерений. Но одновременно эксперименты показывали, что старые понятия могут быть применены не повсюду» [Там же, с. 108–109].

В. Гейзенберг говорит о том, что самая трудная проблема в отношении применения языка возникла в квантовой теории. В ней не было направляющих принципов, которые бы позволили связать математические символы с понятиями обычного языка. Оказалось, что «обычные понятия не могут быть применены к строению атома» [Там же, с. 111]: «...*понятие дополнительности*, введенное Бором при истолковании квантовой теории, сделало для физиков более желательным использовать *двузначный язык* вместо однозначного и, следовательно, применять классические понятия *несколько неточным образом, соответствующим соотношению неопределенностей*, попеременно употребляя различные классические понятия. <...> Это применение языка во многих отношениях довольно удовлетворительно, напоминая подобное же употребление языка в повседневной жизни или в поэтическом творчестве» [Там же, с. 112–113].

Для Н. Бора важна дополнительность взаимоисключающих понятий. Проблема, которая интересует В. Гейзенберга, – применимость терминов классического знания к описанию микромира. Термин «неопределенность» он использует для того, чтобы показать, что значения понятий классической физики, таких как «частица», «волна», «излучение», «поле» и др., не определяют точно объектов и явлений квантовой физики, поэтому термины классической физики необходимо использовать в неклассической физике как метафоры, слова с «расплывчатым» значением. Он

сосредоточивает внимание не на противоположностях, а на той неопределенности, которую рождает соотношение противоположностей.

Н. Бор твердо стоял на позициях того, что классические понятия на новом уровне абстрагирования могут использоваться в неклассическом знании. Он указывал, что «идея дополнительности характеризует, во-первых, неделимость квантовых явлений и, во-вторых, особенности постановки задачи об их наблюдении: “Для этого решающим является признание следующего основного положения: как бы далеко ни выходили явления за рамки классического физического объяснения, опытные данные должны описываться при помощи *классических понятий*”». Причинами такого положения дел являются, по Бору, два обстоятельства: во-первых, то, что описание любых экспериментальных установок и любых результатов наблюдений должно производиться *на понятном языке*, каковым является только язык классических теорий, а, во-вторых, лингвистическая и практическая обусловленность человеческого познания, определенная потребностями коммуникации» [13, с. 151–152]. Таким образом, по Бору, любое событие, о котором мы можем осмысленно говорить в физике, т.е. любое актуальное или возможное явление или измерение, *должно описываться в классических терминах*.

Физики предлагают разные пути для преодоления противоречий языка науки, в том числе различие в рамках каждой отдельно взятой научной теории так называемых «языковых слов», в частности, различие теоретического и эмпирического уровней описания явлений действительности, и одновременно признание теоретической нагруженности языка наблюдений [13, с. 162–163]. На самом деле так и бывает: глубокое исследование проводится на разных уровнях абстрагирования – от констатации полученных эмпирическим путем фактов и событий к теоретическим и философским обобщениям, при этом, конечно же, меняется и язык описания.

Почему именно идея языковой «двусмысленности» дала толчок к перестройке всего научного мышления и породила новые соотношения в языке науки? Дело в том, что «дополнительность» насквозь пронизывает и сам язык, отражая сущность человеческого мышления. При этом иногда создается такая ситуация: по отношению к некоторым истинам обратное высказывание является неправильным, даже абсурдным. Сущность же «глубоких истин» («deep truths») заключается в том, что «обратное высказывание при более глубоком понимании тоже оказывается истинным» [16, с. 92]. Всякое истинно глубокое явление может быть определено через взаимоисключающие понятия. Качественная особенность соединения этих противоположностей такова, что они сосуществуют, не разрешаясь через противоречие, симметрично уравновешивая друг друга,

составляя какое-то третье состояние, в котором противоположности сосуществуют как одновременно истинные, неотделимые друг от друга.

Сущность самого языкового знака – его асимметричный дуализм, в результате чего любой знак – потенциальный синоним и омоним, хорошо отражает дополнительную языку, его динамическую характеристику. То, что высшая единица предшествующего уровня языка является низшей для последующего уровня, также характеризует языковой знак как сущность дополнительную. Вся система взаимодействия языкового знака с его контекстными показателями является также дополнительной, дополнительность составляет сущность такого глобального языкового процесса, как транспозиция языковых единиц в область их парадигматических противочленов. Относительным на этом фоне является языковой инвариант, который проявляет себя в многочисленных вариантах; при переходе на более высокие уровни абстрагирования инвариант более низкого порядка может рассматриваться как вариант по отношению к ранее определенному. Дополнительность свойственна такому сквозному языковому явлению, как синкретизм единиц языка.

Но, конечно же, неслучайно Н. Бор обращался к языку поэтическому, где логический порядок образов часто устанавливается на основе гармонического охвата взаимоисключающих понятий. В.В. Налимову принадлежит мысль о том, что «принцип дополнительнойности – это, собственно, признание того, что четко логически построенные теории действуют как метафора: они задают модели, которые ведут себя и как внешний мир и не так» [12, с. 103]. Правда «глубокой истины» и в том, что наука и искусство дополнительные, причем каждая из противоположностей соединяет в себе оба начала. Принцип дополнительнойности родился в недрах гуманитарных наук и искусства в целом, т.к. художник даже в самом небольшом произведении стремится к глобальным и широким обобщениям.

Так, например, все творчество М.Ю. Лермонтова пронизывает глобальный принцип антитезы. Практически любое достаточно важное состояние своего героя Лермонтов описывает в единстве взаимоисключающих явлений, ситуаций; антитеза то стягивается в оксюморон, то раскладывается в хиазм, построенные на антонимичной основе:

*Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.*

(Нет, не тебя так пылко я люблю... 1841)

Дополнительности пронизывают художественное творчество, способствуя созданию гармонической целостности, полноты описания, которая

создается при минимуме использованных средств, т.к. «взятые вместе они (дополнительности. – *К.Ш., Д.П.*) исчерпывают все сведения об исследуемых объектах» [4, с. 511]. Оскар Клейн считал, что принцип дополнительности «позволяет познать гармонию без отказа от требований логики, как и опыта» [цит. по: 11, с. 132].

Идея дополнительности – воплощение симметрии. Некоторые ученые, да и сам Бор, рассматривали симметрию и дополнительность в определенных ситуациях как синонимы [11, с. 132]. Действительно, дополнительности антиномичны, они уравновешивают друг друга, в них всегда имеются общие основания, несмотря на крайние противоположности, поэтому в языке чаще всего им соответствуют антонимы. В художественных произведениях дополнительные понятия обычно находятся в системе повторяемости и сохраняют общую идею реализации симметрии: инвариант – вариант, несмотря на дуализм понятийного аппарата. Противопоставленные сущности внутренне и внешне всегда взаимозависимы, они усиливают друг друга в структуре художественного текста, поэтому принцип дополнительности позволяет привести к единству широкие понятия, это качественная сторона симметрии. Сама же симметрия – основа гармонической организации художественного текста.

Является ли актуальной проблема языка физики сейчас, в XXI в., в эпоху постнеклассической рациональности, и связана ли она с проблемами филологии? Конечно, да. Еще В. Гейзенберг говорил, что «двузначный язык» квантовой механики «работает» по модели метафоры. Сейчас эта концепция активно обсуждается в физике, говорится о методологической эффективности метафор в постнеклассической науке. Так, А.А. Меньшиков отмечает, что в современной теоретической физике большое значение имеет «*метафора “суперсила”*», которая обозначает объединенное суперфизическое поле частиц и взаимодействий, действию которого, в конечном счете, подчиняется вся природа» [10, с. 125]. Особый подход к выявлению методологически эффективных познавательных моделей и соответствующих им метафор предложил Ю.В. Чайковский. В работе «Элементы эволюционной диатропики» (1990) он выделяет схоластическую, механическую, статистическую, системную и диатропическую познавательные модели. Им соответствуют дискурсивные метафоры «природа есть текст», «природа есть машина» или «природа есть часы», «природа есть баланс средних величин», «природа есть организм». «Диатропической познавательной модели, – отмечает А.А. Меньшиков, – сложившейся и развивающейся в рамках современного естествознания, соответствует дискурсивная метафора сада, или ярмарки, которая отражает своеобразие каждой части, включенной в системную целостность. <...> ...в диатропи-

ческом подходе Ю.В. Чайковского каждое дерево в саду уникально и не сводимо к другому дереву, хотя все деревья образуют сложное системное единство сада. Отсюда следует, что... диатропическая, метафора моделирует мир как неформально упорядоченное разнообразие. Статистическим идеям усреднения и корреляции она противопоставляет идею обобщения, а системной идее оптимальности – идею плюрализма» [10, с. 126].

Как видим, современная наука нуждается в поиске метафор, адекватно отображающих особенности строения сложных систем, метафоры же – один из важных объектов изучения в филологии. В отличие от механицистской образности метафоры в классической физике, современная физика акцентирует внимание не столько на частях целого, сколько на самой целостности, на связях, возникающих между частями внутри системы, а также на связях между системой и окружающей ее средой. Как мы знаем, современная лингвистика этим активно занимается [1; 3].

Корреляция естественнонаучного знания и принципов художественного познания связана не только с принципами дополнительности, но и с принципами симметрии, относительности. Они взаимодействуют друг с другом [17]. Филология связана практически со всеми областями человеческого познания, и эти междисциплинарные соответствия, взаимодействия следует изучать и, конечно же, использовать как в процессе исследования, так и преподавания. Говоря о стратегии научного исследования в эпоху постнеклассической науки, В.С. Степин отмечает, что «развитие современной научной картины мира органично включено в процессы формирования нового типа планетарного мышления, основанного на толерантности и диалоге культур и связанного с поиском выхода из современных глобальных кризисов. Приобретая открытый характер, научная картина мира вносит свой вклад в процессы синтеза различных культур. <...> Наука взаимодействует с различными формами знания, получаемыми в других областях познавательной деятельности – в искусстве, философии, морали, правовом и политическом дискурсе, в сфере обыденного познания и т.д. Такого рода знания можно обозначить как вненаучные, поскольку они не являются результатами собственно научного исследования, генерируются в других областях культуры» [14, с. 373–374].

В то же самое время наука сейчас такова, считает В.С. Степин, что процессы дифференциации все же опережают процессы интеграции. Кроме того, в науку верят меньше, чем верят в технологии, к ним относятся с благоговением. У людей формируется особый тип мышления, который поддерживается средствами массовой информации, обслуживающими потребительское общество. Это так называемое «клиповое сознание», когда мелькает калейдоскоп восприятий, впечатлений, где нет четкой

логики, отсутствует рациональное основание. «Клипное мышление» делает людей восприимчивыми ко всяким чудесам.

Нужно отличать науку от псевдонауки, с осторожностью относиться к разным «девиантным наукам», «паранауке». Здесь помогут подходы, связанные с тем, что научное знание включено в определенные парадигмы, оснащено принципами и методами исследования, оно проверяется в эпистеме – связанной структуре идей, функционирующей в то или иное время. Поэтому методологическая оснащенность, хорошая научная осведомленность, установка на преемственность знания, а также отлаженная система образования, основанная на преподавании фундаментальных наук, могут помочь в преодолении кризиса современной цивилизации.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. М., 1991.
2. Ахутин А.В. Вернер Гейзенберг и философия // Гейзенберг В. Избр. философские работы. СПб., 2006. С. 537–569.
3. Бондарко А.В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 13–23.
4. Бор Н. Избр. научные тр.: В 2 т. М., 1971. Т. 2.
5. Гейзенберг В. Избр. философские работы. СПб., 2006.
6. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989.
7. Данин Д.С. Нильс Бор. М., 1978.
8. Дирак П. Многогранность личности Нильса Бора // Нильс Бор. Жизнь и творчество: Сб. ст. М., 1967. С. 52–97.
9. Корюкин В.И. Идея всеобщей взаимосвязи в научном мышлении XIX–XX веков и принцип дополнительности. М., 1976.
10. Меньшиков А.А. Методологическая эффективность метафор постнеклассической науки // Философские науки. 2007. № 4. С. 124–127.
11. Мороз О.П. В поисках гармонии. М., 1978.
12. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М., 1979.
13. Панченко А.И. Философия. Физика. Микромир. М., 1988.
14. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2007.
15. Тарасов Л.В. Мир, построенный на вероятности. М., 1984.
16. Фенберг Е.Л. Научное творчество Нильса Бора // Нильс Бор. Жизнь и творчество: Сб. ст. М., 1967.
17. Штайн К.Э. Гармония поэтического текста: Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь, 2006.
18. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Русская метапоэтика: Учебный словарь. Ставрополь, 2006.
19. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Филология: История. Методология. Современные проблемы. Ставрополь, 2006.
20. Эйнштейн А. Собр. научных тр.: В 4 т. М., 1967. Т. 4.
21. Янч Э. Самоорганизующаяся Вселенная // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 143–158.

Н.М. Петрухина

Рецептивное поле Ф.М. Достоевского в мировом литературном процессе XX века

В статье рассматриваются проблемы современной рецепции Ф.М. Достоевского в контексте мировой литературной традиции XX в. Анализируются аксиологические константы реалистической традиции, «порогового хронотопа» и «предела» Достоевского, рецепция «полифонического романа». В качестве фоновой традиции в статье представлены рецепции Достоевского в русской литературной традиции (А. Чехов, М. Булгаков); западноевропейской экзистенциальной традиции (А. Камю), узбекской романистике (А. Кадыри).

Ключевые слова: хронотоп, пороговое пространство-время, литературная традиция, рецепции Ф.М. Достоевского, катарсис, внутренний человек Достоевского.

В современных филологических исследованиях специфики развития мирового литературного процесса XX в. и уровней ценностного влияния на него классической русской литературы ученые отмечают непрерывный интерес к творчеству Ф.М. Достоевского, который сегодня проявляется в большей степени в контексте интерпретативных смыслов, и не только, и не столько частно литературных: «Очевидно, что стремление заново прочитывать и интерпретировать Достоевского есть способ понимания эпохой самой себя, способ не только художественной, но и общефилософской, мировоззренческой рефлексии» [7, с. 3].

Комплексное исследование специфики развития мирового художественного сознания XX в., особенно его аксиологических и мировоззренческих составляющих, невозможно без учета воздействия творчества Достоевского, перешагнувшего в своей «культурной» знаковости национальные границы. Традиция интертекстуального и рецептивного прочтения Достоевского во многом становится базисной для построения совре-

менных методик художественного и междисциплинарного исследования. Для русской литературы, например, творчество Достоевского становится своего рода идеологическим центром, в ракурсе которого формируется абсолютно новая этико-эстетическая литературная и культурная парадигма XX в. Рассматривая рецептивное поле современной русской литературы, С.Е. Трунин подчеркивает, что «обращение к классике стимулирует выработку новых моделей мышления. Большое внимание к культурному и литературному наследию определяется рядом факторов: во-первых, классика выступает как одна из констант в осуществляемой переоценке ценностей; во-вторых, благодаря такой переоценке вырабатываются новые формы мышления; в-третьих, обращение к классике помогает лучше понять современность и ее определенные явления, а иногда происходит и спор с теми идеями, которые не прошли проверку временем» [8].

В призме новых смыслов рецептивного «прочтения» мировой литературы XX в. в контексте творчества Достоевского совершенно иначе начинает восприниматься и вся история мировой литературы. Образы, идеи, сюжеты, созданные Достоевским, настолько многозначны в возможностях своей трактовки, что, сохраняя ярко выраженную «русскость», приобретают качество наднациональное. Именно такой восприимчивой особенностью объясняется поразительная «находимость» Достоевского в любой национальной литературной системе. Вот и в рамках данного научного исследования мы попытаемся определить систему разноуровневых соотношений творчества Достоевского, его художественной философии с русской, западноевропейской и узбекской литературными системами XX в. Наиболее знаковым для мирового литературного процесса XX в. становятся такие кодовые открытия творчества Достоевского, как принцип карнавализации, пространственно-временная модель текста, обозначенная М. Бахтиным как «хронотоп», «пороговость» бытия и сознания личности, субъектная организация романного пространства, обозначившая новый тип романного мышления «равноценными художественными голосами-сознаниями» (М. Бахтин), психологическое и религиозно-философское обоснование «катарсичности» как эволюционной составляющей в развитии личности, определение «бесовщины» как формы онтологического бытования. Данные аспекты определяют актуальность творчества Достоевского для мирового литературного процесса XX в., концептуализировавшего в своем пространстве не только отдельные явления, но и целостно традицию Достоевского в системе интертекстуального «диалога» с классикой.

Рассматривая направленные составляющие творческого наследия Достоевского, литературоведы однозначно концептуализируют критиче-

ский реализм, хотя в последнее время принято говорить о наличии неких барочных, или даже экзистенциальных *тенденциях* как направленчески означенных. Генезис становления и развития русской реалистической традиции на протяжении двух столетий – XIX и XX вв. – несомненно связан с именем Достоевского, выступающего своего рода медиатором (проводником) между обоими эпохальными реалистическими парадигмами.

С одной стороны, Достоевский вобрал и развил традиции классического критического реализма в своем творчестве, с другой – стал мировоззренческой и собственно эстетической основой для его «рассредоточения» (когда творчество крупного писателя, не теряя самостоятельного художественного значения, растворяется в последующем литературном процессе; часто писатель, как бы растворяясь в мировом литературном процессе, оказывает всеохватывающее воздействие на его развитие) в русской литературе XX в. и обеспечил тем самым наличие реалистического «фонда преемственности», являющегося, по мнению В. Хализева, наиболее важным условием для литературного эволюционирования: «Неизменно присутствуют в литературном творчестве типы эмоциональной настроенности (возвышенное, трагическое, смех и т.п.), нравственно-философские проблемы (добро и зло, истина и красота), “вечные темы”, сопряженные с мифопоэтическими смыслами, и, наконец, арсенал художественных форм, которые находят себе применение всегда и везде. Обозначенные нами константы всемирной литературы, т.е. топосы (их называют также общими местами...) составляют фонд преемственности, без которого литературный процесс был бы невозможен» [10, с. 357].

М. Бахтин, подчеркивая важность выявления генезиса литературного явления на уровне парадигмы «традиция – современность», подчеркивает, что «произведение уходит своими корнями в далекое прошлое. Великие произведения литературы подготавливаются веками, в эпоху же их создания снимаются только зрелые плоды длительного и сложного процесса созревания» [2, с. 331]. Однако Бахтин логично фокусирует методологическую точку для исследования процессов генетического развития традиции парадигмой «современность», обозначая выявление эволюционно значимого состояния литературного явления как цель литературы как развивающейся системы: «Современность сохраняет все свое огромное и во многих отношениях решающее значение. Научный анализ может исходить только из нее и ... все время должно сверяться с нею, но зажать его (литературное произведение. – *Н.П.*) в этой эпохе нельзя: полнота его раскрывается только в большом времени» [2, с. 331].

Развивая мысль Бахтина, Н.В. Белая отмечает, что «традиции (как общекультурные, так и собственно литературные) неизменно воздейству-

ют на творчество писателей, составляя существенный и едва ли не доминирующий аспект его генезиса. При этом отдельные грани фонда преемственности преломляются в самих произведениях, прямо или косвенно. Это, во-первых, словеснохудожественные средства, находившие применение и раньше, а также фрагменты предшествующих текстов; во-вторых, мировоззрения, концепции, идеи, уже бытующие как во внехудожественной реальности, так и в литературе; в-третьих, это жизненные аналоги словеснохудожественных форм» [3].

Следует учитывать и фактор «непрямого» влияния традиции на развитие тех или иных литературных явлений, т.е. опосредованно через творчество писателя-концентра. Достоевский во многом трансформирует традиционный критический реализм, унаследованный от предшествующих русских реалистов и одновременно запускает механизм «изменения традиционности» (Д. Лихачёв) для последующих этапов развития. Д. Лихачёв отмечает, что подобная эволюционная стратегия может стать основой традиционных форм в неожиданных положениях. Ярким примером этому может стать парадоксальная проявленность реалистических концептов Достоевского в творчестве русских модернистов начала XX в. (Д. Мережковского, А. Белого, Л. Андреева, Д. Андреева) и русских постмодернистов второй половины XX в. (С. Соколова, А. Битова, Д. Галковского, В. Ерофеева и др.).

В русской литературе XIX в., с ее реалистической установкой на построение традиционной миромодели «внутренний человек – действительность», наиболее остро ставится именно проблема детерминации психобытия личности по отношению к ее инвариативной художественной модели и реальных жизненных прототипов, гипотетически присутствующих в жизни. Наиболее ярко эта взаимосвязь соотносима с героями Достоевского: с одной стороны, они поразительно условны и фантазмагоричны, а с другой – жизненно правдоподобны и реальны. Так Достоевский подвергает критический реализм предшествующего этапа «изменениям традиционности» и выводит в абсолютно новый смысловой пласт принципиальный мировоззренческий критерий реализма «произведение отражает действительность во всей сумме противоречий». Достоевский фактически идентифицирует героя как «самостоятельную действительность» и накладывает на него формулу «отражения действительности “человека в человеке” во всей сумме противоречий». Так трансформируется реалистический миметический акцент – человек становится не только отражением действительности, но и в свою очередь объектом отражения внутренних противоречий как форм проявленности «самостоятельного противоречивого бытия». Подобные трансформации в реалистическом мировидении

Достоевского, на наш взгляд, и позволили уже критикам XX в. идентифицировать в художественной системе писателя экзистенциальные мотивы и тенденции, обусловленные формулой «я-в-бытии» / «бытие-во-мне». Гипотетически у Достоевского она могла звучать так: «я-в-действительности» / «действительность-во-мне».

Психологическая сложность и неоднозначность в художественной интерпретации «человека в человеке» Достоевского во многом сокрыта в той глубинной многомерности «внутреннего мира» его героев, которая детерминирована авторской многозначностью понимания смысла человека и его бытия. Бытие реалистом Достоевским понимается и как форма «действительности», и как проявленность человеческого сознания, т.е. его «внутренний мир» и по сути становится понятием, синтезирующим классический реализм и экзистенциальные константы художественности.

Проблема детерминизма, центральная для русского реализма XIX в., обусловлена поведением и сознанием героев, различными обстоятельствами, будь то идея, культурные коды или социальная «микросреда», окружающая человека, но в произведениях Достоевского она соответствует представленности героев в их художественной безусловности. Человек трансцендентен в своей духовной сущности и есть то, что он есть, и никакие определяющие факторы ничего в нем не объясняют и ничего к нему не прибавляют. Центром художественного мира является не столько личность в ее связях с обществом, средой, эпохой, культурной традицией, сколько статус личности, ее качества в ценностных морально-нравственных потенциях.

Если говорить о непосредственных прямых соотношениях Достоевского и русских реалистов (Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького, И. Бунина) в контексте направленной и мировоззренческой рецепции, то в каждом частном случае выявляются абсолютно индивидуальные формы «расщепления». Так, например, в критике актуализируется мнение о том, что в творчестве А. Чехова интертекст Достоевского проявлен в более сложной системе, нежели прямая цитация: «Дело не только в сходстве отдельных выдержек и цитат, иногда поразительном. Чехов, нужно полагать, как раз и рассчитывал на очевидность повторов – “в надежде, что читатель и зритель будут внимательны и что для них не понадобится вывеска...”» (А.С. Суворину, 30 декабря 1888 г.). В дальнейшем откровенные повторы и стилевые переключки исчезнут, но традиция сохранится. Воспоминания Михаила Полознева, “человек с молоточком”, статистика “Крыжовника”, Беликов из “Человека в футляре”, да, наконец, и сама возможность жизни в футляре – это, несомненно, фантастические порождения русского быта;

нет смысла спорить, что страшнее – “бездны” Достоевского или затаенный, медлительный ужас жизни в чеховском городе N.» [4].

Реалистическая традиция творчества Чехова и Достоевского, смыкая константы реалистической эстетики и экзистенциально значимую тенденцию рассмотрения «действительности-во-мне», вносит весомый вклад в художественную разработку проблемы, предопределяя одно из важнейших направлений художественного познания Человека в литературном процессе всего XX в.

Достоевский оказал сильнейшее художественное влияние и на становление творчества М. Булгакова. Однако было бы принципиально неверным говорить о том, что творчество Булгакова сформировалось под влиянием Достоевского. Их сближает и разводит по разные стороны художественного слова одна и та же проблема – проблема предела. Булгаков во многом роднит с Достоевским стремление постичь и изобразить грань – между мирами, между добром и злом, верой и безверием, разумным и безумием. И в своих поисках художественного выражения предела Булгаков много раз обращается к творчеству Достоевского.

В современной критике уже стало привычным упоминание о том, что на письменном столе Булгакова лежали две книги Достоевского – «Идиот» и «Бесы». Кроме того, Булгаков точно знал и правильно воспринимал эти два романа не как отдельные произведения, а как дилогию. Булгаков воспринимал ее в контексте именно проблемы предела, ибо в основе художественно-мировоззренческой концепции дилогии Достоевского лежала мысль о том, что для осознания смысла жизни и для обретения личностного равновесия человеку необходимо испытать столько же счастья, сколько и несчастья. Булгаков в системе своего философского понимания Достоевского выделял ряд ценностно-аксиологических миробытийных констант, которые впоследствии и сформировали центральную концептосферу романа «Мастер и Маргарита»: «вера/безверие», «бунт/смирение», «добро/зло», «искушение/покаяние», – сводимую к образно-метафорической триаде «Бог – Человек – Сатана», определяющую ключевую персонологическую схему романа.

Одной из самых сложных текстовых структур в творчестве Достоевского и Булгакова несомненно является пространственно-временной уровень, который у обоих писателей выполняет не только функцию художественной организации места и времени действия, но и сам по себе становится идеей. Пространство и время и у Достоевского, и у Булгакова при всей разности их авторского моделирования приобретают некую типологическую родственность, определяемую нами как «физика» четвертого измерения. Это новое качество художественного хронотопа характеризуется

не просто слиянием пространства и времени в единый образ (по теории М. Бахтина), но и расширением сферы привычного житейского понимания – пространство жизни и время жизни. И у Достоевского, и у Булгакова пространство и время становятся объемными (четырёхмерными) и обладают способностью как сворачиваться в одну точку, так и расширяться до всебытия.

Неограниченная возможность интерпретаций смыслов в творчестве Достоевского и Булгакова достигается также за счет того особого качества хронотопа, который всецело определяет не только стилистико-композиционный рисунок, но и все текстовое пространство произведений писателей. Это качество «высшего реализма» у Достоевского М. Бахтин определил как «главный предмет изображения человека на *пороге* последнего решения, в момент *кризиса* и незавершенного – и *непредопределяемого* – поворота его души» [1, с. 71].

Парадоксальным образом М. Хайдеггер, увлекавшийся чтением Достоевского весь период 1910–1920-х гг., тем же самым качеством наделяет «экзистенциальное пространство»: пространство – «однородная, ни в одной из мыслимых точек ничем не выделяющаяся, по всем направлениям равноценная, но чувственно не воспринимаемая разъятость» [9, с. 313]. Равнозначность «пороговости» реалиста Достоевского и «разъятости» экзистенциалиста Хайдеггера определяется в системе пространственного бытия «человека внутри человека» (термин Достоевского). В.В. Заманская не случайно отмечает, что «ощущение кризисности жизни, способность увидеть своего героя “за последней чертой” бытия отразила гениальная проза Достоевского, чей художественный опыт наиболее приближается к типу сознания XX века и становится мощным фактором экзистенциализации литературы – не только русской, но и европейской» [6, с. 57].

Мировая философская мысль, объясняя специфику русского религиозного экзистенциализма, акцентирует внимание именно на проблеме «смыслоутраты», являющейся одной из основополагающих и в творчестве Достоевского. Интуитивно прочувствованные писателем страшные чувства скуки и пресыщения, представленные в романном пространстве целым рядом поступков героев, становятся свидетельством разрушительного начала человеческой личности, требуя все новых и новых средств для ее рассеяния. Бездонную пустоту своей души герои не могут заполнить ничем: ни развратом, ни попытками найти себе подобных, ни искушением. Так скука, как производная от категории «смыслоутрата», становится основополагающим фактором в постижении метафизической сущности героев и определяет проблему понимания свободы, проблему

его жизненного выбора. Смерть таких героев, как Свидригайлов, Ставрогин, Смердяков, – не нелепость, не бессмысленность, она полный конец их метафизического бытия. Болезненное переживание скептического отчаяния и душевной опустошенности выливается в неосознанное героями чувство вины, которое и является рычагом к самоубийству/убийству. В этом контексте категория вины становится внутренней доминантой, позволяющей проанализировать осознание героями собственной вины и являющейся первым шагом к искуплению, к грядущему катарсису, с наступлением которого человеческая душа должна обрести гармонию, мир, покой и очищение. И в этом принципиальное отличие Достоевского-реалиста, выводящего своих героев из «порогового» пространства в «мир с Богом» от экзистенциальной разъятости «мира без Бога». Для Достоевского отчаяние значимо обретением веры через катарсическое осмысление себя и бытия, для западноевропейских экзистенциалистов отчаяние есть выход за «пределы» бытия и значимо обретением свободы.

«Для Камю и многих его современников проблема свободы личности была центральной. Решая ее, они шли, по существу, внесоциальным путем, избираемым теми, кто, не принимая современной им действительности, искал личной свободы и приходил к анархическому бунту против всякого общественного существования. Среди далеких предтеч этого метафизического по упованиям бунтарства – Шопенгауэр, Киркегор, Ницше. Именно их книги, наряду с Достоевским – таким, каким его усвоил Запад, изучает Камю – студент Алжирского университета. Метафизические проблемы, которые, как полагал Камю, питают современную чувствительность, бунт Ивана, Кириллова, Ставрогина против бога и его творения, – вот что он тогда воспринимает как главное в творчестве русского писателя. Любимые литературные герои Камю – Кириллов и Иван – преподносят ему урок “царственной свободы”» [5, с. 83].

Литература каждого народа входит в мировой литературный процесс прежде всего знаковыми именами, определяющими наиболее эволюционно значимые этапы в становлении национальной художественной системы, именами, фокусирующими в своем творческом сознании не только генетические, контактные, типологические взаимосвязи, но и трансформационные константы, взаимообогащающие как свое национальное поле, так и мировое. Рассматривая развитие узбекского литературного процесса XX в. в контексте проблемы становления, развития и трансформации узбекского романного пространства, мы закономерно остановились на романной концепции Бахтина, развернутой им в системе романного пространства Достоевского.

Говорить о прямом влиянии романной концепции Ф. Достоевского на становление и развитие узбекской романистики достаточно сложно, поскольку этап возникновения узбекского романа связан с периодом начала XX в., когда развитие русского романа сопровождалось целым рядом процессов разрушения классической романной традиции (*к которой большинство критиков относят и роман Достоевского*), вызванных обновлением классических канонов реализма (школа знаньевского реализма начала XX в.) и появлением типа модернистского романа. Однако те ключевые принципы, которые сформировал Бахтин в концепции романа на основе анализа художественной системы Достоевского, могут дать непосредственный базовый материал и для исследований тенденций и констант развития узбекского романа XX в. Основу развития романной художественной системы в узбекской литературе XX в. несомненно составляет роман Абдуллы Кадыри «Минувшие дни», который, по мнению всей узбекской литературоведческой критики, явился событием не только в истории узбекской литературы, но и в истории художественного мировоззрения народов Средней Азии и Казахстана. Соотнесенность романной художественной системы (в комплексе формальных и содержательных признаков) Достоевского и Кадыри в большей степени ощущается именно в контексте ключевых признаков реалистического «полифонического романа», определяемых Бахтиным: 1) «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» [1, с. 6]; 2) «он строится не как целое одного сознания, объективно принявшего в себя другие сознания, но как целое взаимодействия нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого...<...> ...все в нем строится так, чтобы сделать диалогическое противостояние безысходным» [Там же, с. 20–22]; 3) основной особенностью становится «не становление, а *существование и взаимодействие*» [Там же, с. 33]; 4) «между всеми элементами романной структуры существуют диалогические отношения, то есть они контрапунктически противопоставлены» [Там же, с. 49].

Следует подчеркнуть совпадающий у Достоевского и Кадыри реалистический и социальный характер художественного психологизма, определяющего принцип реалистического романного повествования. Однако структура «композиционного диалога» у писателей несколько дифференцирована. Для Достоевского система «самостоятельных и неслиянных сознаний» героев, как правило, вписана в контекст социально-бытийно-бытового плана, Кадыри определяет сюжетно-композиционное диалогическое пространство в контексте историко-социальной действительности и личной жизни своих героев. Расширение внутреннего «частного» пространства личной жизни героев за счет композиционного расширения

исторического фона усиливает ощущение реалистичности повествования и многоуровнево детерминирует основной сюжетобразующий конфликт романа. Если в большинстве романов Достоевского таким фоновым контекстом личного конфликта «сознаний героев» становятся идеи, как правило, социально обусловленные, то для художественной системы Кадыри в большей степени свойственно контекстуальное наполнение личного конфликтного фона социально-исторической детерминацией, соотносимой с реальной бытовой конкретикой истории Туркестана середины XIX в. Однако применительно к романам и Достоевского, и Кадыри может быть верным утверждение Бахтина (вступающего в аналитический спор с концепцией Б.М. Энгельгардта о сущности констант «идея – идеология» применительно «идеологического романа» Достоевского) о том, что «идея как предмет изображения занимает громадное место в творчестве Достоевского, но не она героиня его романов. Его героем был человек, и изображал он, в конце концов, не идею в человеке, а, говоря его собственными словами, “человека в человеке”. Идея же была для него или пробным камнем для испытания человека в человеке, или формой его обнаружения, или, наконец, – и это главное – тем “медиумом”, тою средою, в которой раскрывается человеческое сознание в своей глубочайшей сущности» [1, с. 38–39].

Вариативность постижения «тайны человека» в творчестве Достоевского предполагает не только неоднозначность прочтения его произведений, но широкоаспектность в выборе концептуального принципа построения новых систем осмысления философских взглядов писателя и его историко-литературного пути. Определение и систематизация уровней влияния творчества Достоевского на формирование мирового литературного процесса позволят сформировать в современном литературоведении методологию системного исследования по принципу «писатель – литературный процесс», а также теоретизировать ряд историко-литературных категорий по проблеме определения логики развития мирового литературного процесса.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Белая Н.В. Традиция и новаторство как важнейшие составляющие литературного творчества // Искусствоведение. 2007. № 2.
4. Достоевский в зарубежных литературах. Л., 1978.
5. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М., 2002.

6. Львова И.В. Ф.М. Достоевский и американский роман 1940–1960-х годов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2010.
7. Трунин С.Е. Рецепция Достоевского в русской прозе рубежа XX–XXI веков. М., 2008.
8. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
9. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999.
10. Громов М.П. Книга о Чехове. М., 1989.

К.Я. Сигал

Стилистический синтаксис конструкций с приложением в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека»

В статье показано, что конструкции с приложением по-разному употребляются в речи первого и второго рассказчика, в связи с чем они включены в создание «рассказа в рассказе» как особой композиционной структуры. Кроме того, прослежено, как писатель использует стилистически значимые различия конструкций с приложением.

Ключевые слова: стилистический синтаксис, приложение, синтаксическая организация «рассказа в рассказе», стиль М.А. Шолохова.

Рассказ «Судьба человека», который, по словам Н.М. Федя, стал «лебединой песней» М.А. Шолохова [22, с. 192], во многом не только преобразил жанровый канон рассказа как малой эпической формы, но и изменил эстетику читательского восприятия художественной прозы о Великой Отечественной войне.

Несмотря на то, что этот шолоховский рассказ давно стал излюбленным предметом изучения не только литературоведов, один из которых посвятил ему целую монографию [15], но и лингвистов [6; 8; 10; 17], в шолоховедении до сих пор не ставился вопрос о синтаксической стороне повествовательной организации рассказа и, соответственно, о том, как участвуют различные синтаксические конструкции в его речевом построении.

Между тем наблюдения над синтаксисом рассказа «Судьба человека» показывают, что особая композиционно-стилистическая целесообразность отличает здесь систему употребления конструкций с приложением и что стилистический ресурс аппозиции во многом направлен на речевую мотивировку такой избранной писателем формы повествования, как «рассказ в рассказе».

К сожалению, конструкции с приложением, как и целый ряд других синтаксических конструкций, до сих пор остаются почти не осмысленными в стилистическом плане. Как совершенно справедливо замечает С.Я. Ермоленко, «собственно стилистический анализ словосочетаний, предложений как основных единиц синтаксического уровня нередко растворяется в пересказывании смысла, выражаемого этими единицами в конкретном тексте, или ограничивается рассмотрением отклонений от синтаксических норм, изучением явлений эллиптизации, присоединения, парцелляции в синтаксической организации фразы» [11, с. 2]. Названные тенденции сложились не столько по той причине, что синтаксисты мало озабочены стилистической специализацией изучаемых ими конструкций, сколько потому, что нередко представления о стиле того или иного художника слова формируются до и вне всякого рассмотрения мастерства словесного искусства.

Так, ни у кого не вызывает возражений тезис формальной школы в литературоведении о том, что «художественное произведение есть всегда нечто *сделанное*... (курсив мой. – К.С.)» [26, с. 59]. Однако, по словам Л.М. Леонова, «как правило, никто из критиков... не пишет об инженерии художественных вещей – *как они сделаны*... (курсив мой. – К.С.)» [4, с. 328].

На наш взгляд, именно это побудило Б.А. Ларина, одним из первых предложившего опыт стилистического постижения рассказа М.А. Шолохова «Судьба человека», сказать о том, что шолоховские произведения «не поддаются “зауряд-критике”», и о необходимости так называемого «спектрального анализа стиля», позволяющего «раскрыть то, что “задано” в тексте писателя, во всю его колеблющуюся глубину» [14, с. 262, 278].

В свете «спектрального анализа стиля» те или иные синтаксические конструкции, в том числе и конструкции с приложением, следует рассматривать во всем диапазоне их употребления, с учетом разных типов варьирования и разных «слоев» передаваемой ими смысловой информации. Пройдя через «спектральный анализ стиля», синтаксические конструкции как бы раскрывают те стилистические механизмы, благодаря которым они становятся «пластичным» средством в руках мастера словесного искусства.

Чтение шолоховского рассказа оставляет у неискушенного читателя ощущение живой народно-речевой стихии, где нет и не может быть ничего намеренно «сделанного», где все просто и безыскусственно и где приоритет отдан слову, но не его синтаксическим «вхождениям». Однако неискушенный читатель потому и остается таковым, что он не способен отрефлексировать процесс восприятия словесного искусства. Так, например, из психолингвистики известно, что реципиент почти без затруднений воспроизводит смысл речевого высказывания, но не его синтаксическую форму, причем это несколько не снижает уровень смыслового восприятия обыденной речи [20, с. 70]. Каково же было бы удивление неискушенного читателя, если бы ему показали, что, оставляя без внимания синтаксическую форму в художественной речи и воспринимая только «то, о чем», но не «то, как», он несет потери смысловой информации и не испытывает полноты эстетического переживания. Иначе говоря, не осознавая того, как делается шолоховский рассказ в синтаксическом плане, его читатель не способен всецело понять то, что сказано в нем.

«Спектральный анализ стиля» предполагает рефлектирующего читателя, искусственного и потому искусного, «читателя-друга» (по Н.С. Гумилеву, «прекрасно знающего, как связаны техникой все достижения поэта» [9, с. 182]), читателя, языковое сознание которого обладает установкой на семасиологизацию и обнаружение стилистической целесообразности не только слов, но и синтаксических конструкций в художественной речи. Представляется, что вовсе не случайно именно лингвисты-шолоховеды в один голос говорят о «сложной простоте» речевой организации рассказа «Судьба человека» [6, с. 21], о том, что «простота эта – простота высокого мастерства и мудрости зрелого художника» [10, с. 250].

Первоначальные наблюдения над отдельными случаями использования приложений, впрочем, весьма пронизательные, были сделаны М.В. Глушковой, рассмотревшей шолоховский рассказ с интонационно-стилистической точки зрения [8, с. 353–355]. Однако «спектральный анализ стиля» рассказа «Судьба человека», на наш взгляд, требует большего внимания к

конструкциям с приложением, причем не столько к отдельным их употреблениям, сколько к их речевой системе.

Конструкция с приложением (или, в другой терминологии, аппозитивная конструкция) представляет собой синтаксически компактную «упаковку» целой предикации в форме субстантивного атрибута, относящегося к тому или иному субстантивному члену предложения. Как генетически, так и функционально аппозитивные отношения связаны с предикативными: «наличность в языке приложения стоит в прямой связи с возможностью употребления имен существительных как названий субстанций или явлений в качестве сказуемых» [24, с. 280]. Тем не менее конструкция с приложением приобрела особую синтаксическую форму по сравнению с бисубстантивной предикацией, поэтому вряд ли уместно считать ее «слабосвязанной предикативной конструкцией» [13, с. 14].

Кроме того, сами аппозитивные конструкции неоднородны в плане проявления имплицитно-предикативных свойств: одно дело – обособленные приложения, при которых в коммуникативное задание предложения-высказывания входит подчеркивание предикативного «веса» субстантивного атрибута, и другое дело – необособленные приложения, которые тяготеют к образованию номинативного комплекса с определяемым компонентом.

Дифференциация конструкций с необособленным и обособленным приложением носит структурно-семантический характер. «Так, если необособленные приложения (субстантивные определения) присоединяются к определяемому имени в результате последовательного распространения <...>, то обособленные приложения занимают... синтаксическую позицию параллельно с другим именем. <...> в первом случае оба имени образуют единое сложное наименование какого-то лица (предмета), во втором – они оказываются по отношению к нему наименованиями-дублетами» [16, с. 138].

Эта дифференциация отображается в синтаксической форме конструкций с необособленным и обособленным приложением. Так, например, только конструкции с обособленным приложением могут включать местоименный компонент, именно в них допускается более свободное варьирование порядка размещения субстантивного атрибута, только в них как определяемый компонент, так и приложение получает возможность реализовать свои атрибутивные валентности, только в них приложение носит подчеркнuto

рематический характер и поэтому нацелено на передачу новой смысловой информации об определяемом компоненте [5]¹.

Особую конструктивно-семантическую значимость приобретает пауза перед обособленным приложением: «пауза не только разделяет два понятия – определяемое и определяющее, но и объединяет их при квалификации первого понятия вторым» [5, с. 6]. Пауза подчеркивает «свернутую» в форме конструкции с обособленным приложением субъектно-предикатную бисубстантивную конструкцию, выявляя семантику тождества компонентов, и вместе с тем сигнализирует о наличии либо об отсутствии имплицитно выраженных сопутствующих смысловых отношений между компонентами. Несобственно предикативный характер данной паузы и отсутствие полноценного предикативного расчленения конструкции с обособленным приложением обуславливает в ней выражение значения уточнения (и шире – добавочности).

Поскольку стилистическая категоризация синтаксических форм отличается нечеткостью [3, с. 28], почти невозможно, взяв конструкцию с приложением в состоянии «синтаксического покоя» (В.Г. Адмони), т.е. без учета лексико-грамматического и лексического качества ее компонентов, порядка их размещения и т.д., оценить ее отнесенность к книжной либо к тем или иным «стратам» разговорной речи, определить ее эмоционально-экспрессивную окраску. Наоборот, при рассмотрении конструкций с приложением в состоянии синтаксического движения, с учетом разных типов варьирования, удастся раскрыть их стилистическое своеобразие.

В рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» неоднократно встречаются конструкции с обособленным приложением, в которых определяемый компонент выражен личным местоимением 2-го или чаще 3-го лица, вынесенным в препозицию, а в качестве субстантивного атрибута выступает инвективное имя существительное (или субстантиват) либо субстантивный фразеологизм. Ср., например: *Только одного он, дурак, не мог соо-*

¹ Тем не менее в речевом узусе нередко встречается такая синкретичная (или совмещенная) форма аппозиции, при которой в функции обособленного приложения выступает конструкция с необособленным приложением. В подобных структурах, где в качестве доминирующего синтаксического прецедента оказывается обособление, отражена градуальность аппозиции. Отметим, что в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» синкретичная форма аппозиции (ср.: *сосед мой, столяр Иван Тимофеевич* и др.) используется для создания эффекта информационно-смысловой конденсации в речи второго рассказчика – Андрея Соколова.

бразить...¹; И где он, проклятый², только и учился этому ремеслу; «Нет, – думаю, – не дам я тебе, сучьему сыну, выдать своего командира!»).

Подобные аппозитивные конструкции довольно точно отражают в своем речевом выражении свободную стихию экспрессивной народно-разговорной речи, где не сдерживают негативных эмоций и не скрывают пейоративных оценок (тем более что говорится здесь о враге и о предателе). При этом важно отметить, что препозиция личного местоимения по отношению к его субстантивному дублету обычно бывает достаточна как маркер устно-разговорного происхождения конструкций с обособленным приложением. Ср.: *Отцово дело отжитое, а у него, у капитана, все впереди.*

Представляется, что в рассказе «Судьба человека» более существенными оказываются возникающие в нем внутренние структурно-стилистические закономерности «монтажа» речевой системы аппозитивных конструкций, ориентированного так или иначе на отображение повествовательной формы художественного произведения, его композиции, значимых в идейно-сюжетном плане смысловых противопоставлений и т.д.

Начиная с такой факультативной, но всегда насыщенной смыслом сильной позиции текста, как посвящение, М.А. Шолохов использует конструкцию с обособленным приложением: *Евгении Григорьевне Левицкой, члену КПСС с 1903 года.*

Обычно при смысловом истолковании этого шолоховского посвящения обращают внимание только на определяемое имя собственное, размышляя о трудной судьбе Е.Г. Левицкой как до революции, так и в сталинскую эпоху, о дружеских ее отношениях с М.А. Шолоховым, об исповедальном характере писем М.А. Шолохова к ней и т.д. Включая же в фокус смысловой интерпретации обособленное приложение, дающее характеристику лица по стажу членства в КПСС, литературоведы в разные периоды истории нашей страны трактовали шолоховское посвящение по-разному.

В советское время А.И. Хватов писал: «Посвящая рассказ старой большевичке, жизненный путь которой связан с героической историей партии и революционного движения России, Шолохов как бы намекает на связь времен, на непрерывность исторического движения. Писатель как бы напоминает, что нельзя разгадать тайну величия и трагической красоты характера и судьбы его героя, не учитывая той роли, какая принадлежала Октябрьской революции в судьбе народа» [23, с. 294].

¹ Здесь и далее рассказ М.А. Шолохова «Судьба человека» цитируется по изданию [25].

² В данном случае субстантивация прилагательного проклятый не связана напрямую с его синтаксической функцией – аппозитивной, так как в обиходно-разговорной речи это слово типично употребляется в значении существительного как бранное [21, с. 290].

В своей книге, подготовленной к 100-летию юбилею со дня рождения М.А. Шолохова, С.Г. Семенова замечает, что в рассказе «Судьба человека» полностью «отсутствует... коммунистический пафос» [18, с. 323], а в посвящении к рассказу, «с этим точно обозначенным почетно-уважительным ветеранским партийным стажем», было «некоторое ограждение», поскольку в «Судьбе человека» М.А. Шолохов открывал «трудную тему, до того фактически табуированную» [Там же, с. 339–340].

Очевидно, что смысловая интерпретация этого шолоховского посвящения довольно сложна и в ней могут быть задействованы разные предполагаемые авторские мотивы. Находясь как бы вне повествовательной организации рассказа, посвящение проявляет себя в ней двояким образом. Во-первых, обладая особой синтаксической формой – аппозитивной, посвящение задает повышенный «тонус» конструкций с приложением в рассказе. Во-вторых, будучи речевым актом автора, посвящение четко отделяет автора от повествователя (точнее говоря, от первого рассказчика), тогда как в самом рассказе они практически отождествляются.

По характеру повествовательной формы композиция рассказа «Судьба человека» определяется как «рассказ в рассказе», по своей же структуре она относится к обрамляюще-прерывистому типу. Действительно, здесь имеются два рассказчика, причем рассказ первого из них включает в себя рассказ второго, хотя включенный рассказ перемежается фрагментами основного рассказа (в том числе обменом репликами между рассказчиками).

Повествовательная форма «рассказ в рассказе» позволяет автору, с одной стороны, сказать от другого я многое из того, что не принято было произносить вслух, а с другой стороны, расставить нужные ему смысловые акценты.

В отличие от традиционного рассказа от 1-го лица, где личное местоимение *я* в речи рассказчика остается тождественным самому себе на протяжении всего повествования, в повествовательной форме «рассказ в рассказе» личное местоимение *я* принадлежит попеременно то одному рассказчику, то другому. Между этими *я* возникают сложные отношения: в частности, если *я* «переключается» в *он* (т.е. в форму 3-го лица), то это *я* не маркирует ведущего рассказчика, во многом совпадающего с автором, и наоборот.

В рассказе «Судьба человека» по наличию «переключения» из 1-го лица в 3-е лицо становится ясно, что Андрей Соколов не является ведущим рассказчиком. Поэтому, кстати говоря, именно он трижды получает наименование *рассказчик*, соотносимое с формой 3-го лица.

Применительно к «Судьбе человека» отмечалось, что «оба рассказчика играют активную роль в произведении, взаимно дополняют друг друга и вместе с тем ведут относительно самостоятельные “партии”» [15, с. 49].

При повествовательной форме «рассказ в рассказе» речевые средства основного и включенного рассказов концентрируются вокруг своих композиционно-смысловых центров – я первого рассказчика и я второго рассказчика, что обусловлено референциальным варьированием формы 1-го лица. М.А. Шолохов строит повествование так, что речевые «партии» обоих рассказчиков то сближаются, то расходятся, причем это происходит так или иначе на разных уровнях речевой структуры.

Примечательно, что в лексике заметнее расхождение (например, в речи второго рассказчика, т.е. Андрея Соколова, весьма колоритны просторечные «вкрапления», жаргонизмы, инвективы и др.), тогда как в синтаксисе имеется и то, и другое, причем границы между двумя композиционно-смысловыми центрами проходят нередко между разными употреблениями одной и той же синтаксической конструкции (это относится, в частности, к конструкциям с приложением).

Главным противоречием, определяющим стилистико-синтаксическое своеобразие «рассказа в рассказе» как особой повествовательной формы, является противоречие между ориентацией повествования от 1-го лица на разговорный синтаксис и необходимостью дифференцировать я обоих рассказчиков, в том числе и за счет синтаксических средств. Представляется, что во многом благодаря речевой системе конструкций с приложением М.А. Шолохов стремился преодолеть названное противоречие в рассказе «Судьба человека».

Прежде всего, необходимо отметить, что в речи первого рассказчика конструкции с приложением встречаются примерно в 7 раз реже, чем в речи второго рассказчика.

Еще до встречи со своим «случайным собеседником» – Андреем Соколовым – первый рассказчик употребляет несколько конструкций с необособленным приложением, давая предметно-пространственное описание своей поездки: *в станцию Букановскую; через речку Еланку; против хутора Моховского*. Показательно, что в рассказе самого Андрея Соколова посредством подобных конструкций с необособленным приложением, включающих определяемый компонент *город¹*, частично показана «гео-

¹ В теории членов предложения, связанной с русской синтаксической традицией, считается, что в конструкциях с необособленным приложением «при сочетании нарицательного и собственного существительных, обозначающих неодушевленные предметы, приложением является имя собственное» [2, с. 363].

графия» немецкого плена: *под городом Кюстрином; в город Потсдам; в город Полоцк.*

Конструкция с обособленным приложением позволяет обоим рассказчикам устранять неточности при собственно родовом наименовании топонима в продолжении рассказа или при отнесении малоизвестного топонима к родовому понятию.

Еще несколько конструкций с обособленным приложением первый рассказчик использует почти в самом конце повествования, в своем лирическом монологе. Ср.: *Два осиротевших человека, две песчинки, брошенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит, и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина.* Здесь благодаря конструкциям с обособленным приложением создается смысловой контраст. Если в первой из них «свернутая» метафорическая предикация характеризует Андрея Соколова и его «нового сынка» Ванюшку как одиноких и беспомощных, то во второй – имплицитно выраженное сопутствующее смысловое отношение причины объясняет несломленность человека такой трагической судьбы.

Причем если первая конструкция с обособленным приложением помещена в контекст именительного представления, выдвигающего на первый план значение медитативности [1, с. 406], то вторая – в утвердительно-патетический контекст, несколько ослабленный, впрочем, условным наклоном безличного модального глагола-связки. Несомненно, что подобной контекстуализацией конструкций с обособленным приложением первый рассказчик подчеркивает их смысловой контраст.

По сути дела, этим исчерпывается аппозитивный «инвентарь» в речи первого рассказчика. Немногочисленность конструкций с приложением, а также их ограниченность бисубстантивными моделями позволили писателю по характеру синтаксического «рисунка» противопоставить речь первого рассказчика речи второго рассказчика, где широко употребляются конструкции с приложением и где примерно 40% среди них занимают модели с препозицией местоименного компонента в дейктической или – чаще – в катафорической функции, вовсе отсутствующие в речи первого рассказчика.

Андрей Соколов еще до начала своего рассказа использует конструкцию с обособленным приложением, когда пытается завязать разговор с первым рассказчиком, принятым им за шофера: – *...А я иду мимо, гляжу: свой брат-шофер загорает.*

Интересно, что А.А. Шахматов относил подобные аппозитивные формы со словосочетанием «имя существительное *брат* + согласованное с ним препозитивное лично-притяжательное местоимение» к областному языку [24, с. 284]. По-видимому, М.А. Шолохов также подчеркивает этой конструкцией с необособленным приложением, «типичной для разговорно-просторечного синтаксиса» [10, с. 251], народно-разговорную основу речи Андрея Соколова.

Конструкции с необособленным приложением в речи второго рассказчика употребляются большей частью для обозначения тех лиц и предметов, которые повстречались ему в немецком плену. Именно поэтому в состав таких конструкций с необособленным приложением могут входить невольно запомнившиеся Андрею Соколову отдельные немецкие слова и вокативные обороты. Ср.: *эрзац-хлеба; в лагерь Б-14; немец Мюллер; герр лагерфюрер; герр комендант; немца-инженера*. По своей функции эти конструкции с необособленным приложением являются цельными номинациями и поэтому представляют собой не что иное, как номинативные комплексы.

В речи второго рассказчика встречаются конструкции с необособленным приложением, включающие вокатив *товарищ*. Ср.: *Долго они молчали, потом, по голосу, взводный тихо так говорит: «Не выдавай меня, товарищ Крыжнев»*. В речи взводного слово *товарищ* употребляется как принятое в советском обществе обращение к человеку [17, с. 68]. Предателя второй рассказчик, Андрей Соколов, никогда не назвал бы товарищем, здесь в его речи это только чужое слово. Поэтому-то в продолжении рассказа он согласует с фамилией предателя указательное местоимение как знак отчуждения: *Как и говорил этот Крыжнев...*

Ср., однако, в речи самого второго рассказчика: *Прошу, товарищ полковник, зачислить меня в стрелковую часть, где соблюдена стандартность обращения в среде военных*. Выступая в качестве общепринятых наименований лиц в речевом акте обращения, конструкции с необособленным приложением, включающие вокатив *товарищ*, были в языке советской эпохи устойчивой моделью комплексной номинации.

При обозначении конструкциями с необособленным приложением близких ему людей второй рассказчик сохраняет рематический акцент на аппозитивном компоненте и особо выделяет несомую им предикацию. Ср. обобщающее утверждение Андрея Соколова в рассказе о его жене: *Вот что это означает – иметь умную жену-подругу*. «Семантика приложения обуславливает интонационные оттенки одобрения, положительной оценки, усиливая, проясняя светлые, радостные тона размышлений горя» [8, с. 354].

Оценочный компонент в семантике приложения накладывает ограничения на лексическую сочетаемость определяемого компонента всей сложной атрибутивно-аппозитивной конструкции: заменить согласованное определение на его антоним здесь невозможно (**глупую жену-подругу*), хотя само по себе, вне «свернутой» в данной конструкции с необособленным приложением предикации, имя существительное *подруга* свободно сочетается как с прилагательным *умная*, так и с его антонимом.

Ср. также из рассказа о жизни в лагере Б-14: *Лишь один мой приятель-москвич злился на него* (на коменданта лагеря. – К.С.) *страшно*. «*Когда он ругается, – говорит, – я глаза закрою и вроде в Москве, на Зацепе, в пивной сижу, и до того мне пива захочется, что даже голова закружится*».

В данном случае чужая речь получает смысловую мотивировку в приложении, которое характеризует произносящее ее лицо по признаку ‘место рождения и / или постоянного проживания’: приятель вспоминает о Москве, потому что он москвич. «Оживление» бисубстантивной предикации, лежащей в основе конструкции с необособленным приложением *приятель-москвич*, показывает, что аппозиция прочно удерживает здесь генетическую связь со своей предикацией и что она не превратилась окончательно в составное наименование.

Конструкции с обособленным приложением, созданные по бисубстантивной модели, в речи второго рассказчика употребляются для уточняющего обозначения лиц. Ср.: *старшенький, Анатолий* – с субстантивированным определяемым компонентом; *все четверо моих: Ирина, Анатолий и дочери – Настенька и Олюшка* – совмещенно-слитное приложение; *сосед мой, столяр Иван Тимофеевич и от соседа, Ивана Тимофеевича*, где при повторном обозначении одного и того же лица маловажный уточняющий субстантивный признак ‘профессия’, уже известный собеседнику, устраняется и др.

В эпизоде, где Андрей Соколов рассказывает о гибели своего сына Анатолия, конструкции с обособленным приложением, отнесенные к одному и тому же референту, дифференцируют официально-нейтральное и отцовское восприятие смерти Анатолия Соколова, различаясь по лексическому качеству компонентов (*сын – сынишка; капитан Соколов – Толька*). Ср.: *Подполковник подошел ко мне и тихо говорит: «Мужайся, отец! Твой сын, капитан Соколов, убит сегодня на батарее. Пойдем со мной!» и Подошел я к гробу. Мой сын лежит в нем и не мой. ...Только в уголках губ так навеки и осталась смешинка прежнего сынишки, Тольки, какого я когда-то знал... .*

Трагедия отца раскрыта здесь по-шолоховски деликатно – через ласку, вылившуюся в двойном наименовании сына диминутивными производ-

ными существительными. Хотя уменьшительная форма имени собственного *Толька* не обладает закрепленным эмоциональным значением, в рамках аппозитивного сочетания с уменьшительно-ласкательным именем нарицательным *сыннишка* она оказывается выразителем эмоционального значения ласкательности.

Очевидно, что лексическое качество компонентов в обеих конструкциях с обособленным приложением, тождественных в плане референции, служит у второго рассказчика созданию эмоциональной границы между своей (производимой) и чужой (воспроизводимой) речью.

Поистине стилистическим открытием М.А. Шолохова стали обособленные приложения, относящиеся к местоименному определяемому компоненту в препозиции (такой плотности их употребления, как в рассказе «Судьба человека», в малой эпической прозе еще не встречалось). По своему происхождению эти конструкции являются разговорно-просторечными, в их синтаксической форме отражена типичная для разговорного повествования «задержка» предметной номинации, предвосхищением которой в речи становится номинация местоименная.

Важно отметить, что личное местоимение может выполнять в подобных конструкциях с обособленным приложением как дейктическую (в формах 1-го и 2-го лица), так и катафорическую (в форме 3-го лица) функцию. При дейктической функции на первый план в семантике конструкции с обособленным приложением выходит уточняющее либо уточняюще-обстоятельственное (причинное) значение, поскольку местоименные обозначения участников коммуникации сами по себе не нуждаются в пояснительном сопровождении. При катафорической функции собственно пояснительное значение конструкции с обособленным приложением создается за счет проспективно-заместительного отношения местоименного компонента к следующему за ним субстантивному дублету.

А.П. Сковородников обособленные приложения, относящиеся к определяемому катафорическому местоименному компоненту, рассматривает в рамках «синтаксической антиципации», ведущая функция которой – «интригующе-актуализирующая», состоящая в «активизации внимания и возбуждении интереса адресата», а также в «выделении, акцентировании» предвосхищаемого члена предложения [19, с. 61–62].

Полагаем, что в народно-разговорном повествовании никакой «интриги» в таких конструкциях с обособленным приложением обычно не бывает. В повествовании носителя просторечия, каким является второй рассказчик – Андрей Соколов, двойная местоименно-субстантивная номинация, расчлененная пояснительной паузой, нередко обозначает то,

о чем уже и так догадывается собеседник, но сразу не может быть названо предметным именем по весьма различным психологическим причинам.

Так, переходя от рассказа о благополучном мирном времени к рассказу о войне, в которой он потерял все, Андрей Соколов говорит: *А тут вот она, война*, причем это первая употребленная им подобная конструкция с обособленным приложением. По справедливому замечанию М.В. Глушковой, «фраза эта является находкой автора». «Замена главного члена местоимением, – разъясняет она, – имеет здесь психологическую мотивировку. Слишком прямо, непосредственно весь ужас, трагизм судьбы связан в его (Андрея Соколова. – К.С.) сознании, сердце со словом “война”. Он не может его назвать просто...» [8, с. 353].

Показательно, что конструкция с обособленным приложением принципиально не поддается здесь вполне типичному сокращению до субстантивного атрибута: **А тут вот война*. В этом трансформе разрушается эмоциональный «лик» второго рассказчика: как будто бы он предваряет рассказ не о своей трагической судьбе, а о каком-то стороннем для него происшествии! Как и всегда, стилистическое чутье М.А. Шолохова в данном случае безупречно: семантическая дублетность в рамках аппозиции оказывается избыточной, а пауза между ее компонентами наполняется глубоким психологическим смыслом.

Стилистико-синтаксическое своеобразие конструкций с обособленным приложением, относящимся к местоименному определяемому компоненту в препозиции, особым образом раскрывается в речи второго рассказчика на фоне соотносительных с ними предикативных конструкций.

Ср., например, размышления Андрея Соколова после того, как комендант лагеря предлагает ему, обреченному на смерть, выпить за победу немцев: *Думаю про себя: «Чтобы я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?!...»* и речь коменданта, пораженного храбростью своего противника: *Вот что, Соколов, ты – настоящий русский солдат....* Конструкция с обособленным приложением используется при изображении внутренней речи, не высказанных вслух мыслей второго рассказчика, что подчеркивает значимость аппозитивно «свернутых» предикаций в речи для себя. Обособленное приложение у Андрея Соколова обозначает прежде всего причину его возмущения, выраженного в синкретичной форме риторического вопроса и риторического восклицания. В прямой речи коменданта лагеря в форме предикативной конструкции дается оценочно-констатирующее суждение об Андрее Соколове, адресованное ему.

При этом в обоих предложениях-высказываниях ощущается идиоматизация семантики, казалось бы, свободного словосочетания *русский сол-*

дат: наряду с синтаксически мотивированным смыслом ‘солдат России’ оно выражает также «приращенный» смысл ‘человек особого мужества, характера’. Поэтому-то в приложении и проскальзывает «скрытая, едкая издевка над немцем» [8, с. 355].

Переходя к рассказу о своей жизни в Урюпинске, у приятеля, Андрей Соколов сообщает: *Приятель мой и жена его были бездетные, жили в собственном домике на краю города*. Когда он появился у них в доме с Ванюшкой, принесенным на руках, по его словам, «они, оба мои бездетные, сразу сообразили, в чем дело, засуетились, забегали».

Согласно Н.И. Жинкину, «предложения возникают при сжатии задуманного текста...» [12, с. 107]. Наблюдения показывают, что при повторении смысловой информации в тексте синтаксическая форма «сжатия» теряет степень своей предикативности и в структурном плане становится более компактной.

Так, вторым рассказчиком смысловой признак ‘бездетный’ сначала подается как предикат, а затем – как обособленное приложение. В аппозитивной конструкции, где нет места для глагола-связки, этот смысловой признак оказывается атемпоральным, в результате же частеречной транспозиции он выражается уже не именем прилагательным, а субстантиватом, т.е. приобретает качество постоянной предметной номинации. При этом по сравнению с предикативной конструкцией в аппозитивной снижается рематическая выделенность и тем самым новизна, необычность смыслового признака ‘бездетный’. Подобные «сдвиги» стилистически значимы для раскрытия мотива одиночества, потери семьи и детей, ставшего в рассказе Андрея Соколова доминантным.

Андрей Соколов «постоянно чувствует свою слитность с товарищами, с массой, с народом, что позволяет ему чередовать “я” и “мы”...» [15, с. 52]. Вспоминая о пребывании в немецком плену, второй рассказчик неоднократно употребляет такие обособленные приложения, которые уточняют личное местоимение 1-го лица множественного числа, находящееся в препозиции. Ср.: *нас, сто сорок два человека советских военнопленных; нас, человек триста самых крепких; нас, всю дневную смену*.

Говоря о немцах и о том, как они относились к нашим военнопленным, второй рассказчик также несколько раз определяет посредством обособленного приложения (чаще всего – инвективы) препозитивное личное местоимение 3-го лица множественного числа: *они..., мои охранники; на них, сволочей; им, проклятым*.

Здесь смысловой контраст различных форм местоимений (*мы – они*), обусловленный их действительской природой и восходящий к архетипическому в народной культуре противопоставлению «свой – чужой», подкре-

пляется лексической «непересекаемостью» обособленных приложений в тех и других конструкциях.

Интересно отметить, что в рассказе Андрея Соколова смысловому контрасту конструкций с обособленным приложением не препятствует и одноличность форм местоимений – препозитивных определяемых компонентов. Ср. в рассуждениях второго рассказчика о слабовольных мужчинах, писавших своим «женам и милахам» с фронта «жалостные» письма: *И вот он, сука в штанах, жалуется, сочувствия ищет, слюнявится... Она после этого письма, горемыка, и руки опустит...* . Одноличность форм местоимений 3-го лица единственного числа компенсируется различием по роду, в данном случае оказавшимся ключевым в создании смыслового и, главное, эмоционального контраста.

Наряду с лексическим качеством обособленных приложений усилению контраста здесь способствует несовпадение конструкций в плане контактности/дистантности размещения местоименных компонентов. Разрывая аппозитивную конструкцию детерминирующим членом предложения с совмещенным значением временного последования и следствия, второй рассказчик не только дает смысловую мотивировку обособленного приложения, но и превращает его в ритмический центр фразы.

Как видим, разговорно-просторечное происхождение подобных конструкций с обособленным приложением, исключаяющее их в речи первого рассказчика, не стало препятствием к их стилистически нюансированному употреблению в речи второго рассказчика. При этом важно заметить, что речевой замысел второго рассказчика лишь опосредованно направлен на тот или иной стилистический «поворот» в употреблении конкретной синтаксической конструкции.

Психолого-речевая достоверность повествования Андрея Соколова выражается, в частности, в том, что в процессе синтаксического построения рассказа то и дело «у него совершенно *непреднамеренно* (курсив мой. – К.С.) получается стилистический “прием”» [6, с. 18]. Связано это с тем, что в любой повествовательной форме, не исключая «рассказа в рассказе», «рассказчик – речевое порождение писателя» [7, с. 122].

Совершенно очевидно, что в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» конструкции с приложением складываются в особую речевую систему, призванную разграничить два композиционно-смысловых центра повествования – двух рассказчиков.

Первый рассказчик почти не употребляет конструкций с приложением, ограничивает свой аппозитивный «багаж» бисубстантивными моделями. Встретившиеся у первого рассказчика конструкции с приложением ориентированы на разговорно-литературную и на книжную речь.

В речи второго рассказчика, наоборот, конструкции с приложением становятся своеобразной синтаксической приметой. Действительно, аппозиция применяется вторым рассказчиком довольно широко и не исчерпывается бисубстантивными моделями. В лексическом «воплощении» многих конструкций с приложением, а особенно в употреблении моделей с препозицией местоименного определяемого компонента, обнаруживается ориентация второго рассказчика на разговорно-просторечную форму общения.

Причем несмотря на то, что просторечие, будучи не обработанным художником слова, не отличается синтаксической «маневренностью», в устах второго рассказчика оно несколько не препятствует раскрытию тончайших смысловых нюансов аппозиции как необособленного, так и – в особенности – обособленного типа.

Важно отметить, что у обоих рассказчиков создание смыслового контраста является объединяющей структурно-стилистической чертой в употреблении конструкций с обособленным приложением. Правда, у первого рассказчика смысловой контраст представляет собой не что иное, как стилистическое намерение, тогда как у второго рассказчика – непосредственное отображение правды жизни в «пограничных» ситуациях человеческого существования, обостряющих контрастность чувств и понятий.

Таким образом, можно полагать, что в синтаксическом построении «Судьбы человека» как «рассказа в рассказе» М.А. Шолохов делал особую ставку на композиционно-стилистическую дифференциацию и на экспрессивный потенциал конструкций с приложением.

Библиографический список

1. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М., 2004.
2. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. М., 2011.
3. Барлас Л.Г. Русский язык. Стилистика. М., 1978.
4. Бондарев Ю.В. Мгновения. М., 2009.
5. Бубните З.Б. Структурно-стилистическая характеристика свободной аппозиции в совр. нем. языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
6. Васильева А.Н. М. Шолохов. Судьба человека (Опыт стилистического анализа) // Вопросы стилистики: Межвуз. научн. сб. Вып. XI. Саратов, 1976. С. 3–22.
7. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959.
8. Глушкова М.В. Интонационно-выразительные средства в рассказе М. Шолохова «Судьба человека» // Вопросы русского языкознания. К 80-летию А.М. Лукьяненко. Саратов, 1961. С. 335–357.
9. Гумилев Н.С. Собр. соч.: в 4 т. Т. IV. М., 1991.

10. Дагуров Г.В. Язык рассказа М. Шолохова «Судьба человека» // Ученые записки Московского обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. Т. 204. Русский язык. Вып. 14. М., 1967. С. 250–258.
11. Ермоленко С.Я. Стилистический компонент в семантике синтаксических единиц: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1983.
12. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
13. Кабдрахманова Г.К. Функционально-прагматический аспект исследования аппозитивных конструкций в художественном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кокшетау, 2010.
14. Ларин Б.А. Рассказ М. Шолохова «Судьба человека» (Опыт анализа формы) // Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя: Избр. ст. Л., 1974. С. 262–282.
15. Огнев А.В. Рассказ М. Шолохова «Судьба человека». М., 1984.
16. Распопов И.П. К вопросу об обособлении // Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. 2-е изд. М., 2009. С. 132–147.
17. Рудяков Н.А. «Судьба человека» М.А. Шолохова (Стилистический анализ) // Русский язык в школе. 1985. № 2. С. 64–69.
18. Семенова С.Г. Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М., 2005.
19. Сковородников А.П. Антиципация синтаксическая // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003. С. 61–63.
20. Слобин Д. Психолингвистика // Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976. С. 17–215.
21. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 2 / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 2003.
22. Федь Н.М. Парадокс гения. Жизнь и сочинения Шолохова. М., 1998.
23. Хватов А.И. Художественный мир Шолохова. 3-е изд. М., 1978.
24. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М., 2001.
25. Шолохов М.А. Судьба человека: Рассказ. М., 1957.
26. Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. Сб. ст. Л., 1986.

Н.С. Соколова

Интертекстуальные включения трагедии У. Шекспира «Король Лир» в повести И.Л. Леонтьева-Щеглова «Корделия»

В статье исследуются мотивы трагедии У. Шекспира «Король Лир» в структуре повести И.Л. Леонтьева-Щеглова «Корделия», определяется их эстетическая роль и функциональная значимость.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстуальные включения, «диалогическое» взаимодействие текстов, Корделия.

Иван Леонтьевич Леонтьев (1856–1911) – беллетрист, драматург и журналист, писавший под псевдонимом «Иван Щеглов». Сегодня это имя известно в основном по чеховской переписке, хотя чуть больше века назад произведения начинающего писателя были очень популярны. А.П. Чехов читал все, что выходило из-под пера И.Л. Леонтьева-Щеглова, особо он выделял повесть «Корделия» [4]. Эта повесть уже привлекала внимание литературоведов [3]. На наш взгляд, специального исследования заслуживает литературный контекст «Корделии», который на сегодняшний день еще не был предметом изучения. Для произведений Леонтьева-Щеглова вообще и, в частности, для повести «Корделия» характерна высокая насыщенность текстов интертекстуальными включениями. И.Л. Леонтьев-Щеглов в своей повести апеллирует к литературному наследию А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Л.А. Мея, А. Данте, И. Гете, Г. Гейне, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова, Д. Дидро, П. Мариво, У. Шекспира, Г. Лессинга, Ф. Шиллера.

Цель нашей статьи – исследовать интертекстуальные включения из трагедии Шекспира «Король Лир», встречающиеся в повести И.Л. Леонтьева-Щеглова, определить их функциональную значимость в структуре произведения.

Теоретическое обоснование понятия «диалогического» взаимодействия текстов в отечественном литературоведении принадлежит М.М. Бахтину. Он полагал, что невозможно понять текст, не соотнося его с другими текстами. Позже эти идеи получили развитие в трудах Р. Барта и Ю. Кристевой: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тек-

сты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [2, с. 83], т.е. наличие межтекстовых связей является неперменным условием существования текста.

И.В. Арнольд, разъясняя понятие интертекстуальности, сравнивает интертекстуальные включения с линзой, сквозь которую читатель и смотрит на текст: «То, что читатель сквозь эту линзу увидит, зависит от первоначального контекста, из которого цитата взята, и от того, в который она помещена, в какой мере она маркирована и трансформирована формально и семантически; все это связано с тезаурусом реципиента, зависит от его умения быть читателем» [1, с. 354]. Следовательно, восприятие текста субъективно и глубина этого восприятия зависит от уровня подготовленности читателя, от широты его кругозора. В тексте могут встречаться как имплицитные, так и эксплицированные интертекстуальные маркеры. Для художественной коммуникации более характерны имплицитные маркеры (заголовок, эпиграф, использование «говорящих» имен и т.д.), потому как именно они позволяют обеспечить более широкое интерпретационное пространство. Текст в таком случае становится чем-то вроде головоломки, которую и предстоит разгадать читателю.

«Корделия» (1889) – это страницы из жизни неудачливого актера Александра Вячеславовича Груднева, история его любви к театру и Марте Нейгоф, грустная повесть о крушении идеалов и надежд двух юных поклонников искусства.

На страницах повести И.Л. Леонтьева-Щеглова нередко отсылки – прямые или косвенные – к трагедии «Король Лир». Имя шекспировской героини (Корделия) писатель выносит в название повести, связывая таким образом свою героиню с одним из самых прекрасных образов, созданных Шекспиром: Корделия – это живое воплощение любви, милосердия и истины.

*У ней был нежный, милый, тихий голос –
Большая прелесть в женщине... [цит. по: 6, с. 3]*

– скажет о своей младшей дочери король Лир. Включая эти строки в текст, Щеглов ставит рядом героиню Шекспира и юную дебютантку. Свет истинной добродетели и подлинного искусства освещает мрачную залу любительского театра:

*– Я так несчастна...
Моя любовь не скажется словами.
Я, государь, люблю вас так, как мне
Мой долг велит – не больше и не меньше... – произнесла Марта
мягким грудным голосом [6, с. 3].*

В трагедии Шекспира эти слова звучат как вызов, вызов миру пошлости и лицемерия, окружавшему героиню. Именно из уст Корделии король Лир впервые в жизни слышит правду, но в своем высокомерном заблуждении не хочет ей верить. Это приводит к тому, что она, будучи человеком, не способным пойти на компромисс со своей совестью, безропотно покидает родной дом, подчиняясь воле отца.

Марта Нейгоф прекрасно справляется с ролью. Этому немало способствует и «внешнее благородство общего тона», так выгодно отличавшее ее от других учениц театральной школы, и большие черные глаза, которые глядят зорко, как маяки, создавая впечатление, что внутри девушки таится свет, который пытается вырваться наружу и осветить мрачную залу. Это свет истинного таланта, настолько бесспорного и очевидного, что даже ученик, считавшийся в кружке «образцом узколобия», приехавший «насобачиться театральному действию» не мог не оценить его.

Во время чтения Марты Нейгоф Грудневу – герою, от имени которого ведется повествование, – даже стало казаться, что «низкий и полутемный зал вдруг посветлел и широко раздвинулся; учеников и учениц уже нет, а это – все придворные кавалеры и дамы, составляющие королевскую свиту» [Там же, с. 4], «на профессорской лысине Добродеева сверкает великолепная корона и он сам уже не Пепочка Добродеев, монотонно подающий свои реплики, а седобородый и строптивый Лир, громящий с высоты трона бедную Корделию» [Там же]. А ни в чем не повинная Корделия стоит тут же, около трона, и, обливаясь слезами, прощается с сестрами:

Забойтесь об отце:

Его вверяю вам я... – умоляет она. –

Но если б он

Меня любил, ему бы я нашла

Приют, быть может, лучший... [цит. по: 6, с. 4].

Параллель, проводимая автором, позволяет предположить, что члены кружка во многом напоминают придворных кавалеров и дам из шекспировского «Короля Лира», героев, существующих в мире лжи и лицемерия, подлости и фальши. Пепочка Добродеев, стоящий во главе этого кружка, также внутренне слеп, как и герой Шекспира: Лир не может разглядеть истинную добродетель, Пепочка оставляет без внимания талант Марты. Нельзя не отметить, что Лиру в итоге удастся прозреть и увидеть свет, а вот Пепочка так и продолжит бродить в темноте мрачного царства любительского театра. А потому искусство в этой театральной школе так и останется «при пиковом интересе».

Кроме того, в последних процитированных строках Шекспира можно усмотреть и аллюзию: если бы мир театра иначе отнесся к дарованию

Марты, то она смогла бы свой талант развить, что, вероятнее всего, смогло бы поспособствовать и развитию любительского театра в целом. Но пошлость и бездуховность этой среды развитию не способствовали.

В итоге Марта приходит к мысли, что «хваленая школа – пустая затея, не стоящая ни малейшего доверия, в которой умеют только говорить о высокой материи, а на самом, деле интригуют, сплетничают и занимаются такими гадостями, о которых барышням совсем непозволительно говорить» [6, с. 45].

Марта Нейгоф, как и Корделия, не способна пойти на компромисс со своей совестью, а потому в обществе, где царят интриги, она никак не может найти себе места и добиться успеха. Кроме того, после неудавшегося дебюта юная актриса просто не может вновь выйти на сцену «Кружка друзей театралов». Как и Корделия, она уходит. Уходит, унося в своем сердце любовь, ради которой готова на любые жертвы. В случае Марты – это любовь к театру.

Она решает попробовать свои силы в другом кружке – «Кружке театральных любителей», о чем доверительно сообщает Грудневу, случайно встретив его у Гостиного двора. В память об этой встрече Александр Груднев, получив глиняную фигурку («толсторожего глиняного немчуру») и приглашение на спектакль, почувствовал себя абсолютно счастливым: *Я испытывал необыкновенный прилив сердечных ощущений. Радость жизни захватывала меня всего, кипела и играла во мне, подобно бушевавшей перед глазами снежной вьюге. Душа моя была переполнена...*

– «Злись, ветер, дуй, пока твои не лопнут щеки!!» – громогласно продекламировал я и, полоумный от счастья, бросился вперед, через дорожку, по направлению к звеневшей конке [6, с. 58].

В тексте появляется еще одна цитата-реплика из шекспировской трагедии. Ее «озвучивает» Груднев. Заметим, что в пьесе король Лир проносит эти слова, уже успев осознать, насколько лживыми были лестные речи его старших дочерей. Называя себя «больным», «несчастливым» и «презренным», строптивый прежде король призывает бурю. В обращении к ветру прозревшего старика слышится отчаяние.

Можно предположить, что шекспировская реплика, вложенная в уста Груднева, появляется в тексте как предвестник страданий юных героев и последующего за ними прозрения. Как мы узнаем позже, выступление Марты принесет Грудневу лишь разочарование, заставит его впервые всерьез задуматься о том, что будет дальше, куда может привести его дорога, которую он выбрал. Впервые жизнь покажется ему «безотрадной пустыней», театр – «пошлым балаганом», а искусство – «лицемерной маской».

Он осознает, что Марта-Корделия, «бедный легкомысленный ребенок», навеки «погибнет в гнусном любительском омуте» [Там же, с. 70].

Значимо и сопоставление портрета Эрнесто Росси (1827–1896), итальянского актера-трагика, которого Груднев считал эталоном актерского искусства, и «толсторожего глиняного немчуры», фигурки, подаренной Мартой-Корделией. Портрет Росси символизирует высокое искусство, а толстый немчура – непритязательный вкус обывателя, который не может отличить подлинные ценности от мнимых. Эта мысль о неспособности отличить подлинное от мнимого развивает тему, появившуюся в произведении благодаря образу Лиры.

Последняя встреча героев состоится в «Салоне общедоступных увеселений». Рассказчик узнает свою Корделию в одной из «общедоступных артисток»: *...передо мной стояла Марта Нейгоф, постаревшая, пожелтевшая, осунувшаяся, но все еще со следами прежней красоты, с теми же строгими линиями в вспыхнувшем лице, с теми же чудесными гордо сверкающими глазами* [Там же, с. 117]. Примечательно, что, даже находясь на дне жизни, Марта все равно не лишилась гордости и внутреннего благородства, которое ранее так выгодно выделяло ее среди учениц театральной школы: голова ее поникла, но глаза все еще «гордо» сверкали.

*Я знаю, в чем вина моя, я знаю,
Нет у меня просящих вечно взглядов.
Нет льстивой речи и, хоть я лишаюсь...* [5, с. 132] –

произнесет артистка Корделина (театральный псевдоним Марты) монолог Корделии из «Короля Лиры». Словами Шекспира она скажет не столько о том, за что пострадала Корделия, сколько о том, за что пострадала она сама. Эти строки органично вольются в исповедь Марты и позволят ей «чужими словами» сказать о том, что, к сожалению, является залогом успеха в нелегком актерском труде: нужны такие же умения (льстить, плести интриги, лицемерить), как и для того, чтобы органично влиться в круг придворных дам и кавалеров. Истинный же талант, как и непритворная добродетель, оказываются лишними в этом мире лжи.

Мне кажется, что эта леди – дитя мое, Корделия... – эти строки из трагедии «Король Лир» Леонтьев-Щеглов заключил в эпиграф к повести. Король произносит эти слова после всех злоключений, выпавших на его долю. Претерпев обиду, нанесенную без причины дочерьми, до этого клявшимися в своей преданности и любви, прозревший Лир оказывается лицом к лицу дочерью, от которой когда-то отрекся.

Груднев, встретив в последний раз Марту, так и оставшуюся для него навеки Корделией, увидит перед собой «развенчанную богиню искусства», от которой отрекся любительский театр. Так и оставшаяся незамечен-

ной в театральном мире, Корделия не изменит себе и, понимая, что погибает, вновь попытается спасти своего друга по несчастью, уберечь его от гнусного влияния того круга, в котором она оказалась. Девушку смогли лишить будущего, она стала «богиней» без венца, но так и не лишилась «величия» – подлинного таланта и истинной добродетели.

Обращением к Шекспиру и выбором пьесы «Король Лир» Леонтьев-Щеглов добивается высокой степени обобщения: многочисленные реминисценции дают возможность автору связать между собой универсальную проблему человека и среды и проблему таланта, одной из составляющих которого является нравственное содержание личности. Проводя определенную параллель между Мартой и Корделией, Щеглов отмечает, что у героинь немало общего: они обе одиноки, не поняты и не приняты той средой, которая их окружает. Каждая из них обладает талантом, способным осветить мир вокруг: у шекспировской героини – «талант человеческий», а у щегловской – художественный. При этом героиня Шекспира – девушка, которая не изменила себе и своим принципам даже тогда, когда весь мир был против нее; а Марта-Корделия – неудачница, потерявшаяся в жизни, несчастная в любви. Ощущение бесцельно прожитой жизни, обреченность, неверие в способность вновь обрести утраченные идеалы – постоянные спутники героини. И в этом неумении бороться за то, что дорого, и состоит главное ее отличие от героини, чью роль она когда-то так блестяще исполнила. Корделия смогла осветить жизнь своего отца, показать всех окружающих в истинном свете, а Марта своим светом смогла осветить лишь мрачную залу любительского театра. Таким образом, Щеглов подводит нас к мысли о том, что талант, способный осветить весь мир, появится лишь тогда, когда будет идти рука об руку с истинной добродетелью и упорством.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте: Межвузовский сб. научных тр. СПб., 1993. С. 4–12.
2. Барт Р. Избр. работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр.; Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989.
3. Катаев В.Б. «Чайка» – «Корделия» – «Бесприданница» – «Дикая утка» // Литературные связи Чехова. М., 1989.
4. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 3. Письма, Октябрь 1888 – декабрь 1889. М., 1976. Т. 6. Письма, Январь 1895 – май 1897. М., 1978.
5. Шекспир У. Король Лир // Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8 т. Т. 6. М., 1960.
6. Щеглов И.Л. Корделия; Миньона; Петербургская идиллия; Кожаный актер; Проводы; Мир праху: [Рассказы]. 2-е изд. СПб., 1897.

М.Б. Киракосян

Параллельные номинации в терминологической системе права

Статья посвящена изучению вопроса параллельной номинации в юридической терминосистеме. Исследование является актуальным в условиях пристального внимания современных ученых к проблемам юрислингвистики.

Ключевые слова: параллельная номинация, экстралингвистические факторы, терминологическая система, язык профессиональной деятельности.

Лингвистическая наука долгое время отрицала возможность употребления нескольких лексических единиц для обозначения одного и того же понятия, указанное свойство считалось показателем порочности терминосистемы. Подобного мнения придерживались, например, Д.С. Лотте, С.И. Коршунов. В настоящее время в лингвистике наблюдается тенденция к принятию противоположной точки зрения, использование разнообразных языковых средств при обозначении понятий считается признаком высокого уровня развития терминосистемы (см., например, работы П.В. Веселова, В.А. Татарина, Н.А. Шурыгина, В.П. Даниленко). Подобное отношение к номинации является признаком прогрессивности терминосистемы, что объясняется действием различных экстралингвистических факторов, таких как прогресс, активизация международных отношений.

Свойство языкового знака видоизменять свое означающее при сохранении означаемого обуславливает наличие в языке языкового параллелизма. Термин «параллелизм» используется в лингвистике для выражения тождественных отношений между языковыми единицами (см. подробнее работу Л.К. Свиридовой о категории тождества [2]). В исследованиях таких языковедов, как Б.А. Абрамов, Л.И. Баранникова, С.Г. Бережан,

Р.А. Будагов, Г.В. Гак, В.Д. Девкин, А.И. Домашнев, С.В. Илларионов, В.И. Кодухов, М.Н. Кожина, В.М. Солнцев утверждает существование явления параллелизма в языке. Однако до сих пор факт параллельного существования терминов языка права не акцентировался. Своеобразным исключением можно считать работу Ю.М. Шемчук, посвященную исследованию обновленной лексики, где приводятся примеры терминологических параллелей, но не дается их дефиниция [3]. Ю.М. Шемчук рассматривает также терминологические параллели не английского языка, а современного немецкого языка [4] как начальную стадию становления переименований [5]. Необходимо также отметить, что явление языкового параллелизма метафор на материале образных номинаций, обозначающих и описывающих человека, подробно исследовала О.К. Бабаева [1]. Настоящая статья призвана восполнить пробел и рассмотреть данное явление в плане параллелизма в терминологической системе языка права.

Примерами параллельных номинаций могут послужить следующие англоязычные юридические термины: *legal provision, legal proposition, regula juris* – правовая норма; *legal custom, legal practice* – правовой обычай; *legal medicine, forensic medicine* – судебная медицина; *procurator's supervision, prosecutorial oversight* – прокурорский надзор; *civil penalty, civil sanction* – гражданско-правовая санкция; *civil law, jus civile* – гражданское право.

Следует отметить, что параллелизм некоторых юридических терминов обусловлен географическими факторами. Таблица 1 наглядно демонстрирует региональную окрашенность терминологических единиц языка права.

Таблица 1

Термин	Русскоязычный эквивалент
<i>High Court</i> (Австралия, Новая Зеландия), <i>Supreme Court</i> (Великобритания, Ирландия, США)	Верховный суд
<i>Chief Justice</i> (Австралия, Новая Зеландия, США), <i>bailiff</i> (Нормандские острова)	Председательствующий судья
<i>Judge</i> (все англоговорящие страны), <i>deemster</i> (остров Мэн)	Судья
<i>Crown Attorney, Crown Counsel, Crown Prosecutor</i> (Канада); <i>prosecutor, attorney, solicitor</i> (США) <i>procurator fiscal</i> (Шотландия)	Прокурор
<i>Counsellor at law</i> (Ирландия, США), <i>advocate</i> (Шотландия)	Адвокат
<i>Criminal law</i> (все англоговорящие страны), <i>Crown law</i> (Великобритания)	Уголовное право

Анализ фактического материала показал: все параллельные номинации терминологической системы языка права структурно можно разделить на однословные (*judge/deemster*) и параллели, представленные синтаксическими конструкциями (*procurator's supervision / prosecutorial oversight*).

При этом следует отметить, что параллельно употребляются следующие номинации:

- однословные с однословными терминами;
- однословные с терминами синтаксического типа;
- термины синтаксического типа с терминами синтаксического типа (см. примеры в таблице 1).

В настоящее время, в век инноваций и расширения межкультурных связей, любая терминологическая система (в том числе и юридическая) постоянно модифицируется, отражая изменения в жизни общества. Одним из показателей развития юридической терминосистемы является появление параллельных номинаций. Параллелизм является одним из важнейших путей обогащения юридической терминосистемы, внося существенное разнообразие в язык права и свидетельствуя о ее своеобразной эволюции.

Таким образом, терминологические параллели языка права следует рассматривать с ономаσιологической точки зрения, в качестве средства номинации явлений действительности в контексте языкового параллелизма.

Библиографический список

1. Баваева О.К. Метафорические параллели в совр. англ. языке (на материале образных номинаций, обозначающих и описывающих человека) // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2011. № 3. С. 55–60.
2. Свиридова Л.К. Категория тождества в процессе осознания объекта // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 4. С. 58–62.
3. Шемчук Ю.М. Обновление лексики совр. нем. языка: Учеб. пособие. М., 2010.
4. Шемчук Ю.М. Параллельные номинации одного и того же референта в обиходной лексике совр. нем. языка: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2001.
5. Шемчук Ю.М. Переименование как особое лингвистическое явление неологии // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2010. № 1. С. 76–82.

Т.Г. Попова, Е.В. Курочкина

Концепт как оперативная единица памяти

Авторы подчеркивают, что концепт обладает такими характеристиками, как статичность и динамичность. Под статичностью концепта авторы имеют в виду концепт как продукт процесса концептуализации, «квант структурированного знания». В ходе проведенного анализа авторы статьи приходят к заключению о том, что под динамикой концепта следует понимать процесс переработки и репрезентации информации, взятый с его содержательно дискретной стороны. В работе также отмечены дальнейшие направления исследования рассматриваемых проблем.

Ключевые слова: коммуникация, культура, когниция, концептуализация, концепт, статичность концепта, динамика концепта.

Для нашей работы методологически важной составляющей является понимание того, что язык, являясь средством общения людей, представляет собой систему знаков особой природы, выступающих основным инструментом выражения мысли и средством общения людей между собой [6; 7; 10].

Таким образом, при исследовании языка и его функций мы опираемся на наше понимание языка как «условия для осуществления мышления и как средства, позволяющего хранить и передавать мысли, уже сформулированные в процессе мышления» [7, с. 205].

Совершенно справедливо, что «наше представление о мире представляет собой наше осмысление и репрезентацию окружающей действительности. Различные миры представлены нам через призму нашей культуры и языка» [8, с. 90]. Язык по сферам своего использования «обладает столь же большой динамичностью, сколь динамична и разнообразна сама жизнь. Практическое освоение окружающего мира человеком непосредственно связано с его осмыслением и закреплением результатов мыслительной деятельности в форме естественного языка» [6, с. 166]. Таким образом, язык является главным способом формирования и существования знаний об окружающей нас действительности.

Язык в когнитивной лингвистике понимается как общий когнитивный механизм, который посредством концептуализации и категоризации способствует нашему восприятию и, соответственно, познанию окружающей нас действительности. Лингвистическая энциклопедия выделяет

следующие основные задачи когнитивной лингвистики: 1) разъяснение роли языка в познавательных процессах; 2) создание модели представления языковых знаний в когнитивных процессах; 3) определение способов репрезентации констант культуры в речи; 4) описание строения системы универсальных концептов, организующих концептосферу; 5) формулирование актуальных проблем языковой картины мира [5, с. 257].

Таким образом, когнитивная лингвистика ставит своей задачей исследование понимания лингвокогнитивных сущностей. Речь идет о концептах, фреймах и т.д., т.е. о глубинных структурах. Однако помимо это когниция направлена и вширь, обращая свое внимание на все новые, до этого не учитывавшиеся параметры языкового познания. Когнитивно-дискурсивный подход исследования языковых явлений во главу угла ставит анализ того, как структуры опыта используются в коммуникативных целях.

Итак, лингвоментальные образования рассматриваются с прагматической точки зрения. Здесь, в первую очередь, можно назвать такие важные вопросы, как моделирование динамики концептов в дискурсе, а также анализ и выявление тех лингвокогнитивных механизмов, которые и порождают реальное общение. Все названные нами проблемы относятся к насущным проблемам когнитивной теории языка.

Что касается понятия «концепт», то в контексте наших рассуждений, прежде всего, необходимо особо отметить, что данное понятие относится к неоднозначно определяемым лингвистическим понятиям, поэтому на сегодняшний день существует достаточно большое количество трактовок сущности концепта.

Н.Ю. Шведова в «Русском семантическом словаре» под концептом понимает «содержательную сторону словесного знака, за которой стоит понятие, принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закрепленное общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и – через ступень такого осмысления – соотносимое с другими понятиями, ближайшие с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми» [9, с. 603].

Мы понимаем концепт как сложную систему, которая способна развиваться в самых различных пространственно-временных измерениях. Что касается скорости этих процессов, то она будет различной в зависимости от масштабности представления культуры в человеческой цивилизации. Так, например, в пространстве общемировой культуры концепт эволюционирует гораздо медленнее, чем концепт как достояние отдельной нации.

В лингвокогнитивных исследованиях концепт играет одну из главных ролей, занимая одно из центральных мест. В этой связи приведем пони-

мание концепта современной философией, где во главу угла ставится то важное обстоятельство, что концепт – «содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения» [1, с. 503]. Таким образом, исходя из вышеприведенной цитаты, можно сделать вывод о том, что в философии концепт отождествляется с абстрактным понятием, тогда как в логической семантике его соотносят со смыслом, в то время как лингвистическая семантика соотносит концепт со значением.

В.З. Демьянков, анализируя в своей работе понятие и концепт в художественной литературе и научном языке, приходит к совершенно справедливому заключению о том обстоятельстве, что «своеобразная мода на термин концепт в научной и художественной литературе конца XX – начала XXI вв. указывает на интерес к реконструкции тех сущностей в жизни человека, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни, не задумываясь над их „истинным“ (априорным) смыслом» [3, с. 45].

Необходимо также отметить, что на сегодняшний день в лингвистической литературе прослеживается мысль о том, что концепт статичен. В этой связи, как нам думается, будет небезынтересно привести мнение А.П. Бабушкина из его монографии, посвященной типам концептов в лексико-фразеологической семантике языка, где исследователь особо подчеркивает следующую мысль: «Рассуждая о концептах как о сложившихся дискретных единицах (ментальных образах) коллективного сознания, мы подчеркиваем их статику – каждая концептуальная единица занимает соответствующую ячейку в национально-обусловленной концептосфере языка как совокупности ментальных репрезентаций...» [2, с. 9].

Однако вместе с тем, как показывает наш анализ лингвистической литературы, кроме статичности концепт обладает и динамическими характеристиками. Под динамикой концепта мы понимаем процесс переработки и репрезентации информации, взятый с его содержательно дискретной стороны. Отмечая динамическую природу понятия «концепт», подчеркнем и то обстоятельство, что концепт предстает как символическая интерпретация сложных процессов, осуществляющихся на нейронном уровне функционирования организма.

Е.С. Кубрякова, являясь представителем классической когнитивистской (символистской) традиции, отмечает тот факт, что концепт выступает оперативной единицей памяти, которая, соответственно, в процессе мышления репрезентирует информацию [4, с. 90]. Кроме этого, в контексте нашего рассуждения о концепте, мы хотели бы также отметить и то немаловажное обстоятельство, что концепт представляет собой структуру

хранения знаний, присутствующую в сознании носителя языка и реализующуюся в процессе коммуникации, на уровне дискурса.

Именно роль внешнего контекста важна в том, что концептам свойственно неперемное стремление к наиболее экономному и эффективному способу своего существования, согласованному с дискурсивной средой. Соответственно, опираясь на это, мы можем сделать следующий вывод: если говорящий оказывается в новых условиях общения, то, следовательно, вместе с этим возникают совершенно кардинальные изменения не только концептуальной структуры, но и функций.

Таким образом, можно сказать, что язык отражает окружающую нас реальность системой изоморфных средств посредством отношения человека к окружающему его миру, а также через восприятие и описание этого мира. Мы также приходим к выводу, что существуют самые различные подходы к изучению концептов и, соответственно, имеет место многообразие определений концепта. Однако вместе с тем мы отмечаем, что все исследователи соглашаются с тем, что концепт представляет собой условную ментальную структуру, которая не может существовать вне мышления. Таким образом, под концептом мы понимаем репрезентированную в языке оперативную содержательную единицу сознания, которая культурно обусловлена и, следовательно, отражает комплекс всех представлений и ассоциаций, возникающих у представителей тех или иных лингвокультур в связи с тем или иным явлением действительности.

Мы также отмечаем, что к концептам применимы такие понятия, как «динамическая система», «аттрактор», «самоорганизация», а также и целый ряд других понятий, заимствованных из общенаучного комплекса теорий о системах. Следующий вывод, к которому мы приходим, рассматривая концепт как продукт концептуализации, заключается в том, что среди свойства динамики концептов, которые ученые наблюдают у объектов любой природы, особо следует отметить способность концептуальных систем к адаптации. Говоря иными словами, речь здесь идет о том, что при самых незначительных изменениях коммуникативной ситуации концепт пытается ограничиться варьированием своей структуры.

Библиографический список

1. Абушенко В.Л., Кацук Н.Л. Концепт // Новейший философский словарь. Минск, 2001. С. 503.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
3. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.

4. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90–93.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
6. Попова Т.Г. Язык, мышление, культура. Взаимосвязь понятий // Материалы международной конференции «Язык и право». М., 2006. С. 166–173.
7. Попова Т.Г. Национально-культурные факторы и элементы языкового кода // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). Вып.15. М., 2009. С. 201–209.
8. Попова Т.Г., Таратынова Н.В. Политический текст и его лексические особенности // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2012. №. 3. С. 90–97.
9. Шведова Н.Ю. Русский язык: Избр. раб. М., 2005.
10. Popova T. Kulturnye i kognitivno-semantičeskie zakonomernosti perevoda // Riječ (časopis za filologiju). 2009. Sv. 1. № 3. S. 86–96.

Р.В. Ронько, А.В. Циммерлинг

Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах русского Севера и в древнерусском языке¹

Рассматривается конструкция «именительный падеж + инфинитив» в древнерусском языке и диалектах русского севера. Приписывание актанту инфинитива именительного падежа вместо ожидаемого винительного связано с механизмом дифференцированного маркирования дополнения; именительный падеж обычно выбирается в том случае, когда именная группа является акцентоносителем ремы.

¹ Статья написана при поддержке проекта РГНФ 14-04-00580 «Взаимодействие механизмов грамматики в языках мира». Авторы благодарят Т.Е. Янко и А.А. Пичхадзе за обсуждение предварительных версий анализа. Ответственность за все недочеты лежит на авторах.

Ключевые слова: древнерусский язык, русские диалекты, инфинитивные клаузы, дифференцированное маркирование дополнения, номинативный объект, тема, рема, акцентоноситель.

Цель нашей заметки – объяснить синтаксис инфинитивных оборотов в имен. п. актанта типа <надо> *бани рубить* в диалектах русского Севера и в памятниках древнерусского периода с точки зрения механизмов приписывания падежа и выборов акцентоносителя. Данная конструкция неоднократно рассматривалась в славистике и русистике со времен А.В. Попова (1881) [10] и А.А. Потебни (1874) [11], при этом делались попытки рассмотреть ее как с точки зрения общего синтаксиса [20], так и в плане эволюции грамматического строя индоевропейских языков [13]. Новизна нашего подхода заключается в том, что мы считаем главной проблемой не наличие дополнения в имен. п., а объяснение варьирования между параллельно существующими конструкциями «имен. п. + инфинитив» и «вин. п. + инфинитив» в терминах общей грамматики. Как мы полагаем, распределение данных конструкций в текстах нехаотично и может быть подведено под понятие дифференцированного маркирования прямого дополнения. Выбор имен. п. имеет коммуникативную мотивацию, а позиция именной группы (ИГ) инфинитиву отражает механизмы выбора акцентоносителя. Вместе с тем, в отличие от ряда тюркских и финно-угорских языков, где дифференцированное маркирование дополнения грамматикализовано, полной грамматикализации данного явления в русских диалектах и древнерусском языке нет.

В славистике известна древнерусская/диалектная конструкция типа: диал. *надо земля пахать*, *надо бросить кошка*, др.рус. *в волости твои только вода пьти в городицанах* [2; 5; 10]. Актант в имен. п. здесь обычно анализируют как дополнение, а выбор имен. п. объясняют синтаксически: инфинитивный оборот с имен. п. предположительно вводится эксплицитным или имплицитным модальным предикатом типа *надо* или *остается*, который не предполагает активного субъекта в имен. п., поэтому вакантная позиция подлежащего главного предложения притягивает к себе ИГ в имен. п. из зависимой клаузы [13; 20]. Остаются нерешенные теоретические и эмпирические проблемы. Во-первых, генеративные модели, устанавливающие жесткую связь между падежом и синтаксической позицией, в частности, между падежом актанта инфинитивного оборота и его т.н. *подъемом* (raising) в главное предложение, на которые ориентировались А. Тимберлейк и Ю.С. Степанов, устарели. Во-вторых, не объяснено варьирование с параллельно существующей в тех же текстах конструкцией с вин. п. актанта инфинитивного оборота.

1. Параметр «номинативный объект»

Данный параметр утверждает, что зависимая ИГ финитной или нефинитной клаузы может получать прямой (имен.) падеж. Между падежной маркировкой ИГ и статусом подлежащего/дополнения нет прямой корреляции [21], языки мира допускают как дополнения в имен. п., так и подлежащеподобные актанта в косв. п. [22, с. 724]. В общем случае, неверно, что субъектная ИГ инфинитивного оборота автоматически получает имен. п., если в главной клаузе нет внешне выраженной ИГ в имен. п. Ср. древнеисландский пример 1, где оборот «имен. п. + инфинитив» при глаголах со значением «казаться» возможен, но эти глаголы не могут вводить финитное придаточное с союзом *что*. Отсюда видно, что ИГ в имен. п. в древнеисландском языке остается в пределах зависимой клаузы и не поднимается в главное предложение, несмотря на то, что позиция подлежащего при глаголе *þykkja* («казаться») вакантна.

- (1) Др.исл. а. *Mér þykki / *þykkja*
 Я-1.Dat.Sg. казаться-3Sg.Prs. / *казаться-3Pl.Prs.
 [ДР *þeir* mæla snjallt mjök]
 они-3Nom.Pl. говорить-Inf. нагло-Adv очень-Adv
 букв. 'мне кажется/*кажутся [ДР **они** говорить очень нагло]
 б. **Mér þykkir* [СР **at þeir**
 Я-1.Dat.Sg. казаться-3Sg.Prs. что они-3Nom.Pl.
mæla snjallt mjök
 говорить-3Pl.Prs. нагло-Adv очень-Adv
 'мне кажется, [СР **что они** говорят очень нагло].

В некоторых языках параллельно существует т.н. параметр антисубъекта [14, с. 772], когда актанта глагола с валентной рамкой *Experiencer – Stimulus* (субъект и объект наблюдения) не может оформляться прямым (т.е. имен.) п. В русском и немецком языках *Stimulus / Объект наблюдения* контролирует согласование предиката:

- (2) рус. а. Мне нравится Nom.Ob [ДР **эта**
 Я-1Nom.Sg. нравиться-3Sg.Prs этот-Nom.Sg.F.
девушка].
 девушка-Nom.Sg.F.
 б. Мне нравятся Nom.Ob [ДР **эти**
 Я-1Nom.Sg. нравиться-3Pl.Prs этот-Nom.Pl.
девушки].
 девушка-Nom.Pl.

Напротив, родственный древнеисландскому фарерский язык запрещает маркировку *Stimulus / Объекта наблюдения* имен. п.:

- (3) Фар. а. Mær dámar ^{Anti-Sub} [handa gentu]
 Я-1Dat.Sg. нравиться-3Sg.Prs этот-Acc.Sg.F. девушка-Acc.Sg.F.
 букв. Мне нравится ^{Anti-Sub} эту девушку.
 б. *Mær dámar ^{Nom.Ob} [hesi
 Я-1Dat.Sg. нравиться-3Sg.Prs этот-Nom.Sg.F.
 genta]
 девушка-Nom.Sg.F.

К подобного рода языкам применимы две гипотезы.

Гипотеза 1: перед нами т.н. дифференцированное маркирование дополнения [6; 12]. ИГ, способная получать вин. либо имен. п., всегда остается дополнением.

Гипотеза 2: конкуренция падежей отражает колебания в выборе подлежащего глагола с валентностью Stimulus. Ср. примеры 4а и 4б:

- (4) фар. а. tá kom *mær* ^{Anti-Sub} *ommu*
 Тогда прийти-3Sg.Prt я-1Dat.Sg. бабушка-Acc.Sg.
i hug.
 в ум-Acc.Sg.

букв. '*тут мне пришло в голову бабушку'.

- б. tá kom ^{Nom.Ob} *omma* i hug
 Тогда прийти-3Sg.Prt бабушка-Nom.Sg. в ум-Acc.Sg.
mær.
 я-1Dat.Sg.

'тут ^{Nom.Ob} **бабушка** _{вин.п.} пришла в голову мне _{дат.п.} [12, с. 272].

А. Тимберлейк и Ю.С. Степанов, считавшие ИГ в имен. п. в оборотах *земля пахать* дополнением, а не подлежащим, обосновывали свое решение тем, что такие обороты вводятся эксплицитным или нулевым модальным предикатом, при котором нет подлежащего в имен. п., поэтому актант инфинитива якобы перемещается (поднимается – в генеративных терминах) в главное предложение, получая имен. п. как падеж подлежащего. Это рассуждение опирается на классическую теорию подъема Перлмуттера–Постала [19], но ее предсказания не подтверждаются языковыми данными:

(i) подчиненная инфинитивная клауза в структуре с подъемом не всегда занимает ту же самую позицию, что придаточное с финитным глаголом, ср. контрпример 1б;

(ii) получение актантом инфинитивной клаузы имен. п. не доказывает факт подъема данного актанта в главную клаузу;

(iii) отсутствие у предиката главной клаузы подлежащего в имен. п. является недостаточным условием для маркировки субъекта инфинитивной клаузы имен. п.

В диалектах русского Севера мы находим параллельно конструкции с имен. п. и вин. п. при инфинитиве в пределах одного и того же текста, ср. записи архангельских диалектов:

- (5) рус. диал. *Видно, отец... Надо было* ^{Nom.Ob} **баня рубить**, *видно, срубили баню, отец, видно, сказал, что надо то ли одно, то ли два окна, видно рубить, на баню, в бане.*
- (6) рус. диал. *Вам только гроб сделать да* ^{Nom.Ob} **яма выкопать**
- (7) рус. диал. *Молице не тяжело,* ^{Nom.Ob} **ручка накинуть на себя, на своё личико.**
- (8) рус. диал. *А вот не знаю, почему, шо в дом идёшь, дак надо в первую очередь взять кошку. Кинуть* ^{Nom.Ob} **кошка, бросить** ^{Nom.Ob} **кошка.**

Примеры типа *баня рубить* sporadически встречаются и в берестяных грамотах, в основном, при именах ж. р. склонения на -а, ср., однако, пример 9:

- (9) др.рус. новг. тьбѣ ^{Nom.Ob} [_{NP} рже свѣа] **снати** (гр.¹142)
'ты должен рожь свою убрать'

- (10) др.рус. новг. въ волости твоеи толико **вода пити** в городищаньх (гр. Ст.Р.²10).
'В Городище, твоём владении, только воду пить'

Примеры того же типа, только с иным слоем лексики, представлены в «Вопрошании Кириковом».

- (11) др.рус. новг. **Аже чл(ѣ)къ живѣ дастъ сорокооустыѣ . достоит ли слоу(ж)ти за нь. и** ^{Nom.Ob} **коутыа слати** (С19).
'Если живой человек даст сорокоуст, стоит ли служить за него и слать кутью?'
- (12) др.рус. новг. **достоитъ ѿ него мо(ло)ко ѣсти и маса его . а иже его достоупилъ . а том(о)у не исти ничто же . а шпитемьа приати противуоу силѣ** (И15³)

'Стоит (следует ли) от него молоко мясо его есть, а если его (испортил?), то тому ничего [не нужно] есть. А [нужно] епитимью принять против силы.'

¹ Гр. – новгородские берестяные грамоты (<http://gramoty.ru/index.php?act=full&id>), далее следует номер грамоты.

² Гр. Ст.Р. – грамоты из Старой Руссы (<http://gramoty.ru/index.php?act=full&id>), далее следует номер грамоты.

³ И – раздел Ильи в «Вопрошании Кириковом» (Вопрошание Кириково. Новгородская кормчая. ГИМ. Син. № 132. XIII в.), далее следует номер главы.

2. Факторы выбора падежа и линейного порядка в инфинитивных клаузах

Во-первых, обращение к памятникам показывает, что и в диалектном корпусе, и в древнерусских памятниках вин. п. при инфинитиве преобладает, а имен. п. является маркированным случаем. Во-вторых, в 78% древнерусских примеров, в которых употреблен имен. п., реализуется порядок $NP_{Nom} - Inf$, с препозицией ИГ инфинитиву. В-третьих, для ИГ в имен. п. почти во всех примерах восстанавливается статус акцентоносителя ремы. ИГ в имен. п., достоверно не могущие быть акцентоносителями ремы, отсутствуют, а ИГ в вин. п. имеются. В-четвертых, преобладают неодоушевленные и нереферентные существительные. Схожее распределение конструкций «имен. п. + инфинитив» и «вин. п. + инфинитив» в древнерусских памятниках и в современных диалектных текстах при близости их морфосинтаксических параметров позволяет предположить, что это распределение в обоих случаях регулируется коммуникативным фактором, в том числе, правилами выбора акцентоносителя. Обычно речь идет о выборе акцентоносителя ремы, но те же правила действуют и для акцентоносителей составляющих с другим коммуникативным статусом, что было показано Т.Е. Янко [16; 17] для современного русского языка. Основной алгоритм выбора акцентоносителя ремы в полной составляющей, по модели С.В. Кодзасова – Т.Е. Янко, предположительно универсален: чем ниже статус ИГ в иерархии актантов, тем более вероятным кандидатом, при прочих равных условиях, он является [16, с. 69–71; 17, с. 41].

Материал побуждает предположить, что и в диалектах русского севера, и в древнерусских памятниках действовали не только общие принципы линеаризации инфинитивных клауз и выбора падежа актанта инфинитива, но и общие линейно-акцентные преобразования, т.е. глобальные механизмы, одновременно меняющие линейную позицию элементов и их коммуникативный статус [4; 8; 15; 23]. Разумеется, фразовые просодии древнего языка нам непосредственно недоступны. Однако в той мере, в которой нам понятен план содержания стоящих за перестановками элементов линейно-акцентных преобразований, т.е. понятно соотношение параллельно представленных в текстах вариантов словоупорядка и степень их маркированности¹, мы можем пытаться установить два параметра: 1) направление преобразования, 2) место акцентоносителя. Недавно попытка проследить линейно-акцентные преобразования, действовавшие в древнерусских клаузах с предикатным отрицанием, была предпринята в работе Зализняк, Падучева [3].

¹ Ср. анализ словоупорядков SOV и SVO на древнерусском материале в работе А.А. Пичхадзе и А.В. Родионовой [9].

3. Left Focus Movement и выбор именительного падежа

В теории линейно-акцентных преобразований известен механизм, перемещающий акцентоноситель ремы левее вершины сказуемого – Left Focus Movement [23, с. 65]¹. В транскрипции ниже используется идеализация, согласно которой в позиции перемещенного влево акцентосителя появляется усиленный акцент ремы. Для современного языка это акцент ИК-2. Ниже он обозначен пометой ‘ \sphericalangle ’ перед словом-акцентосителем. Символ t указывает на исконную позицию перемещенного элемента.

(13) рус. Петя [_{VP} пишет \sphericalangle статью] >> Петя [_{VP} \sphericalangle статью_i пишет t_i].

Препозиция актанта инфинитивного оборота в нашем материале тоже может быть результатом Left Focus Movement.

(14) рус. диал. <Надо> [_{IP} накинуть на себя \sphericalangle ^{Nom.Ob}ручка] >> [_{IP} \sphericalangle ^{Nom.Ob}ручка накинуть на себя].

(15) др.рус. новг. въ волости твоеи толико [_{IP} пйти ^{Nom.Ob}вода] >> въ волости твоеи толико [_{IP} \sphericalangle ^{Nom.Ob}вода пйти].

Следует оговориться, что Left Focus Movement возможен в русских диалектах и в древнерусских памятниках и с ИГ в вин. п. Напомним также, что в 28% приписывание имен. п. актанту инфинитивного оборота происходит без Left Focus Movement. Следовательно, и Left Focus Movement, и приписывание имен. п. актанту инфинитива – факультативные операции, необходимым, но недостаточным условием для которых является акцентная выделенность вершины ИГ.

4. Left Focus Movement и выбор акцентоносителя

В большинстве примеров подвергшаяся Left Focus Movement вершина ИГ является акцентоносителем ремы. Однако возможен случай, когда вершина ИГ имеет статус контрастной темы:²

(16) др.рус. новг. что ѳсми гѣже тобѣ далъ · полтину · дати биричу ·
а [_{IP} ↗ ↗ ^{Nom.Ob}грамота_i взять t_i] (гр. 578).
'↗ Полтину, госпожа, которую я тебе дал, нужно
[_{IP} отдать \sphericalangle биричу], а ↗ ↗ [_{IP} грамоту у него \sphericalangle взять']

Применительно к процедуре выделения тем и рем в древнерусских текстах следует сделать стандартную оговорку о том, что да-нет вопросы типа *достойт ли (X-у) делать Z* с модальным оператором типа *достойт* коррелируют с невопросительными инфинитивными клаузами типа *дос-*

¹ То же преобразование обсуждается в статье А.А. Зализняка и Е.В. Падучевой [3, с. 295], когда порядки слов типа *Да* [_{NegP} не [яко [_{NP} зьлодѣи]_i зьле оумьреши t_i]] ‘чтобы ты не умер злой смертью как злодей’ выводятся из порядков типа *Да* [_{NegP} не зьле оумьреши [яко [_{NP} зьлодѣи]]].

² Нам неясно, достойт ли в подобных случаях постулировать перемещение, или можно считать, что тематический элемент получает свой контрастный акцент in situ.

тоит (X-y) делать Z. Акцентоноситель инфинитивной группы в таком вопросе оказывается в составе т.н. несобственно вопросительного компонента да-нет вопроса [17, с. 41].

Разберем примеры с неоднословной ИГ в имен. п. В древнерусском таких примеров мало, но они представляют проблему, т.к. по общему алгоритму выбора акцентоносителя акцент должен падать не на вершину в имен. п., а на зависимые от нее элементы. Для пояснения приведем примеры 17а-d из современного русского языка, показывающие, как может смещаться локус фразового акцента.

- (17) рус. а. Петя [_{VP} написал [_{NP} ∇ статью]].
 б. Петя [_{VP} [_{NP} ∇ ∇ статью]_i написал t_i].
 с. Петя [_{VP} [_{NP} большую ∇ ∇ статью]_i написал t_i].
 д. Петя [_{VP} [_{NP} большую статью о ∇ ∇ кванторах]_i написал t_i].

В древнерусском корпусе встречаются как примеры, подтверждающие нашу модель, ср. пример 18, так и противоречащие ему, ср. пример 19.

- (18) др.рус. [_{IP} давати ему [_{NP1} полмѣры_{вин.п.} ∇ меду] а
Nom.Ob [_{NP2} полтина_{им.п.} грошей ∇ литовская]]

Акцентоносителем во второй ИГ, скорее всего, является уточняющий сортовой атрибут *литовская*: известно, что сортовая инверсия атрибута связана с рематическим выделением, в таком случае локус акцента на *меду* при первой ИГ в вин. п. и на *литовская* во второй ИГ в имен. п. отлично подтверждает предсказание нашей модели. Хуже обстоит дело с примером 19, который приводит А.А. Потехня [11, с. 372]:

- (19) др.рус. [_{IP} давати [_{NP1} им] Nom.Ob [_{NP2} мѣра ∇ меду].

По общему правилу, акцентоносителем в таких составляющих должна быть словоформа *меду*, а не *мѣра*, поэтому пример 17, с точки зрения восстановленного нами фрагмента древнерусской грамматики, «правильный», а пример 18 – «неправильный»: ИГ в имен. п. стоит в постпозиции, а акцент должен падать на другое слово. Тем не менее, число примеров, противоречащих нашей модели, невелико.

В ряде контекстов выбор вин., а не имен. п. при инфинитиве можно объяснить тем, что акцентоносителем была другая словоформа. Это объяснение подходит к примеру 20.

- (20) др.рус. новг. Коли хотаѣ [_{IP} млт(ѳ)у_{Acc} творити ∇ болному_{Dat}]
 преже гл(л)и три(с)тоѣ . та(ж) сѣи бѣ . пр(с)таѣ
 трѣце оѣе нашъ . гѣ помилуи .в... та(ж) млтвы
 дютьъ за болащяѣ (Вопр.Кир.¹, 44).

¹ Вопрошание Кириково. Основная редакция.

Предположительно ударение падает на ИГ в дат.п. *болному*, т.е. на адресатное дополнение инфинитива. В соответствии с предсказанием нашей теории, пациентное дополнение инфинитива стоит в вин., а не в имен. п.

Выводы

Варьирование инфинитивных конструкций с имен. п. и вин. п. субъекта в древнерусском языке и русских диалектах не связано с колебаниями в выборе подлежащего и является разновидностью дифференцированного маркирования дополнения.

Выбор имен. п. ИГ инфинитивной клаузы является одним из маркеров того, что вершина ИГ является акцентоносителем ремы или контрастной темы. Другим маркером является перемещение вершины ИГ левее инфинитива. Оба механизма факультативны, что объясняет варьирование в древнерусском языке и северных русских диалектах.

Библиографический список

1. Аркадьев П.М. Проблемы синтаксиса конструкций «Accusativus cum Particípio» в литовском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 44–75.
2. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. Изд. 2-е.
3. Зализняк А.А., Падучева Е.В. Об инициальном отрицании в древнерусском и старославянском // Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М., 2013. С. 290–303.
4. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
5. Крысько В.Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 2006.
6. Лютикова Е.А. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2014. № 4. С. 50–70.
7. Муравьёва И.А. О трактовке неформленного имени в тюркских языках // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные аспекты грамматики / Под ред. Ю.А. Ландера, В.А. Плунгяна, А.Ю. Урманчиевой. М., 2008. С. 321–422.
8. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М., 1985.
9. Пичхадзе А.А., Родионова А.В. О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола – прямое объектное дополнение» в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2011. № 1 (21). С. 127–161.
10. Попов А.В. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках. М., 2012.
11. Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 2. М., 1958.
12. Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: Фраг-

- менты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / Н.В. Сердобольская и др. М., 2012. С. 59–142.
13. Степанов Ю.С.оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели // Известия ОЛЯ РАН. Серия литературы и языка. Т. 43. 1984. № 2. С. 128–143.
14. Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
15. Циммерлинг А.В. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). Тр. международной конференции «Диалог 2008». М., 2008. С. 551–562.
16. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
17. Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи. М., 2008.
18. Pichkhadze A. Subject of Subordinate Clause as Object with Verbs of Perception, Thought, and Communication in Old Russian // *Slověne*. 2012. С. 52–60.
19. Postal P. On raising: One rule of English grammar and its theoretical implications. Cambridge, 1974.
20. Timberlake A. The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic. Munich, 1974.
21. Woolford E. Burzio's Generalization, Markedness and Locality Constraints on Nominative Objects / New Perspectives in Case Theory. E. Brandtner, H. Zinsmeister (eds.). Stanford, 2003. P. 299–327.
22. Zimmerling A. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations // *Computational linguistics and intellectual technologies*. 2013. Vol. 12 (19). P. 723–737.
23. Zimmerling A. A Rule-Based Approach to Free Word Order Languages // The 2014 International Conference on Artificial Intelligence, I CAI-2014. July 21–24, 2014. Vol. 1. P. 61–67.

Н.А. Федорова

Языковые формы обозначения пространственной дислокации объекта

В статье поднимается вопрос о специальной системе языковых знаков, служащей для обозначения пространственной дислокации объекта в английском языке и различно представленной в словесном и цифровом обозначении. В этом плане автор выделяет идентичные и дифференциальные признаки системы и определяет причины появления центробежного и центростремительного направлений, действующих внутри системы. Особое внимание уделено объяснению причин неравной возможности использования цифрового обозначения топонимов.

Ключевые слова: топоним, астроним, космоним, гидроним, кодирование, цифровая индексация.

Говоря об астронимах и космонимах как искусственных знаках – обозначителях космического пространства – мы, в первую очередь, должны определить их с точки зрения той сферы договорных символов, частью которой они являются. Сопоставление их с земнотопонимами и гидронимами по принципу открытости или закрытости позволяет сказать, что они, несомненно, являют собой открытую систему, наполняемость которой идет максимально интенсивными темпами. Причем, если открытый характер сближает астронимы и космонимы непосредственно с земнотопонимами и указывает на открытость как интенсивную пополняемость двух данных типов топонимических единиц, то, даже не смотря на характеризующую их интенсивность, темп роста резко разделяет те и другие.

Дело в том, что открытость земнотопонимов связана не столько с постоянно возрастающим количеством новых городов, сколько, как мы полагаем, с вызванной процессом урбанизации расширением уже имеющихся административных центров и превращением их в разрастающиеся мегаполисы (ср., например, *Лондон, Москва, Сочи, Ялта* и др.). При этом в чисто топонимическом отношении имеет место не появление нового топонима, объединяющего такое расширяющееся поселение, а появление внутренних топонимических наименований входящих в него улиц, частей и даже районов (типа: *Новые Черемушки, Большая Ялта* и т.д.). В ряде случаев наблюдается даже такое положение, когда один из имевшихся земнотопонимов за счет какого-то другого начинает относиться к административно более значимому, например, *Большая Ялта*, включившая в себя как части ранее самостоятельные города с их топонимами (типа: *Мисхор, Гурзуф, Алушта, Алупка* и др.). Таким образом, открытый характер земнотопонимов, не исключая появления новых (в случае строительства ранее не существовавших населенных пунктов), допускает тенденцию использования одного из ряда территориально близких земнотопонимов для их общего наименования. При этом создается такое поглощение пространственного охвата, которое топонимически носит синтезирующий характер.

Следовательно, наряду с появлением новых земнотопонимов процесс урбанизации приводит к сокращению общего числа земнотопонимических единиц. Это позволяет нам разделить земнотопонимы по их отнесенности: а) к внешним земнотопонимам; б) к внутренним земнотопонимам.

Такое разделение для нас важно с лингвистической точки зрения, т.к. внешние земнотопонимы имеют тенденцию к своему территориальному расширению и поглощению близлежащих земнотопонимов, превращая

их во внутренние пространственные указатели той местности, которая ограничена внешним максимально широким земнотопонимом.

Внутренние земнотопонимы, даже при сохранении своего исходного наименования, получают условно закрепленный за ними цифровой индекс, указывающий номер административного или почтового отделения, к которому относится тот или иной новообозначенный район по его территориальной расположенности, например, *20 Lakeshore Rd E, Mississauga, ON L5G 1C8*.

Таким образом, принцип пространственной ориентации остается, но из самостоятельного он переходит в субординированный. Тем не менее, есть все основания заключить, что фактор открытости в земнотопонимах, имея свои отличительные черты, не может быть уравнен с этим же фактором в астронимах и космонимах. Причина невозможности такого тождества заключается в сущности астронимов и космонимов. Их постоянное количественное возрастание носит такой бурный характер, связанный с постоянно ускоряющимся развитием науки, что словесное наименование новых небесных объектов отдельными астронимическими словами становится все более затруднительным. Поэтому остановимся на принципе цифровой нумерации в астронимике.

Как известно, в астронимах и космонимах вместо словесного наименования ученые все активнее начинают привлекать в качестве пространственных ориентиров цифровые обозначители, типа *Messier 106* – англ. *M 106, NGC 4258*, рус. *Мессье 106*, другие обозначения – *ZWG 243.67, UGC 7353, VV 448, MCG 8-22-104, ZWG 244.3, PGC 39600*. Такое цифровое представление астронима или космонима очень удобно для специалиста-астронома, т.к. раскрывает сразу полную характеристику астрального тела: от его наименования (которое не снимается как таковое, но в силу удаленности и своей малоизвестности представлено в его различных цифровых координатах) до номерной позиции при минимальном расстоянии в световых годах и тому подобных сведениям в звездной классификации.

Удобство цифровой индексации связано и с тем, что каждый номерной знак, присвоенный новому астральному телу, дается не изолированно (как, например, *Юнутер, Сатурн, Солнечная система, Sunflower Galaxy* – Галактика Подсолнух и т.д.), а в системе связанных между собой астронимов и космонимов (*Messier 63 also known as M63, NGC 5055, or the Sunflower Galaxy is a spiral a galaxy in the constellation Canes Venatici* [10]). Это исключительно важный момент пространственной ориентации, поскольку данная система, часто созданная в виде таблицы, содержит в себе исчерпывающую, т.е. весьма объемную на определенный момент информацию, включающую номер галактики (которая также может не

иметь названия, но иметь точные космические координаты своего расположения). Естественно, что цифровые таблицы не лишают астрономы или космонавты их чисто языковых описаний, содержащих многие сопутствующие характеристики астральных объектов (например, такие, как их разделение на три структурно образующих вида (ср., например, *I. Terrestrials (Mercury, Venus, Earth)*, *II. Dwarf Planets (Ceres, Plute, Haumea, Makemake, Eris)*, *III. Gas giants (Saturn, Uranus, Jupiter, Neptune)*). Но среди таких описаний в астрономических справочниках начинают преобладать таблицы, нагруженные более объемной информацией: *Name – Mercury, Equatorial Diameter – 0.382, Mass – 0.06, Orbital radius (AU) – 0.39*.

Тем не менее немаловажную роль, естественно, играют словесные описания, которые даются астрономам, типа: *Oxygen, nitrogen, carbon, iron, sulphur, sodium – all the elements we know on earth are present in the sun. There is an important difference, however. These elements are not there in the same proportions. Only two are found in quantity on the sun – the two lightest, hydrogen and helium* [10]; или *So it is clear that the dark bands around Jupiter are like no clouds we have on earth* [9].

Возникает вопрос: насколько такая индексация может считаться астрономической? Для ответа на него вернемся к определению астронома. Астроном – это конкретизированный словесный знак, искусственно введенный в язык по договорному акту и являющийся указателем территориального (в данном случае космического) расположения объекта. В таком случае, если астроном – это словесный знак, искусственно введенный в язык, то цифра – это не словесный, а номерной знак, который хотя и искусственно введен в общую астрономическую номенклатуру, но не имеет своего ономастического наименования. В этом плане он сближается с той системой цифровой нумерации, которая существует сейчас в земнотопонимах и начинает приобретать в них все более распространенный и всеохватывающий характер.

Однако в земнотопонимах каждый цифровой знак выступает в функции добавочного пространственного детализатора, указывающего, в каком районе следует искать требуемый объект, приводимый выше (как, например, *141090 Московская область* или *354620 Краснодарский край* и др.). Это значит, что в земнотопонимах цифровой уточнитель сочетается с земнотопонимом как названным и относительно широко известным словесным ориентиром в пространстве. Что же мы имеем в цифровых таблицах с астрономическими числовыми указателями? Оказывается, принципиально то же.

Но если в земнотопониме смыслодержательный акцент по пространственной ориентации в пределах отдельного государства падает на слово-

земнотопоним, где цифровой индекс имеет лишь дополнительное значение, то в астрономическом смысле акцент по пространственной ориентации в ее сопредельных просторах космоса падает на цифровой индекс, а слово носит дополнительное, но очень важное значение – оно указывает обычно на космоним, в котором зафиксировано астральное тело.

Однако, если в земнотопонимах принцип поглощения малых территорий более объемными приводит к функционированию схемы распространения центрального административного объекта на подчиненные ему меньшие объекты с соответствующим переходом ранее самостоятельных земнотопонимов в субординацию, то в астрономических и космонимических этот процесс носит иной характер. Здесь может быть один из двух вариантов.

1. Выделение субординационного астрального объекта, который может еще не иметь своего астрономического статуса, но быть включенным в ту пространственную сферу, которая уже названа астрономическим или чаще космонимическим как объемно доминирующая по отношению к другим близлежащим астральным объектам, типа: *Canes Venatici II or CVn II is a dwarf spheroidal galaxy situated in the Canes Venatici constellation* [8]. В этом случае процесс астрономического названия имеет центростремительную направленность.

2. Такое выделение субординационного объекта, который не зафиксирован на космической карте, но предположительно допустим в своих определенных пространственных координатах и подлежит вычислению (как комета Галлея). Хотя сама Галактика, будучи скоплением наиболее отдаленных от нас звезд, может быть даже не зафиксирована полностью в определенных вычислительных координатах и пока что не имеет своего астрономического наименования (а предполагаемое звездное тело уже получило свое обобщенное наименование). В таком случае соотношение доминантного объекта (т.е. самой галактики) и субординационного объекта (т.е. ее вычисленной и астрономически названной части) будет иметь не центростремительный, а центробежный характер – от неназванного, но более объемного звездного скопления к названной ее части. Например: *Was there still another planet out in space? Was that planet pulling Uranus off the path on which, according to Newton's law, it should have stayed? MaywenamitUrano-Newton?* [9]. Но в этом случае процесс наименования будет иметь другую направленность. Причем в тех случаях, когда сам астрономический или космонимический в силу своей отдаленности находится в сфере той мегагалактики, которая еще не получила своего астрономического наименования, цифровой указатель соединяется с какой-то иной, но астрономически названной космической областью и тем самым приближает ее к нам даже в самой далекой пространственной ориентации.

Следовательно, процесс астрономического наименования имеет те же черты, что и процесс земнотопонимической индексации, подразделяясь на внутренний и внешний. Разница заключается в том, что в силу своей отдаленности и неравной открытости те астральные объекты, которые еще не получили словесного астрономического названия, идут под номерами. И эти номера могут вписываться в более объемные галактические системы, как правило, имеющие, а иногда еще и не имеющие своих словарных названий. Процесс подобной топонимизации в сфере астрономии приобретает в настоящее время черты общей внутренней закономерности при работе с постоянно открывающимися астральными объектами.

Главным фактором здесь, на наш взгляд, является фактор времени. Через какой-то большой или меньший временной промежуток по мере нашего проникновения в просторы Вселенной эти астральные объекты, кроме цифровых данных, несущих объемную научную информацию, получают и свои астрономические имена (как это случилось с планетами нашей Солнечной системы, астрономика которых запаздывала по сравнению со временем их открытия). Позволим себе привести такой пример, на наш взгляд, подтверждающий выше сказанное: *In the 19th century astronomers began to realize that recently discovered bodies that had been classified as planets for almost half a century (such as Ceres, Pallas, and Vesta) were very different from the traditional ones. These bodies shared the same region of space between Mars and Jupiter (the Asteroid belt), and had a much smaller mass; as a result they were reclassified as "asteroids." In the absence of any formal definition, a "planet" came to be understood as any "large" body that orbited the Sun. Since there was a dramatic size gap between the asteroids and the planets, and the spate of new discoveries seemed to have ended after the discovery of Neptune in 1846, there was no apparent need to have a formal definition. Planets from late 19th century to 1930: Mercury, Venus, Earth, Mars, Jupiter, Saturn, Uranus, Neptune. However, in the 20th century, Pluto was discovered. After initial observations led to the belief it was larger than Earth, the object was immediately accepted as the ninth planet. Further monitoring found the body was actually much smaller: in 1936, Raymond Lyttleton suggested that Pluto may be an escaped satellite of Neptune, and Fred Whipple suggested in 1964 that Pluto may be a comet. However, as it was still larger than all known asteroids and seemingly did not exist within a larger population, it kept its status until 2006 [9].*

Итак, астрономы и космонавты так же, как и земнотопонимы:

- 1) являются открытой системой топонимических наименований;
- 2) подвержены внешней расширяющейся миграции с включением в себя территориально близких объектов и своему внутреннему сжатию,

в котором ранее самостоятельная пространственно обозначенная зона начинает восприниматься как часть более объемного космонима;

3) обладают цифровой индексацией, которая идет путем присвоения астрономического наименования после установления места нового объекта, как на Земле, так и в космических масштабах, т.е. за пределами Земли. Но для астрономов и космонимов этот процесс носит более продолжительный временной период из-за наличия многих пока еще не открытых астральных объектов и их скоплений.

Если мы сравним астрономы и космонимы с гидронимами, то картина там будет иметь существенно иной характер.

Во-первых, по своей сущности астрономы и космонимы, как уже отмечалось выше, представляют собой открытую систему искусственно введенных в вокабуляр языковых знаков. Согласно определению, данному астрономам А.В. Бруновым, астрономы являются «постоянно пополняющейся и в этом плане относительно открытой системой искусственно созданных языковых знаков» [2, с. 3].

Что же касается гидронимов, то их отнесение к открытой системе является крайне спорным. Они, безусловно, представляют собой искусственно языковые единицы, т.к. введены в язык на основе общего для всех топонимов договорного соглашения. Но при этом в силу их относительно немногочисленности и редкой восполняемости (которая вызывается либо географическим изменением ландшафта как результата засух, землетрясений и тому подобных явлений, либо искусственным созданием так называемых морей, озер, каналов) гидронимы не могут быть поставлены в один ряд ни с земнотопонимами, ни с астрономами и космонимами и по праву внутри топонимики создают относительно замкнутую систему договорных слов-наименований. Как отмечалось выше, в силу этого А.А. Рагулин относит гидронимы «к устойчивой, мало изменяемой, в этом смысле относительно закрытой системе искусственно созданных знаков, ... функционирующих внутри системы пространственных ограничителей» [5, с. 14].

Такая разница в восприятии гидронимов (как единиц при отнесении их одними учеными к закрытой системе, а другими – к открытой системе договорных слов-наименований) объясняется, на наш взгляд, наличием хоть и малого, но все же существующего количества слов, время от времени пополняющих группу гидронимов и изменяющих карту земной поверхности.

оговоренных выше условий относительно закрытой или относительно открытой системы, что делает определение взаимоприемлемым.

Принципиальным для нас является нахождение тех идентичных и дифференциальных признаков, которые, с одной стороны, характеризуют топонимику как универсальную идентичную систему искусственно созданных договорных знаков, служащую для пространственной выделенности объекта в сферах земли, воды и космоса, а с другой – позволяют выделить в обозначителях каждой из этих сфер те специфические черты, которые позволяют говорить об объективном распаде топонимики на три отдельно стоящие группы, каждая из которых требует своего детального изучения.

Библиографический список

1. Баранов О.В. Гидротопонимы в системе искусственных опознавательных единиц языка и речи. М., 2006.
2. Брунов А.В. Лексические формы выражения космического пространства в английском языке. М., 2012.
3. Кошечая И.Г. О тройной сегментации времени и пространства // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 64–66.
4. Ощепкова В.В. Вариативная англоязычная картина мира в лексикографических источниках // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». 2010. № 6. С. 28–36.
5. Рагулин А.А. Обозначители водного пространства как относительно закрытая группа искусственных слов-наименований. М., 2007.
6. Свиридова Л.К. Категория тождества в процессе осознания объекта // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 4. С. 58–62.
7. Шемчук Ю.М. Типология отношений обновленных номинаций с заменяемыми лексемами при переименовании // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2010. № 1. С. 80–83.
8. Canes Venatici II (dwarf galaxy). URL: [http://en.wikipedia.org/wiki/Canes_Venatici_II_\(dwarf_galaxy\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Canes_Venatici_II_(dwarf_galaxy)) (дата обращения: 14.08.2014).
9. Planet. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Planet> (дата обращения: 14.08.2014).
10. Sunflower Galaxy. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Sunflower_Galaxy (дата обращения: 14.08.2014).

А.В. Циммерлинг

Клитики и информационная структура высказывания в древнечешском языке¹

На материале древнечешского языка рассматриваются параметры расстановки клитик и коммуникативно-синтаксические механизмы маркирования темы и ремы. Впервые описана система древнечешских клитик XIV в. и выделено правило рангов, восстанавливаемое по «Далимиловой хронике».

Ключевые слова: славянские языки, древнечешский язык, типология порядка слов, клитики, цепочки клитик, закон Ваккернагеля, правила рангов, правила барьера, топиализация, линейно-акцентные преобразования.

1. Типология систем порядка слов с клитиками и славянские языки

Со времен работы Р.О. Якобсона (1935) известно, что в части современных славянских языков действует т.н. закон Ваккернагеля, т.е. механизм, помещающий клитики² в позицию после первого фонетического слова или первой группы клаузы [28]. Еще одним аспектом закона Ваккернагеля, который отметил уже его первооткрыватель в 1892 г., является жесткое линейное упорядочение клитик там, где они образуют т.н. цепочки (clusters): если a и b – клитики, каждая из которых подчиняется данному закону, то при контактном расположении a и b они всегда выстраиваются в порядке $a > b$ (a предшествует b). Клитики данного типа называют *кластеризуемыми* [11]. Данное отношение выдерживается для всех пар кластеризуемых клитик $a, b, c, d \dots n$, поэтому их относительное расположение (internal ordering) в языке с законом Ваккернагеля можно предсказать на основе табличной схемы, где каждой клетке (рангу клитик) соответствует непустое подмножество клитик $\{a^1, a^2 \dots a^n\}$, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции друг с другом и упорядочиваемых одинаково по отношению к клитикам всех других клеток [29]³. Табличные схемы такого рода в русской лингвистике называют *Правилами рангов* [1, с. 282; 6; 8, с. 82], а в

¹ Работа написана при поддержке программы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», проект «Порядок слов, эллипсис и клитики в синхронии и диахронии».

² Различные подходы к выделению класса клитик обсуждаются в работах А.М. Zwicky [32], L.A. Billings [16], А.А. Зализняка [2, с. 8–12], А.В. Циммерлинга [11, с. 5–12].

³ Так, древнерусские связочные клитики 1 л. и 2 л. ед. ч. презенса индикатива глагола «быть» (*есь* и *еси*) могут отнесены к одному и тому же рангу потому, что они не употребляются в одной и той же цепочке одновременно и при этом упорядочиваются одинаково по отношению ко всем другим древнерусским кластеризуемым клитикам.

англоязычной – *Clitic Templates* [18; 22; 31]. А.А. Зализняк доказал, что закон Ваккернагеля действовал в древних славянских языках и описал Правило рангов древненовгородского диалекта русского языка [1, с. 280–285]. Система расстановки клитик в южнорусских памятниках XI–XV вв. признается им результатом эволюции системы, близкой или идентичной древненовгородской¹ [2].

Изучение других древнеславянских систем с клитиками находится на начальной стадии, исключение составляет работа М.Н. Толстой о древнесербской системе клитик XIV–XV вв. [5]. К. Мигдальский в заметке о старопольских клитиках утверждает, что закону Ваккернагеля подчинялись только старопольские частицы, а местоименные и связочные клитики оставались в пределах глагольной группы [25]. Возражения против этой точки зрения приведены в другой нашей работе [12]. В книге Ф. Травничка о древнечешском синтаксисе перечислены комбинации клитик в памятниках XIV–XVII вв., но не указан отдельно порядок клитик для каждого памятника. Кроме того, в данной книге преобладают нестрогие формулировки вроде «перед прочими клитиками (кроме *-li* и *bych*) обычно ставится глагол *jsem*» [27, с. 151–152], причем в тех же параграфах приведены примеры обратного порядка. Поэтому по изложению Ф. Травничка нельзя понять, поддается ли порядок клитик в древнечешский период табличному описанию или нет. Современный чешский относится к языкам с законом Ваккернагеля [23], поэтому понять истоки чешской системы важно как для славистики, так и для типологии. Закон Ваккернагеля действует также в ряде современных славянских диалектов, прежде всего, в центральнокарпатском украинском диалекте с. Синевир [6], ряде ужанских и гуцульских диалектов [7] и малых славянских языках – бургенландском хорватском и русинском языке Воеводины [18; 19].

Чтобы лучше понять параметры древних и новых славянских языков с клитиками, надо построить типологию систем порядка слов с цепочками клитик [11; 12]. В этой типологии большинство славянских языков отнесено к W-системам, т.е. языкам, где кластеризуемые клитики уровня предложения имеют фиксированную позицию в клаузе и упорядочиваются *по отношению к ее левой границе*: #X/XP – CL, где # – граница клаузы, а X/XP – произвольная синтаксическая категория, т.е. категория, тип которой для позиции клитик не играет роли. Болгарский и македонский языки, а также тагальский, себуано, бикол и прочие центрально-филиппинские языки квалифицируются как W⁺-системы, т.е. языки, где ориентация кластеризуемых клитик на левый край клаузы сохранена, но есть

¹ См. обсуждение в другой нашей статье [10].

дополнительный параметр *смежности клитик и глагола*¹. Старославянский и польский языки отнесены к W^* -системам, где ориентация кластеризуемых клитик на левый край клаузы ослаблена, но условие смежности клитик и глагола не действует. Наконец, новогреческий, албанский и большинство современных романских языков относятся к V -системам, где условие смежности кластеризуемых клитик и глагола грамматикализовано, но глагол перемещается вместе с клитиками, поэтому последние не имеют в клаузе фиксированной позиции.

Во многих работах о законе Ваккернагеля справедливо отмечается, что термины «левая периферия клаузы» или «начальная позиция клаузы» неясны [15; 24], поэтому надо уточнить, какие именно выражения выбираются в качестве фонетических хозяев (*hosts*) клитик. В нашем исследовании [11] показано, что в языках мира представлены две возможности, обозначаемые индексами W_1 -системы и W_2 -системы. W_1 -система с цепочками клитик не допускает именные группы (ИГ) в начале клаузы, т.е. ИГ не могут быть хозяевами клитик: так устроены берберские языки и некоторые другие языки с базовыми порядками VSO или VOS ². W_1 -систем в славянском ареале нет: все до сих пор описанные славянские языки относятся к W_2 -системам, т.е. языкам, где предложение может открываться ИГ и иными группами, состоящими из нескольких фонетических слов³. Дальнейшая классификация W_2 -систем определяется тем, стоят ли клитики после первого фонетического слова (подтип W_2 -А), что свойственно древненовгородскому диалекту [1, с. 282], первой полной составляющей (подтип W_2 -В), что характерно для большинства современных славянских языков, включая чешский и словацкий, или же допускают оба принципа расстановки (подтип W_2 -С), что является особенностью современного сербохорватского, а также языка древнерусских договорных грамот XIII–XV вв. [13]. Назовем параметр, дающий подтип W_2 -А, Правилом разрыва составляющей (ПРС), поскольку он разрешает/требует разрыва начальной группы клитиками, если она состоит из двух и более фонетических слов. Параметр, дающий подтип W_2 -В, назовем Правилом сложной составляющей (ПСС), поскольку он требует постановки клитик после всей начальной группы. Если задать параметры ПРС и ПСС как бинар-

¹ Для болгарского языка, где кластеризуемые клитики не выносятся в начало клаузы, это дает разрешенные конфигурации: $\#XP - V - CL \sim \#V - CL$. В македонском, где данного ограничения нет, на один линейный вариант больше: $\#XP - CL - V \sim \#V - CL \sim \#CL - V$. Точное описание параметров македонского синтаксиса требует рассмотрения разных типов клауз: с финитным глаголом, с нефинитным глаголом и с именным предикатом [26].

² В этом случае кластеризуемые клитики стоят либо после начального глагола, либо после некоторой другой категории, например, операторного слова, что имеет место в кабилском языке и эллишском языке люмми.

³ Сочиненной группой вида X и Y , количественной группой вида *много X-в* и т.д.

ные, строится матрица, где подтип W_2 -С соответствует комбинации {+ ПРС, + ПСС}, т.е. является промежуточным случаем от W_2 -А {+ ПРС, – ПСС} к W_2 -В {– ПРС, + ПСС}¹. Сразу отметим, что древнечешский язык избранного для анализа памятника – «Далимиловой хроники» – относится именно к подтипу W_2 -С. В таблице 1 указаны внешние параллели славянским системам с цепочками клитик.

Таблица 1

Таксономия W_2 -систем: славянские языки

W_2 -системы			
Клитики после начальных ИГ возможны			
Подтип	W_2 -А	W_2 -В	W_2 -С
Распределение параметров	Клитики после первого фонетического слова {+ ПРС, – ПСС}	Клитики после первой полной группы {+ ПРС, – ПСС}	Клитики после первого фонетического слова или первой группы {+ ПРС, + ПСС}
Базовый порядок	X-CL, *XP-CL	XP-CL, *X-CL	XP-CL, X-CL
1. Неславянские языки	хеттский древнегреческий санскрит	пашто кавиненья осетинский кашибо-какатайбо	варьльпири варумунгу луисеньо
2. Славянские языки	древне-новгородский	чешский, словацкий, словенский, верхнелужицкий, бургенландский хорватский	сербохорватский, древнерусский (язык договорных грамот XII–XV вв.), древнечешский (система «Далимиловой хроники»)

Правило рангов в языке «Далимиловой Хроники»

«Далимилова хроника» (середина XIV в.) – древнейший крупный нарративный памятник чешского языка. В чешской лингвистике древнечешское Правило рангов не выделено, а из описания фактов в книге Ф. Травничка невозможно заключить, выполняли ли эта задача вообще. Наш анализ показал, что Правило рангов может быть выделено, но включает необычно большое для славянских языков число клеток – 12. Мы выявили три частных недочета описания Ф. Травничка.

¹ Четвертая возможная комбинация параметров {– ПРС, – ПСС} означает, что в языке нет кластеризуемых клитик либо они не имеют фиксированной позиции в клаузе. В таком случае язык не является W-системой.

1. Ф. Травничек утверждает, что в древнечешском местоименные клитики дат. и вин. п. могли стоять контактно как в порядке DAT–ACC, так и в порядке ACC–DAT [27, § 114.1]. Для такого вывода нет почвы, поскольку в цитируемых примерах Ф. Травничек не различает рефлексивную клитику вин. п. *se* и аргументные местоимения вин. п. Наш анализ подтвердил, что в Правиле рангов «Далимиловой хроники», как и в современном чешском Правиле рангов, *se* и местоимения в вин. п. занимают разные клетки. При этом в Правиле рангов «Далимиловой хроники» аргументные местоимения дат. п. всегда стоят перед аргументными местоимениями вин. п.

2. Ф. Травничек не различает древнечешскую частицу ti_1 «действительно», «на самом деле» и местоимение 2 л. ед. ч. в дат. п. ti_2 «тебе», полагая, что обе клитики представляют употребления местоимения 2 л. [Там же, с. 65]. Анализ показал, что это ошибка, поскольку в древнечешском Правиле рангов частица ti_1 стоит в блоке частиц перед диагностической позицией AUX1, а местоимение ti_2 «тебе» стоит правее AUX1, в блоке местоимений. Примеры см. ниже в разделе «Частицы *že* и *li*».

3. В блоке частиц Ф. Травничек проигнорировал частицу *že*, занимающую крайне левое положение в Правиле рангов [Там же, с. 151]. Анализ показал, что в корпусе «Далимиловой Хроники» *že* еще функционировало как свободный синтаксический элемент, имеется достаточное количество контекстов, где *že* нельзя интерпретировать как часть союзного элемента или локальную некластеризуемую клитику.

Правило рангов памятника складывается из трех блоков клитик трех таксономических категорий: PART (частицы), PRON (местоимения) и AUX (связки) и включает 12 клеток (рис. 1).

Частицы, попадающие в PART1 (три первые клетки, заполняемые частицами *že*, *li*, ti_1) и клетку PART2 (ранг 9), составляют два непересекающихся множества. Единственную клетку имеют также рефлексив *se* (*sě*) и неодушевленные местоимения ср. р. в имен.-вин. п. (*to*, *co*). Данные кластеризуемые элементы составляют стержень Правила рангов (выделено темно-серым на рис. 1). Вместе с тем, связочные клитики 3 л. ед. ч. презенса индикатива имеют по две доступных им клетки – AUX1 и AUX2, по две клетки приходится вводить также для аргументных клитик в дат. п. (DAT1, DAT2) и в вин. п. (ACC1, ACC2). Наиболее поздние слои чешских клитик выделены на рис. 1 полужирным шрифтом.

(i) [_{CliticP} PART1 AUX1 [_{ArgP} DAT1 ACC1] REFL [_{ArgP} to] PART2 AUX2 [_{ArgP} DAT2 ACC2].

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
PART 1			AUX1	DAT1	ACC1	REFL	NOM-ACC. Sg.N.	PART2	AUX2	DAT2	ACC2
že*	li	ti ₁ (t)	Презенс индикатива «быть»: sem, sí (-s), sme (-my), ste, sú je, jest, (-j) Оптитив «быть»: bych, by, bysme, byste, bysta	mi, ti2 (t), mu, jěj, nem (nám), vem (vám), jim, jima	mě, tě, jeř, ho, ji, ny (nás), vy (vás), jě2, vy, ny	sě	to ₁ ** co	tu, tam, pak	3 л. ед. ч. презенса инди- катива jest, je Претерит «быть» byl, byla, bylo, byli	mne, tobe, jemu, jiej	jeho, jich

* Имеется также локальное $\check{z}e_2$ и связанное $\check{z}e_2$ в составе союзных слов.

** Имеется синтаксический омоним – локальная клитика to_2 .

Рис. 1. Древнечешское Правило рангов, по корпусу «Далимиловой Хроники».

Частицы $\check{z}e$ и li

В блоке PART1 имеется три кластеризуемые частицы $\check{z}e$, li , ti_1 , которые в эпоху памятника могли быть свободными кластеризуемыми элементами уровня предложения и комбинироваться в цепочках в указанном порядке. Комбинации свободных частиц $=\check{z}e$ (ранг 1) $=li$ (ранг 2) в «Далимиловой Хронике» нет, но в других древнечешских памятниках ее можно усмотреть, если последовательность $prochzli$ в примере 1 членится как $=\check{z}=li$. По другой интерпретации триграф $\langle chz \rangle$ имеет звуковое значение [č].

Ранг 1 + Ранг 2: свободное $\check{z}e + li$

- (1) др. чеш. Každý nás své hoře vida, (p)roch= $z=j$ 'mu (Alexandrovi) živu býti kdy (da), (p)roch= $z=li$ již meškati vie(ce)? AlxH. 10, 34

В том же памятнике находим комбинацию клитик рангов 2, 4, 7 на том же базисе клитик $proč$ $\langle proch \rangle$ (пример 2). Тем самым, если за написание $prochzli$ в примере 1 действительно стоит $proch = \check{z}$, данное сочетание еще не стало сложным союзом.

Ранги 2 + 4 + 7: $li + AUX1 + REFL$

- (2) др. чеш. Pově \check{z} =mi, zcemu=jest Ježůš smutek plodil, procz- $ly=j$ e=sě otci modlil? t. 47^a

Комбинация свободных частиц $je = li$ в данном порядке представлена в древнерусском языке, что показано в работе А.А. Зализняка [2, с. 29].

Приведем пример комбинации $\check{z}e = ti_1$ (ранги 1 и 3) из корпуса «Далимиловой хроники»:

- (3) др.чеш. Sderad málo s lepšími otjěde, jedno= \check{z} = t' prach nad kněžě
vz \check{n} ide. (Dal, kap. 52)

‘Сдерад недалеко отъехал с лучшими <воинами>, как сразу же действительно над князем <войском князя> поднялась пыль.’

В комбинациях с начальным союзом, ср. др.чеш. *jak-ž* «как», «в той мере как», и вопросительно-относительным словом, ср. др.чеш. *kto-ž*, частица $=\check{z}(e)$ в эпоху памятника находилась на пути грамматикализации и превращения в часть сложного союза, но еще была вычленима, т.к. в тех же контекстах допускались варианты без $=\check{z}(e)$. В следующих двух примерах после $=\check{z}(e)$ в цепочке клитик стоит связка, замещающая узел AUX1: то, что последняя попадает именно в AUX1, а не AUX2, надежно проверяется благодаря тому, что после связочной клитики в цепочках стоят клитики рангов 7 (рефлексив *se*) и 8 (местоимение 3 л. ср. р. ед. ч. *to*). В примере 3 возвратная клитика *se* извлечена из состава зависимой инфинитивной клаузы и перемещена в главное предложение (параметр Clitic Climbing), где образует цепочку с клитиками главного предложения $=\check{z}=s\acute{u}$.

Ранги 1 + 4 + 7: $\check{z}e$ + AUX1 + REFL

- (4) др.чеш. Jak= \check{z} = $s\acute{u}$ = $s\check{e}$ _i oni směli k nám [_{IP} zavraždit_i *t_i*], [*tiem* právem] můžeme my svých přátel mstít. (Dal, kap. 19)¹.
‘как =*же* = AUX.3Pl = REFL они смели пойти на нас войной, [тем правом] можем мы за своих друзей мстить.’

Частица *ti_i*

Как и в древнерусском языке, в древнечешском выделяется дискурсивная частица *ti_i* со значением «действительно», «на самом деле»². В чешской лингвистике соответствующие употребления трактуются как *dativus ethicus*, т.е. падежная форма местоимения [27, с. 65]. Однако *ti_i* обладает иными дистрибутивными свойствами, нежели местоимение 2 л. ед. ч. *ti₂* «тебе». В Правиле рангов «Далимиловой Хроники» *ti_i* стоит в блоке PART, перед диагностической позицией AUX1, а местоимение *ti₂* «тебе» стоит в блоке PRON правее AUX1. Кроме того, *ti_i* сочетается в предложении с другими местоимениями дат. п., что исключено для местоимений, представляющих те же граммы.

Приведем диагностические контексты, где *ti_i* стоит перед клеткой AUX1. В примерах 5 и 6 клитика *ti_i*, кроме того, встречается в смежных клаузах.

¹ Рефлексивная клитика *sě* в примере 3 извлечена из вложенной нефинитной клаузы (параметр Clitic Climbing).

² Первое, и самое подробное, описание древнерусской частицы *ti* было дано в работе А.А. Зализняка [1, с. 298–308].

Ранги 3 + 4: ti_1 + AUX I

- (5) др.чеш. Povědě=ť, kak=ť=je ta země k Čechám přišla. (Dal, kap. 26)
 ‘Следует, **в самом деле**, рассказать о том, как та земля **таки** отошла к чехам.’
- (6) др.чеш. Pozval=ť=je král na hody svého děda. Bude=ť i malým i veli kým do čas běda. (Dal, kap. 56)
 ‘Позвал, **в самом деле**, король в поход своего деда. Скоро **таки** начнутся несчастья и для малых, и для великих.’
- (7) др.чеш. Doňadž=ť=sem živ, musí=mi Čechov žel býti (Dal, kap. 76)
 ‘**Воистину**, покуда я жив, мне надлежит радеть о чехах’.
 букв. ‘покуда=**таки**=*есмь* жив, надлежит мне о чехах радеть’

В примере 8 ti_1 стоит в цепочке клитик непосредственно перед энклитическим местоимением дат. п. Ясно, что в подобных примерах клитика ti_1 не может быть местоимением.

Ранги 3 + 5: ti_1 + DAT I

- (8) др.чеш. To=ť= *vem* beze lsti povědě (Dal, kap. 4)¹.
 Это=PART=2.DAT.PL. без лести поведаю.я.
 ‘Это я **таки** вам поведаю нелицеприятно’.

Показательны также примеры 9 и 10, где одиночная клитика ti_1 не может быть адресатным местоимением в дат. п., т.к. позиция адресата уже занята ИГ в дат. п.

- (9) др.чеш. Já=ť biskupstva přěji [_{NP} **bratru mému**]. (Dal, kap. 51)
 ‘Я **таки** желаю епископства [_{NP} **своему брату**].’
- (10) др.чеш. Já=ť [_{NP} **Svatoplukovi**] nechci slúžiti, a však pravdu muši mluviti. (Dal, kap. 56)
 ‘Я **таки** не хочу служить [_{NP} **Святоплуку**] и должен молвить правду.’²

В просодическом плане старые клитики общеславянского происхождения *že*, *li*, ti_1 ведут себя в корпусе «Далимиловой Хроники» как строгие энклитики и не могут стоять в начале клаузы и после парентетической вставки (т.е. после паузы). На местоименные и связочные клитики это ограничение, в общем случае, не распространяется³.

¹ Для гипотезы о том, что t' в примере 8 является частью союза $to = ti$, нет оснований, поскольку здесь начальное местоимение to является дополнением глагола *povědě*.

² Адресатом высказывания не являются Святоплек или его люди.

³ Трудно проверить, связан ли данный контраст с сегментной редуцированностью названных клитик, часто реализующихся без вокалического ядра, или же с тем, что они являются именно частицами: первое более вероятно, т.к. местоименная клитика дат. п. ti_2 , являющаяся омонимом ti_1 , тоже ведет себя как строгая энклитика в корпусе «Далимиловой Хроники»

Связочные клитики

Разряды связочных клитик, занимающих AUX1 и AUX2 в системе «Далимиловой хроники», распределены следующим образом: 1) связки конъюнктива (*bych, bys, by, bysme, byšte*) всегда занимают AUX1; 2) 1–2 л. ед. ч. связки презенса индикатива (*sem/jsem, si/s/jsi; sme/j sme; ste/jste*) и 3 л. мн. ч. связки презенса индикатива (*sú/jsí*) всегда занимают AUX1; 3) связки прошедшего времени (*byl, byla, bylo, byli*) всегда занимают AUX2; 4) форма 3 л. связки презенса индикатива (*je/jest*) может занимать как AUX1, так AUX2. Описанная система с особым статусом связочных клитик 3 л. ед. ч. презенса индикатива глагола «быть» (*jest, je*) напоминает балканский тип Правила рангов. Но этот статус в языке «Далимиловой Хроники» манифестируется иначе, чем в современных балканских славянских языках, где связка 3 л. ед. ч. *je* закреплена за клеткой AUX2: в системе «Далимиловой Хроники», напротив, *jest/je* является единственной связочной клистикой, которая подвижна и может появляться как в AUX1, так и в AUX2 (рис. 2).

Позиции	AUX1	AUX2
Подмножества клитик	Связки опатива: <i>bych, bys, by, bysme, byšte, by</i>	Связки прош. вр.: <i>byl, byla, bylo, byli</i>
	Связки наст. вр. индикатива 1–2 л. ед. ч. и 1–3 л. мн. ч.: <i>sem/jsem, si/s/jsi, sme/j sme, ste/jste, sú/jsí</i>	
	Связка 3 л. ед. ч. презенса индикатива: <i>jest/je</i>	

Рис. 2. Распределение связочных клитик в системе «Далимиловой Хроники».

Случай, где связка *jest* замещает AUX1, демонстрирует пример 11, а случай, где связка *jest* замещает AUX2, демонстрирует пример 12.

(11) др.чеш. То=*jest=byla* pro to zděla: neb *jest* mezi Pražany přátely jměla.
(Dal, kap. 22)

‘Потому-то она так и поступила; не иначе как имела друзей из числа пражан.’

букв. ‘это=*есть*=была за то сделала...’

(12) др.чеш. Jak=*ž=vám=jest* Libušě řekla, té=*ž=vám povědě*. (Dal, kap. 6)
‘Как вам Либуше сказала, так Вам и отведу.’

букв. ‘как=*же*=вам=*есть* Либуше сказала, так=*же*=вам поведаю.’

Формы опатива/кондиционала (имеется полная парадигма личных форм) и индикатива глагола «быть» представляют сравнительно недавние слои клитизации. Ф. Травничек приводит многочисленные примеры, где в начале клаузы стоят связки опатива [27, с. 56–60] и индикатива [Там же, с. 77]. Корпус «Далимиловой Хроники» дает ту же картину для форм опатива (*bych, by, byšte* и т.д.): в этом случае данные формы не учитыва-

лись нами в качестве кластеризуемых. Нередко в другой части условного периода формы оптатива с тем же самым сегментным составом используются в качестве энклитик:

- (13) др.чеш. řka: #**Bych** u tebe seděl blíže, postavil=*bych* tvůj stolec níže.
(Dal, кап. 79)

‘Если бы я сидел к тебе ближе, поставил бы я твой престол ниже’.

Поскольку проверить просодию начального *bych/by* в примерах типа 13 на материале неакцентуированного письменного текста нельзя, приходится ограничиться гипотезой, что формы оптатива *bych/by* в эпоху «Далимиловой Хроники» не были строгими энклитиками и были возможны после паузы. Данная гипотеза поддерживается примерами, где *bych/by* стоит на левой границе вставленного предложения или парентетической вставки, а предыдущее фонетическое слово находится в главной клаузе – в этом случае между ним и *bych/by* должна была быть просодическая граница (пауза).

- (14) др.чеш. Mniech, #**by**=*mi*=*bylo* v Čechách dědiny jmieti, a již muši na dřěvě visěti. (Dal, кап. 23)

‘Было дело, я думал о том, как **бы** мне получить поместье в Чехии, а теперь вот я должен висеть на дереве.’

букв. «мнил.я, #**бы**=*мне*=*было* в Чехии поместье иметь...»

В литературе приводятся примеры, где на левый край клаузы вынесена связка индикатива в конструкции перфекта, ср. др.чеш. #*sem*=*li ten pes ukradl Rožmb*. «Украл ли я того пса?» [27, с. 77], где форма #*sem* ‘1 л. ед. ч. наст. вр. индикатив’ трактуется не как кластеризуемая энклитика, а как энклиномен либо проклитика / универсальная клитика, служащая базисом для строгой энклитики *li*¹. В корпусе «Далимиловой хроники» таких примеров нет, а распределение энклитических и неэнклитических форм *jsem* в целом соответствует различению неполнозначных употреблений глагола «быть» в функции связки (прежде всего – в конструкции перфекта) и его полнозначных употреблений.

Связки плюсквамперфекта (*byl, byla, bylo, byli*) занимают AUX2. Эти формы тоже не были строгими энклитиками в эпоху памятника. В конструкции плюсквамперфекта они имеют две основных позиции: AUX2 в цепочке кластеризуемых энклитик и позиция в начале клаузы, где *bylo* не являлось кластеризуемым элементом.

Местоименные клитики

Рефлексивная клитика *sě* имеет в Правиле рангов «Далимиловой Хроники» ранг 8 и занимает клетку REFL, а аргументные местоименные кли-

¹ Данный механизм напоминает инверсию =*li* в македонском языке.

тики могут занимать места как слева от REFL – клетки DAT1 (ранг 5) и ACC1 (ранг 6), так и справа от REFL – клетки DAT2 (ранг 11) и ACC1 (ранг 12). Однозначного соответствия между подмножествами клитик в дат.п. и вин.п. и занимаемыми ими клетками нет, но полезно уточнить следующие тенденции:

- полные, просодически тяжелые местоименные формы, вовлекаемые в Правило рангов позже кратких форм, могут стоять как в DAT1/ACC1, так и в DAT2/ACC2;
- почти все краткие местоименные формы, имеющие более долгую историю клитизации, стоят в DAT1/ACC1, но система не исключает их постановки в DAT2/ACC2.

Имеется по меньшей мере два бесспорных примера, где краткая местоименная форма стоит в DAT1. В них представлена форма дат. п. 3 л. ед. ч. м. р. *mi*, образованная в диалектный период из полной формы *jemu*¹.

- (15) др.чеш. ale {_{TopicP} [_{NP} Metlida]}, #lombarská králová#, *jě*₁=*sě*=*mu*
 pomáhati. (Dal, kap. 51).
 ‘Но Метлида, ломбардская королева, стала ему помогать.’
 букв. ‘но {_{TopicP} [_{NP} Метлида]}... приняла=*ся*=*ему* помо-
 гать.’

Для языка «Далимиловой Хроники» еще в меньшей степени, чем для современного чешского, характерна корреляция между сегментным составом элемента и его статусом клитики. Нередуцированные формы местоимений, ср. *jemu*, 3 л. ед. ч. м. р. дат. п., тоже кластеризуются. В отличие от современного чешского языка, *mi* и *jemu*, *ho* и *jeho* 3 л. ед. ч. м. р. вин. п. могут занимать одни и те же клетки Правила Рангов. В то же время, т.н. коэффициент энклитичности Зализняка [2, с. 134], т.е. процент употребления энклитических местоимений, а не полноударных форм в парах =*mi* ~ *mne*, =*ti*₂ ~ *tobe*, =*nem* ~ *nám*, =*vem* ~ *vám*, =*ny* ~ *nás*, =*vy* ~ *vás*, =*ji* ~ *ije*, =*jej*/*=ho* ~ *jeho*, =*jě*₂ ~ *jich*, для корпуса «Далимиловой Хроники» достаточно высок, что подтверждает ориентацию данного памятника на разговорный язык. Архаичной чертой следует признать сохранение старой формы клитики вин. п. 3 л. ед. ч. м. р. *jej* (ср. др.рус. *и* ‘3 л. ед. ч. м. р. вин. п.’), которая встречается на порядок чаще новой формы *ho* < *jeho*.

Коснемся параметров, регулирующих употребление местоименных клитик.

Клитики после парентезы. Местоименные клитики в корпусе «Далимиловой Хроники» могут стоять после паузы (парентетических вставок)

¹ Аналогичным образом возникла краткая форма вин. п. 3 л. ед. ч. м. р. *ho* < *jeho*, которая в списках памятника употребляется наряду с более ранней клитикой вин. п. 3 л. ед. ч. м. р. *jej* (|| др.рус. =*и*).

и спорадически присоединяются к предшествующей синтаксической составляющей. Примеров, где кластеризуемые местоимения стояли бы в начале первой клаузы полипредикатного комплекса, нет. Вставку парентез между клитикой и ее хозяином естественно объяснить как добавление речевых вставок в уже построенную структуру с позицией клитик. Под эту формулировку подходят пример 16, где рефлексивная клитика *se* присоединяется к начальной словоформе *kněz*, а между ними вклинивается парентетический оборот *#to vida#* ‘видя это’:

- (16) др. чеш. *Kněz, #to vida#, =se smějješe ni jim pro to kdy co dieše.* (Dal, kap. 100)
 ‘Князь, видя это, смеялся, и ничего им за это не делал.’
 букв. ‘Князь, *#это видя#*=ся засмеял...’

Клитики после синтаксической составляющей. Синтаксическая структура самой парентезы не играет роли – это может быть нефинитная клауза, как в примере 16, финитное предложение, фонетическое слово, полная группа и т.п. Иначе следует трактовать примеры типа 17, где кластеризуемая клитика *ny* присоединяется к правому краю предшествующей синтаксической составляющей: здесь синтаксическая структура отрезка, предшествующего кластеризуемой клитике, релевантна.

- (17) др. чеш. [_{IP} *chtiece=нас uživati*] *#=ny* v hromadu *vadie.* (Dal, kap. 54)
 ‘[Желая *нас* истребить], *нас* в распри *втравливают*.они’

Итак, в языке «Далимиловой Хроники» есть как параметр, разрешающий постановку клитик после парентез, так и параметр, разрешающий постановку клитик после синтаксической составляющей [30].

Clitic Climbing. Аргументные и рефлексивные клитики могут извлекаться из нефинитных оборотов и перемещаться в вышестоящую клаузу (обычно – в главное предложение), где они кластеризуются с клитиками этой клаузы. Данный параметр распространяется на рефлексивную клитику (ранг 7) и на аргументные клитики рангов 5, 6, 8, 11, 12, в том числе, на просодически тяжелые местоимения и на форму ср. р. ед. ч. *to*, когда она стоит в позиции управляемого элемента нефинитного глагола и получает синтаксический вин. п. Извлечение факультативно, но варианты с *Clitic Climbing* статистически преобладают. Ср. примеры с рефлексивной клитикой. В примере 18 операция *Clitic Climbing* имеет место и в главном, и в придаточном предложениях.

- (18) др. чеш. *Mohl=by=se_i=byl kněz* [_{IP} *domysliti t_i*], *že strašivému s*
udatným zlo=se_j [_{IP} *raditi t_j*]. (Dal, kap. 19)
 ‘Князь мог бы и своим умом догадаться, что боязливому
 негоже совещаться с храбрым.’
 Букв. ‘мог=бы=ся_i=был князь [_{IP} *догадать t_i*], что...’

(19) др.чеш. а $muži=sě_i$ chtěla [_{IP} posmievatí t_i]. (Dal, кап. 22)

‘и она хотела высмеять мужа.’

Букв. ‘и над мужем=*ся* хотела [_{IP} посмеять t_i].’

Примеры с аргументными клитиками см. ниже:

(20) др.чеш. А $však=by=mi_i$ chtěl stříebro [_{IP} dáti t_i]. (Dal, кап. 69).

‘И однако он хотел бы мне дать серебро.’

букв. ‘и однако=*бы*=*мне*_i хотел серебро [_{IP} дать t_i].’

(21) др.чеш. musil=*bych*=*to_i* [_{IP} zrušiti t_i]. (Dal, кап. 43).

‘Я бы должен был это разрушить.’

букв. ‘должен=*бы*.*я*=*это*_i [_{IP} разрушить t_i].’

(22) др.чеш. #bylo=*by*=*jim*=*to_i* u pokánie ot knězě [_{IP} přijieti t_i].

(Dal, кап. 84).

‘им бы следовало в порядке покаяния принять это от князя’

букв. ‘было=*бы*=*им*=*это*_i в покаяние от князя [_{IP} принять t_i].’

(23) др.чеш. chtěl=*by*=*jemu_i* zajtra užitečně [_{IP} poslužiti t_i].

(Dal, кап. 86).

‘Он *бы* хотел *ему* завтра хорошо послужить.’

букв. ‘хотел.он=*бы*=*ему*_i [_{IP} разрушить t_i].’

Напрашивается вывод, что система «Далимиловой Хроники» отражает диахронические процессы, затронувшие кластеризуемые местоимения в древнечешском языке:

1) рефлексивная клитика *sě* получает фиксированное место в Правиле рангов (ранг 7), отличное от мест аргументных местоимений в вин. и дат. п.;

2) произошла ротация аргументных местоименных клитик, причем новые, просодически тяжелые кластеризуемые местоимения, к середине XIV в. могли замещать не только новые клетки DAT2 и ACC2 (ранги 11–12), но и старые клетки DAT1 и ACC1 (ранги 5–6), которые в системе «Далимиловой Хроники» локализуются между AUX1 и REFL в левой части Правила рангов;

3) сферой действия кластеризуемых местоименных клитик, в отличие от кластеризуемых связей и частиц, была не отдельная клауза, а *поли-предикатный комплекс*, что подтверждается значением параметра Clitic Climbing.

Правила начальной составляющей

Фактором нестабильности древнечешской системы клитик являются разные настройки параметров, разрешающих выбор начальных категорий предложения, служащих просодическими хозяевами клитик:

- общеславянские кластеризуемые частицы (*že*, *li*, *ti*) не могут стоять после начальной группы, состоящей из двух и более фонетических слов

*[_{XP} W¹, W², ... Wⁿ] – CL_{PART}, в то время как кластеризуемые местоимения и связки могут;

• это обуславливает варьирование порядков с разрывом и без разрыва начальной составляющей [_{XP} W¹, W², ... Wⁿ] – CL_{PRON/AUX}, ~ [_{XP} W¹ = CL_{PRON/AUX} ... W² ... Wⁿ].

Параметр разрыва составляющих (ПРС) и параметр сложной составляющей (ПСС) действуют на одни и те же типы начальных групп: ИГ, количественные группы (QuantP), группы вопросительного слова (WhP), сочиненные группы (CoP), что дает варьирование, см. примеры 24a-b из одного и того же абзаца.

ПРС

(24a) др.чеш. [_{NP} **Obyčejě** [_{СIP} = *sě*] **zlého**] přijímáchu a dobrého nic netbáchu. (Dal, kap. 98)

‘Они набрались дурных обычаев, а ничего хорошего не восприняли.’

букв. ‘[_{NP} **обычая** = *ся.. дурного*] набрали...’

ППСС

(24b) др.чеш. Ale [_{PP} от [_{PP} **zlého nečstného obyčejě**] = *sě přijieti*] (Dal, kap. 98)

‘Но набраться от дурных нечестных обычаев.’

букв. ‘но [_{PP} от [_{NP} **дурного нечестного обычая**]] = *ся набрать*.’

Клаузы с ПРС иллюстрируются также примерами 25–26.

(25) др.чеш. [_{PP} z [_{WhP} **které** [_{СIP} = *net*] **země**]] radíš kněžě vzietí. (Dal, kap. 3)

‘Из которой земли ты велишь нам взять князя?’

Букв. ‘[_{PP} Из [_{WhP} **которой**] [_{СIP} = *нам*] **земли**] велишь князя взять?’

(26) др.чеш. Aby bliz les nebyl, [_{QuantP} **ijeden** [_{СIP} = *by=byl*] **z mužův**] nezbyl. (Dal, kap 11)

‘Кабы рядом не было бы леса, никто бы из мужиков не выжил.’

букв. ‘[_{QP} **и.один**] [_{СIP} = *бы=был*] **из мужиков**] не.выжил.’

ПСС иллюстрируется также примерами 27, 28.

ИГ

(27) др.чеш. [_{NP} **Kněz český**] = *sě* na Uhry
[_{NP} **Князь чешский**] = *ся*. CL.REFL на угров
vgátí (Dal, kap. 85)

поворотил.

‘Чешский князь обратился против венгров.’

Количественная группа
 (28) др.чеш. [_{QuantP} **Sto tisícov sřiebra**]=*jim* hřiven
 [_{QuantP} **Сто тысяч серебра**]=*им. CL.DAT.PI.* гривен
rozděli (Dal, kap. 48)
 разделил.он.

Можно сделать вывод о том, что кластеризуемые клитики в системе «Далимиловой Хронике» не обладают совокупностью единых просодических и синтаксических свойств (рис. 3).

	Просодический тип	Правила начальной составляющей	Синтаксическая область
Старые частицы: <i>že, li, ti₁,</i>	строгие энклитики	{+ ПРС, – ПСС}	клауза
Местоимения	универсальные клитики	{+ ПРС, + ПСС}	полипредикатный комплекс
Связки	универсальные клитики	{+ ПРС, + ПСС}	клауза
Новые частицы: <i>tu, tám, pak</i>	универсальные клитики/ полуклитики	{+ ПРС, +ПСС}	клауза

Рис. 3. Параметры описания кластеризуемых клитик в языке «Далимиловой хронике».

Правила выбора порядков с разрывом начальной составляющей клитикой {+ ПРС} и без разрыва {+ ПСС} могут быть частично мотивированы коммуникативными факторами, но материал памятника не позволяет выявить эти факторы, поскольку порядки слов с местоименными клитиками и настройках {+ ПРС} ~ {+ ПСС} в равной степени являются базовыми для древнечешского языка XIV в. Прочие рассмотренные выше параметры носят формально-синтаксический характер, причем Правило рангов «Далимиловой Хронике» дает стабильное упорядочение 12 классов клитик, несмотря на просодическую и синтаксическую неоднородность последних, связанную с разным временем их клитизации. Более проницаемы для коммуникативных факторов рассматриваемые ниже механизмы, порождающие производные порядки слов в предложениях с клитиками.

2. Производные порядки слов с клитиками и Правила барьера

Кластеризация клитик уровня предложения происходит в определенной синтаксической позиции [31, с. 184], поэтому производными порядками слов в языке с кластеризуемыми клитиками следует признать те, где все или часть клитик цепочки стоят вне канонической позиции кластеризации в результате действия некоторого правила – вставки категории предложения, имеющей свойства т.н. Барьера [11, с. 20]. Для W-систем это значит, что цепочка или часть ее клитик в силу вставки Барьера оказывается правее второй позиции от начала клаузы. Для W_2 -С-систем с параметрами {+ ПРС, + ПСС}, которой, как показано выше, является древнечешский язык, число позиций, отделяющих клитики от левого края клаузы, отсчитывается по числу групп, не по числу фонетических слов. Для дальнейшего изложения важно различие механизмов, называемых Барьерами главного и Барьерами придаточного предложения. Барьеры главного предложения порождают порядок {^{BARRIER} XP} – V – CL, а Барьеры придаточного предложения порождают порядки, где цепочки / кластеризуемые клитики / цепочки отделены от подчинительного союза (COMP) некоторой категорией Y: COMP – {^{BARRIER} Y} – CL.

Воспользуемся метаязыком трансформационной грамматики составляющих. Тему и рему будем трактовать как коммуникативные составляющие и обозначать фигурными скобками как {_{TOPP...}} и {_{FOPP...}}, соответственно. Носитель рематического акцента (focus proper)¹ будем обозначать нотацией {_{FP} ...}. Символ $X_i \dots t_i$ применительно к синтаксической или коммуникативной составляющей X означает, что категория $[X]_i / \{X\}_i$ по сравнению с исходным предложением, где оно занимало место t_p , изменило свое линейное расположение².

Параметр контактного расположения цепочек клитик и глагола не играет роли в предложениях с базовым порядком слов #X/XP – CL...V, но контактный порядок [V – CL] часто возникает за счет перемещения глагола (verb movement) в производных предложениях с Барьером главного предложения:

• Барьеры главного предложения основаны на передвижении глагола в позицию перед клитиками:

$$X/XP - CL \dots V > \{^{\text{BARRIER}} [X_P X]\} V_i - CL \dots t_i;$$

¹ Синонимы: «носитель главного фразового акцента», *patow focus* и т.д.

² Для грамматики формально-синтаксических составляющих такая нотация традиционна. Для анализа коммуникативных составляющих она применяется реже, поскольку стандартные версии теории линейно-акцентных преобразований [14. см. однако, 9; 3], не опираются на постулат о базовом порядке слов.

- Барьеры придаточного предложения связаны со вставкой элементов предложения между узлом COMP и клитиками COMP $\{\text{BARRIER}_{[Y P]} - \text{CL}$.

Барьеры главного предложения в древнечешском языке

Начальные группы из нескольких фонетических слов часто выступают в качестве Барьеров, если они имеют коммуникативный статус темы. В этом случае непосредственно между начальной группой и клитиками обычно ставится глагольная форма, что соответствует данному выше определению Барьера главного предложения как механизма, основанного на перемещении глагола во вторую позицию от начала клаузы:

- (29) др.чеш. $\{\text{TOPP BARRIER}_{[PP]}$ **От Чех а́з пра́вѣ до Глогова** $\}$
neslyšal = *by* = *byl*. polského slova. (Dal, kap. 44)
 $\{\text{BARRIER}_{\text{TOPP}[PP]}$ **От Чехии до самого Глогова** $\}$ не было
 бы слышно польского слова.
 букв. 'От Чехии до Глогова не слышал = *бы* = *был* польского слова.'

Однако перемещение глагола в позицию перед клитиками наблюдается и в клаузах, где Барьером является группа, состоящая из одного фонетического слова. В примерах 30 и 31 местоименные клитики дат. и вин. п. извлекаются из вложенной инфинитивной группы в главную клаузу, где имеется топикальная группа, состоящая из одного короткого фонетического слова. При этом сама начальная группа со свойствами Барьера может быть как подлежащим (пример 30), так и второстепенным членом (пример 31).

- (30) др.чеш. $\{\text{TOPP BARRIER}_{[NP]}$ **Páni** $\}$ počěchu = *mi*_i v tom za zlé $[_{IP}$ *mi*_i $]$.
 (Dal, kap. 45)
 $\{\text{TOPP BARRIER}_{[NP]}$ **Паны** $\}$ начали на него за это держать зло.'
 (31) др.чеш. $\{\text{TOPP BARRIER}$ a $[_{PP}$ **v Čechách** $\}$ chci = *tě*_i němečským králem $[_{IP}$ *učiniti*_i $]$.
 (Dal, kap. 68)
 $\{\text{TOPP BARRIER}$ и $[_{PP}$ **в Чехии** $\}$ хочу тебя сделать немецким королем.'

Решающим фактором в механизме Барьера главного предложения в древнечешском языке является не просодия (число фонетических слов в начальной группе, число слогов в первом фонетическом слове и т.п.), но коммуникативная перспектива высказывания, т.е. тот факт, что некоторая группа предложения получает статус темы и перемещается в начало предложения. Данный вид перемещений принято называть *топикализацией*. В формальных моделях, опирающихся на представление об универсальной иерархии категорий предложения [17, с. 109; 21], обычно предполага-

ют, что при топиализации элементы предложения перемещаются в позицию темы (TopP) на левой периферии клаузы: это решение отражено выше в нотации примеров 29–31. В теории линейно-акцентных преобразований [4; 14, с. 9] такое допущение заранее не принимают, но топиализация считается составной частью более общих коммуникативно-синтаксических механизмов, одновременно меняющих порядок компонентов ремы и/или их акцентуацию. Применительно к древнечешскому оба объяснения удобно объединить, т.к. вынос синтаксического материала в TopP подтверждается инверсией клитик и глагола $[CL \dots V] \Rightarrow [V - CL]$ в составе ремы. Соответственно, отсутствие такой инверсии и сохранение базового порядка слов XP – CL логично интерпретировать как доказательство того, что в предложениях без топиального Барьера выдвижения элементов в TopP нет.

- (i) $\{\text{TopP} [\dots]\} - CL \dots \Rightarrow \{\text{TopP} [_{XP} X]\} \dots - CL$
 (ii) $XP - CL \dots V \Rightarrow \{\text{BARRIER}_{\text{TopP}} [_{XP} X]\} - \{\text{FocP } V_i - CL t_i\}$

Акцентуация предложений древнечешского языка нам недоступна, но из типологических соображений можно заключить, что рематический акцент в предложениях типа 29–31 падал на элементы, находящиеся правее последовательности *глагол + клитика*. Клитики как слабоударные слова, исключенные (по крайней мере, в W-системах) из контекстов логического выделения и эмфазы, не могут притягивать рематический акцент по определению [20, с. 45], а глагол является наименее вероятным кандидатом на роль собственно ремы в предложениях, где есть дополнения и обстоятельства [14, с. 72]. Таким образом, и клитики, и глагол в примерах с Барьером главного предложения следует квалифицировать не как собственно рему, а как т.н. переходную зону (transition) между собственно темой и собственно ремой.

Передвижение глагола в языке «Далимиловой хроники» спорадически встречается и в придаточных клаузах, ср. ниже пример 32, где, в отступление от базового порядка Comp – CL, клитику вин. п. *mě* отделяет от подчинительного союза не только подлежащая ИГ, но и глагол. При этом сама клитика по параметру Clitic Climbing извлечена из вложенного инфинитивного оборота в главную клаузу и синтаксически относится к инфинитиву *zabiti*. Хотя сам факт перемещения клитики из вложенной клаузы в главную доказан, в главной клаузе она из-за эффекта Барьера не может занять своего канонического места из-за передвижения глагола *chte*.

- (32) др.чеш. $[_{CP} \text{že} \{\text{TopicP} [_{NP} \text{vy lovci}]\} \text{chcte}_i = m\check{e}_j t_i [_{IP} \text{zabiti } t_j] ?]$ (Dal, kap. 55)
 ‘ $[_{CP}$ что $\{\text{TopicP} [_{NP}$ **ВЫ, ЛОВЦЫ** $\}$ ХОТИТЕ $_i = \text{меня.вин.п. ед.ч. } t_i$
 $[_{IP}$ забить $t_j]$? .’

Такие примеры указывают, во-первых, на то, что в древнечешском языке в эпоху памятника передвижение глагола в клаузе с клитиками не блокировалось при внешне выраженном подчинительном союзе (ср. *že* «что» в примере 32), а во-вторых, на то, что в древнечешском не было полной структурной асимметрии главного и придаточного предложения в плане синтаксиса клитик: отголоски этого положения прослеживаются и в современном разговорном чешском языке [23].

Клитики в предложениях с фокализацией

Поверхностное перемещение глагола в клаузах с начальным Барьером, имеющим статус темы, может быть частным случаем предположительно более универсальной операции – перемещения рематического элемента левее своего обычного места. Данная операция была названа термином Left Focus [9]: термин непосредственно описывает случаи выноса носителя рематического акцента левее предикатной вершины. Подтверждением того, что древнечешский язык использовал операцию Left Focus, служит, например, вынос рематического элемента левее глагола в клаузе без клитик:

- (33) др.чеш. *neb* [_{NP} *ten moc*] = *jeho všecku*] *vědieše* a {_{TOPP} [_{PPV} *jeho vojsčě*]} {_{FP} [_{NP} *přátely*]}_i *imějieše* *t_i*¹. (Dal, кап. 86)
 ‘Либо [ту мощь] = *его* всю] видели, и {_{TOPP} [в его войске]}
 {_{FP} [_{NP} *друзей*]}_i имели *t_i*.’

В клаузах с клитиками операция Left Focus приводит к следующему эффекту: начальная топикальная группа трактуется как Барьер, затем ставится перемещенный рематический элемент, после него следует клитика, что дает порядок {^{BARRIER}_{TOPP}[XP]} – {_{FocP}[YP]}_i – CL...*t_i*. Перемещения глагола в позицию перед клитиками в этом случае не происходит. Таким образом, перемещение глагола в предложениях с клитиками и Left Focus, с перемещением неглагольных рематических элементов в позицию перед клитиками, находятся в дополнительной дистрибуции и исключают друг друга. В сущности, последнее вытекает уже из определения операции Left Focus как «перемещения ...левее предикатной вершины». Кроме того, если верно, что между топикальным Барьером и клитиками в древнечешском есть только одна позиция – мишень для перемещаемых влево элементов, ясно, что она не может быть одновременно заполнена двумя разными категориями предложения – глаголом и неглагольным рематическим элементом. Итак, как эмпирические, так и теоретические соображения свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что позиция древнечешских клитик зависит от того, какие коммуникативно мотивированные

¹ В примере 33 носитель рематического акцента перемещается не в абсолютное начало предложения, а в позицию после начальной топикальной группы.

операции имели место: только топиализация (порядок $XP_T - V - CL$) или же топиализация + фокализация ($XP_T - YP_F - CL... V$).

Фокализацию при порядке $XP_T - YP_F - CL... V$ в главной клаузе демонстрируют примеры 34 и 35.

(34) др.чеш. а $\{_{\text{TopP}}[\text{PP } \text{po } \text{boji}]\} \{_{\text{FP}}[\text{NP } \text{psóm}]\} = j_i [_{\text{IP}} \text{sniesti } t_j \text{ } \underline{\text{dachu}} \text{ } t_j]$.
(Dal, kap. 16)

‘и $\{_{\text{TopP}}[\text{PP } \text{после } \text{боя}]\}$ они позволили $\{_{\text{FP}}[\text{псам}]\}$ $[_{\text{IP}}$ сожрать $\text{ee} <\text{ее труп}>$ ’

(35) др.чеш. $[\text{BARRIER } \{_{\text{TopP}}[\text{ty}]\}] \{_{\text{FP}}[_{\text{AdvP}} \text{šlechtně}]\} = s_u \text{ toho ciesaře } \underline{\text{pobily}}$
(Dal, kap. 11)
‘ $[\text{BARRIER } \{_{\text{TopP}}[\text{Te}]\}] \{_{\text{FP}}[_{\text{AdvP}} \text{доблестно}]\} = \text{AUX.3PL. того императора } \underline{\text{побили.}}$ ’

Фокализация в придаточной клаузе иллюстрируется примером 36.

(36) др.чеш. $\text{Neb } [\text{BARRIER } \{_{\text{TopP}}[_{\text{NP}} \text{jejie } \text{písaři}]\}] \{_{\text{FP}}[_{\text{AdvP}} \text{nevelmi}]\} = s_u \text{ snažni } \underline{\text{byli}}$,
(Dal, пролог)
‘Либо $[\text{BARRIER } \{_{\text{TopP}}[_{\text{NP}} \text{ее писари}]\}] \{_{\text{FP}}[_{\text{AdvP}} \text{не шибко}]\} = \text{AUX.3PL } \underline{\text{ловки были.}}$ ’

Итак, теория Барьеров позволяет предсказать поведение древнечешских клитик в структурах с топиализацией и фокализацией полноударных элементов предложения, поскольку сами правила Барьеров коммуникативно мотивированы. Набор синтаксических ограничений, свойственных древнечешскому языку как W-системе, ограничивает число позиций, доступных клитикам, при этом в предложениях с Барьером возникают дополнительные ограничения на перемещение глагола.

3. Теоретические перспективы

Было впервые показано место древнечешского языка в типологии языков с цепочками клитик, доказано, что древнечешский язык XIV в. относился к типу W_2 -С-систем порядка слов, выделено Правило рангов и другие формальные параметры расстановки клитик. Производный порядок слов в предложениях с кластеризуемыми клитиками порождается Правилами барьера, которые имеют коммуникативную природу. В рамках избранного формализма – модифицированной теории линейно-акцентных преобразований – удалось показать, что инверсия в последовательности *глагол + клитики* и реализация производного порядка слов $XP - V - CL$ связана с выносом топиализованных элементов в позицию $\{_{\text{TopP}}\}$, в силу чего начальная группа клаузы приобретает свойства Барьера. Факультативность перемещения глагола в предложениях с начальной тематической группой в рамках теорий, опирающихся на постулат о существовании универсальной иерархии категорий предложения, про-

ще всего объяснить тем, что начальная группа может либо выноситься в TopP, тогда инверсия клитик и глагола имеет место, либо получать статус темы *in situ*, тогда сохраняется базовый порядок $XP - CL \dots V$.

Теорию Барьеров можно развивать и без постулата об универсальной иерархии категорий предложения; тогда факультативность инверсии глагола и клитик $XP_T - CL \Rightarrow XP_T - V_i - CL \dots t_i$ объясняется факультативностью самого Барьера. Релевантно, что перед глаголом в главных клаузах с топикальным Барьером и клитикой допускается *ровно одна внешне выраженная группа предложения*, порядок $*XP_T - YP - V - CL$ запрещен. Этот нетривиальный факт помещает древнечешский язык и другие W-системы с механизмом коммуникативного барьера в класс языков с ограничением V2 – перед финитным глаголом в невопросительной клаузе может стоять только одна группа предложения. Из двух сценариев реализации параметра V2 – германского (ограничение V2 только в главных декларативных клаузах [8, с. 262]) и кашмири (ограничение V2 в разных типах главных и придаточных клауз [17, с. 83]) – древнечешский ближе к германскому подтипу. Однако порядки V2 в клаузах с клитиками возможны в древнечешском лишь в коммуникативно маркированных высказываниях с начальным Барьером. В коммуникативно немаркированных высказываниях с клитиками порядок V2 блокируется основным синтаксическим ограничением W-систем – законом Ваккернагеля, помещающим клитики после начальной группы.

Библиографический список

1. Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989. М., 1993. С. 191–319.
2. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
3. Лютикова Е.А. О двух типах инверсии в русском языке // Русский синтаксис в научном освещении. 2012. № 2. С. 65–106.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
5. Толстая М.Н. Система энклитик в сербских грамотах XIV–XV вв. // Конференция «Славистика, индоевропеистика, ностратика». К 60-летию со дня рождения В.А. Дыбо: Тезисы докладов. М., 1991. С. 201–205.
6. Толстая М.Н. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1988–1999 (XIV). М., 2000. С. 134–143.
7. Толстая М.Н. Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // Балто-славянские исследования. М., 2012. С. 190–211.
8. Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.

9. Циммерлинг А.В. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). Тр. международной конференции «Диалог 2008». М., 2008. С. 551–562.
10. Циммерлинг А.В. Клитики в древнерусском пространстве: по поводу книги А.А. Зализняка «Древнерусские энклитики» (М.: Языки славянской культуры, 2008. – 280 с.) // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 259–277.
11. Циммерлинг А.В. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 3–38.
12. Циммерлинг А.В. Системы порядка слов с клитиками в славянских языках // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 3–37.
13. Циммерлинг А.В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013.
14. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
15. Agbayani B., Golston Ch. Second-position is first-position. Wackernagel's Law and the role of clausal conjunction // Indogermanische Forschungen. 2010. URL: <http://zimmer.csufresno.edu/~chrisg>. (дата обращения: 19.10.2014).
16. Billings L.A. Phrasal clitics // Journal of Slavic linguistics. 2002. № 10 (2). P. 53–104.
17. Bhatt R.M. Verb Movement and the Syntax of Cashmiri // Studies in Natural Language and Linguistic Theory. Vol. 46. Dordrecht–Boston–London, 1999.
18. Browne W. Word Order in Burgenland Croatian: clitics // The Third Southeast European Studies Association Conference, April 26–28, 2007.
19. Browne W. Porjadok Klitikoх u Vojvodjaskim Rusinskim // Шветлоц. 2008. № 3. P. 351–362.
20. Cardinaletti A. Pronouns in Germanic and Romance languages: An overview // Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20–5) / H. van Riemsdijk, ed. Berlin – NY, 1999. P. 63–82.
21. Cinque G. Issues in adverbial syntax // Lingua. 2004. № 11. P. 683–710.
22. Franks S., King T. A handbook of Slavic clitics. NY, 2000.
23. Hana J. The position of Czech clitics // The Third Annual Meeting of the Slavic Linguistic Society, SLS 3. Columbus, Ohio, June 10–12, 2008.
24. Hock H.H. Who's on First? Toward a Prosodic Account of P2 Clitics // Approaching second: Second position clitics and related phenomena / A. Halpern and A. Zwicky (eds.). Stanford, 1996. P. 429–448.
25. Migdalski K. On the emergence of the second position cliticization in Slavic // Formal Description of Slavic Languages FDSL–7. Leipzig, 2007. P. 69–71.
26. Mišeska Tomić O. A grammar of Macedonian. Bloomington, Indiana, 2012.
27. Trávníček F. Historická mluvnice česká. V. III. Skladba. Praha, 1956.
28. Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1892. № 1. S. 333–436.
29. Zimmerling A. A unified analysis of clitic clusters in world's languages // Computational linguistics and intellectual technologies. 2012. Issue 11 (18). P. 726–738.
30. Zimmerling A. Sentential clitic hosts in Slavic languages // Slavic linguistic society conference SLS 7, 25–27 August, 2012. Lawrence, Kansas, 2012.
31. Zimmerling A., Kosta P. Slavic Clitics: A typology // Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF). V. 66. 2013. № 2. P. 178–214.
32. Zwicky A.M. On Clitics. Bloomington, 1977.

В.В. Борщева

Организация программы экстенсивного чтения как механизм развития учебной автономии учащихся в процессе изучения иностранного языка

В статье уделяется внимание организации экстенсивного чтения в процессе преподавания иностранных языков для формирования навыков самостоятельной работы учащихся и их учебной автономии. Описаны формы и виды заданий, способствующих вовлечению студентов в процесс иноязычного чтения и формирующих учебную автономию.

Ключевые слова: экстенсивное чтение, учебная автономия, самостоятельная работа студентов, преподавание иностранных языков.

Учебная автономия сегодня, с одной стороны, является неотъемлемой характеристикой успешного учащегося, с другой стороны, механизмы ее формирования и развития все еще недостаточно разработаны, нечетко зафиксированы в нормативных и методических документах, не в полной мере внедрены в учебный процесс. Большая нагрузка в этом плане ложится на конкретного педагога, который должен организовать эффективную самостоятельную работу учащихся, научить их учиться осознанно и планомерно, учитывая собственные стили обучения, стратегии, склонности и возможности.

В изучении иностранных языков самостоятельная работа – это один из наиважнейших компонентов; форм и способов такой работы огромное множество на всех этапах обучения – от заучивания лексики, выполнения

разного вида упражнений и заданий до творческой работы с аутентичными материалами.

Чтение как вид речевой деятельности, а также как способ овладения информацией традиционно выносятся на самостоятельную работу. В отечественной методике преподавания иностранных языков такой элемент программы, как домашнее чтение, является обязательной частью учебного процесса, часто бывает компонентом учебно-методических комплексов как для школы, так и для вуза. Экстенсивное чтение также можно отнести к области домашнего чтения, но оно все же отличается от традиционно принятого в нашей стране. Под ним понимается, по определению западных авторов, чтение для удовольствия [4, с. 191]. Это уже совершенно другой подход и к организации этого процесса, и к его контролю, оцениванию и т.д. Учащийся может выбирать не навязанный кем-то текст или книгу, а то, что соответствует его интересам, языковым способностями, потребностями, желаниями. В данной статье под экстенсивным чтением понимается программа чтения иноязычного текста в разнообразных проявлениях: художественная литература, печатный текст (журналы, газеты, рекламные брошюры и т.п.), материалы интернета и т.д. в соответствии с выбором учащегося по своим интересам, потребностям и возможностям с целью получения информации, а также для пополнения лексического словаря, расширения социокультурных и фоновых знаний, формирования навыков зрелого и аналитического чтения, эстетического и культурного обогащения.

На базе кафедры иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова более пяти лет используется программа экстенсивного чтения как компонента самостоятельной работы студентов в курсе изучения иностранного языка на неязыковых специальностях и направлениях подготовки. Эта форма работы нашла свое отражение в «Языковом портфолио студента МГГУ им. М.А. Шолохова» [3], которое предлагается вести студентам, а также является обязательным компонентом оценивания работы студента при аттестации, в том числе и на экзамене.

В течение учебного года студентам предлагается ежемесячное экстенсивное чтение на выбор: 1) художественная литература; 2) периодические издания; 3) научно-популярная и тематическая литература; 4) материалы интернета; 5) другое. Художественная литература – это наиболее традиционный выбор для самостоятельного чтения, однако чтение оригинального художественного текста для студентов неязыковых специальностей и направлений подготовки является довольно сложной задачей, поэтому для экстенсивного чтения на невысоких уровнях владения иностранным языком целесообразно использовать адаптированную художествен-

ную литературу. Ведущие мировые издательства, такие как «Cambridge University Press», «Pearson», «Macmillan», «Oxford», «Black Cat Cideb» и другие разработали большое количество так называемых ридеров (graded readers) – адаптированных книг для чтения по уровням владения иностранным языком. Выбор жанра, уровня сложности, дополнительных материалов (исторический или культурный комментарий, информация об авторе или эпохе и т.д.), а также дополнительных заданий (лексических упражнений, заданий на понимание прочитанного, толкового словаря и др.) делают эти книги замечательным подспорьем для изучающих язык. Для многих учащихся возможность такого чтения является также большой мотивирующей силой, поскольку они могут выбрать посильное для себя чтение, получить не только языковой багаж, но и ощущение своей способности читать иноязычную литературу, что очень важно для преодоления психологического барьера боязни иностранного языка, а также для развития навыков автономной самостоятельной работы. Такие книги для чтения целесообразно начинать применять с самого начального уровня, приучая, таким образом, студентов к постоянному чтению на иностранном языке; на более продвинутых уровнях, начиная от В1 по международной шкале, можно начинать вводить неадаптированное чтение – вебсайты и несложные газетные или журнальные статьи, а далее на более высоких уровнях предлагать студентам аутентичное экстенсивное чтение по интересам.

Как и в любой другой самостоятельной работе, особое внимание следует уделять мониторингу и контролю деятельности студентов. Несмотря на саму суть экстенсивного чтения – чтение для удовольствия, контроль этой работы должен быть систематическим и планомерным. Традиционно чтение литературы в процессе обучения иностранным языкам проверяется в форме пересказа прочитанного. Такой вид отчета может быть довольно эффективным, поскольку будет способствовать формированию и грамматических, и лексических навыков, а также анализа и интерпретации информации. Но не всегда в классе достаточно времени, чтобы выслушать всех учащихся, при этом еще нужно организовать работу остальных учащихся во время ответа другого, что также бывает проблематично. Поэтому можно рассмотреть альтернативные формы контроля, не отнимающие много времени на занятии, но требующие такой же, если не большей работы студентов, как и при устном ответе в классе. Преподаватели кафедры иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова апробировали ряд подходов и форм такой работы, среди которых можно выделить письменные задания и использование потенциала информационно-компьютерных технологий для контроля самостоятельного чтения.

Подготовка письменного отчета (написание краткого изложения прочитанного; написание рекламного анонса книги; написание собственного мнения по прочитанному в форме письма другу, рецензии на произведение, эссе, критического обзора; письмо от имени одного из героев произведения; составление культуроведческого, лингвострановедческого или тематического комментария или глоссария; письменное сравнение сюжета, героев и др. нескольких прочитанных произведений; письменное сравнение книги и фильма и т.д.). Письменные задания будут отличаться в зависимости от уровня владения языком студентами, но в любом случае, письменное задание дает учащемуся возможность рефлексии прочитанного, проработки лексики, совершенствования навыков письма и анализа текста.

Использование информационно-компьютерных технологий (ИКТ) для отчетности (презентация, подкаст, создание графических файлов, комиксов, обсуждение текста на форуме, блоге, в социальных сетях и т.д.). Технологии Веб 2.0., как отмечают многие авторы, формируют самостоятельную виртуальную образовательную среду, в которой студенты являются активными участниками [1, с. 70; 2, с. 100]. Потенциал ИКТ сегодня позволяет организовать огромное количество разнообразных форм работы студентов, при этом зачастую сами учащиеся могут предложить какие-то нестандартные варианты работы, поскольку они владеют технологиями на довольно продвинутом уровне.

Одним из наиболее интересных для современных учащихся заданием является подготовка подкаста (аудио или видео) о сюжете прочитанного. Это, с одной стороны, тот же самый традиционный пересказ текста, но с другой стороны, уже совершенно другой формат и подход. Чтобы подготовить пересказ, студент будет сначала составлять письменный вариант ответа, но не всегда будет его прорабатывать устно несколько раз. Для съемки ролика студенту все же придется потренироваться, иногда даже перед зеркалом, иногда требуется несколько «съемок», чтобы сделать более качественный вариант. Также студенты часто продумывают детали своей презентации, гардероб, фон, на котором идет съемка, дополнительные эффекты. Такая работа увлекает студента, дает большое поле для творчества; многие студенты начинают работать в небольших группах, помогая друг другу с постановкой видео или с его оформлением. Большим стимулом именно с подкастами для студентов является то, каким способом они сдают свою работу. Если они просто высылают файл преподавателю и только преподаватель будет его смотреть, то не все будут прикладывать максимум усилий, но если задание – выложить свой ролик на портале Youtube, где его смогут посмотреть люди со всей планеты, отме-

тить, понравился ли он им, добавить свои комментарии, то тогда студенты прилагают максимум усилий, как по оформлению, так и по содержанию своего подкаста. То же самое касается и других видов работы, которую выполняют студенты; чем больше вероятности того, что их работу смогут увидеть другие (в социальных сетях, например), тем больше стремления сделать что-то на самом высоком уровне.

Это лишь некоторые примеры удачных форм работы с экстенсивным чтением. На наш взгляд, для каждой учебной группы, для каждого студента можно подобрать индивидуальные задания, которые будут приносить максимальную пользу от чтения, но наиболее важной останется задача приобщить студентов к чтению иноязычного текста, сделать это занятие интересным, актуальным, приносящим удовольствие и пользу, как в учебном плане, так и в общем, для расширения мировоззрения, видения мира. И наиболее важно в данном случае сформировать автономного учащегося, не нуждающегося в контроле преподавателя за тем, что он делает самостоятельно для получения наивысших образовательных результатов.

Библиографический список

1. Борщева О.В. Организация языкового поликультурного образования студентов направления подготовки «Педагогическое образование» на основе современных интернет-технологий // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Педагогика и психология». 2013. № 2. С. 68–71.
2. Чекун О.А. Роль инновационных технологий в создании языковой среды // Современное языковое образование: инновации, проблемы, решения: Сб. научных тр. / Под ред. О.А. Чекун. М., 2014. С. 100–104
3. Языковое портфолио студента МГГУ им. М.А. Шолохова / Сост. В.В. Борщева. М., 2014.
4. Thornbury S. An A-Z of ELT. A dictionary of terms and concepts used in English Language Teaching. Macmillan Publishers Limited, 2006.

Т.Ю. Журавлева

Использование электронного образовательного ресурса при изучении дисциплины «Русская литература XVIII века»

В статье анализируется опыт создания и апробации электронного образовательного ресурса по дисциплине «История русской литературы XVIII в.» для прикладного бакалавриата.

Ключевые слова: электронный образовательный ресурс, методика преподавания литературы.

Основной задачей современного вузовского образования в данный момент становится формирование императива опережающего качества образования, обеспечивающего непрерывный профессиональный рост специалиста. В этом контексте ведущей тенденцией организации образовательного процесса в высшей школе становится широкое использование электронных образовательных ресурсов в качестве основной формы обучения для заочного/дистанционного образования и дополнительной – для очной формы обучения.

В предлагаемой статье анализируется опыт создания и апробации электронного образовательного ресурса (ЭОР) по дисциплине «История русской литературы XVIII в.» для прикладного бакалавриата, разработанный в соответствии с созданной в МГГУ им. М.А. Шолохова Концепцией использования виртуальной образовательной среды [1, с. 7], инновационность и актуальность которой заключается в интеграции традиционных успешных методик и технологий обучения/повышения квалификации педагогов, ранее недоступных вне виртуальной образовательной среды.

Дисциплина «История русской литературы XVIII в.» изучается на I курсе прикладного бакалавриата во втором семестре. По учебному плану на изучение курса отведено 36 часов (18 лекционных часов и 18 часов практических занятий). Формальная структура ЭОР простая и четкая: нулевой блок, который содержит все необходимые методические материалы; учебный (календарный) план-график и правила обучения в данном курсе; тематические учебные блоки.

Нулевой блок ЭОР обеспечивает студентов всей необходимой информацией и инструментарием для изучения теоретических вопросов и выполнения практических заданий элементов курса. Два форума нулевого блока (новостной и вопрос-ответный) предназначены для ежедневного общения преподавателя и студентов: в первом анонсируются предстоящие события и мероприятия, во втором, ежедневно открытом для онлайн-общения в определенные часы, студенты могут оперативно получить ответы на интересующие их вопросы.

Подробный список учебников, учебных пособий, материалов и исследований, представленный интерактивными ссылками, дает студентам возможность самостоятельно выбрать учебник по изучаемой дисциплине, познакомиться с точками зрения известных ученых на проблемы истории и поэтики того или иного произведения, конкретного периода становления и развития русской литературы XVIII в.

Список литературы для обязательного и факультативного изучения определяет необходимый минимум произведений для текстуального изучения и дает возможность выборочного или более широкого знакомства с литературным процессом изучаемого периода, открывает новые имена писателей XVIII в. (например, Василий Данилов Шапошников).

Презентации по культуре и искусству XVIII в., отражающие все аспекты становления и развития русского искусства изучаемого периода, формируют представления о культурном контексте эпохи и синхронизируют значимые исторические, общественные, политические, идеологические события России и Западной Европы и этапы развития русского искусства в целом и русской литературы в частности.

В разделе «Методические материалы» для студентов представлены рекомендации для выполнения практических заданий ЭОР.

Также в нулевом блоке собраны гиперссылки на научные и фундаментальные библиотеки русской литературы, в которых широко представлено творчество писателей XVIII в. в современных и репринтных изданиях.

Завершает нулевой блок учебный план-график дисциплины, в котором подробно расписаны виды и формы групповых и индивидуальных работ, сроки доступности элементов и ресурсов курса и предоставления их преподавателю.

Таким образом, нулевой блок электронного образовательного ресурса способствует созданию максимально комфортных условий для работы студентов по изучению дисциплины.

Основной корпус ЭОР «Русская литература XVIII в.» составляют тематические блоки, освещающие ключевые проблемы истории

становления и развития русской национальной литературы в эпоху формирования новой государственности и новой формы власти – абсолютной монархии.

В истории русской литературы XVIII век занимает совершенно уникальное место – это предыстория литературы, строительство ее фундамента (так, например, Ю.Н. Минералов считает, что в XVIII в. художественной литературы не было, а существовала только русская словесность) [3]. Формирование русской литературы в этот период шло параллельно с воспитанием человека эпохи – человека новой эмоциональной культуры, светского, образованного, имеющего активную жизненную позицию, способного поставить гражданские добродетели выше личных интересов. Русская литература в своих текстах создавала идеал человека-гражданина, истинного сына Отечества и воспитывала читателя, способного адекватно воспринимать эти тексты, которые генерировали русскую действительность (Ю.М. Лотман) [2].

Исследование эволюции образа героя эпохи в русской литературе XVIII в. стало основной идеей организации материала при изучении дисциплины с использованием ЭОР.

Для эффективного изучения курса «История русской литературы XVIII в.» были сформированы 9 блоков, каждый из которых включает лекцию и серию практических заданий. В лекционных блоках, раскрывающих тему реализации проекта новой русской литературы в XVIII в., излагается авторская точка зрения, суть которой заключается в следующем: произведения русской литературы XVIII в. способствуют успешной социализации человека в «Российских Европиях», когда рассыпалась старая картина мира, а «Духовный регламент» Ф. Прокоповича подверг старообрядцев остракизму.

Лекционный текст в ЭОР представлен 20 фрагментами небольшого объема – до 2500 печатных знаков. После каждого фрагмента студенты должны дать ответы на 3 тестовых вопроса, помогающих усвоить основные факты и выводы данной подтемы.

Для творческого осмысления и закрепления теоретического материала студентам предлагается изучить соответствующий раздел учебника по истории русской литературы XVIII в. (по выбору) и выполнить задания к лекции: заполнить аналитическую таблицу, вступить в дискуссию с преподавателем и сокурсниками на форуме, написать эссе, ознакомиться в электронной научной библиотеке с работами литературоведов по данному вопросу, составить глоссарий темы и т.п.

Для примера приведем задания к первой лекции.

Задание 1.1. (13–20 февраля)

Зарегистрируйтесь на сайте Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/defaultx.asp>.

Скриншот регистрации прикрепите к ответу на задание, нажав на кнопку «Загрузить файл».

Задание 1.2. (13–28 февраля)

1. Проанализируйте материалы лекции и соответствующие разделы учебника «История русской литературы XVIII в.» О.Б. Лебедевой («Введение в историю русской литературы XVIII в.», «Литература первой трети XVIII в.») и заполните таблицу «Отличия новой литературы от древнерусской» (таблица 1. – Т.Ж.).

Таблица 1.

Отличия новой литературы от древнерусской

Древнерусская литература	Критерии сопоставления	Литература Нового времени
Человек и мир	Основная идея	...
Анонимная Рукописная	Форма	...
Самодостаточный смысл (религия и метафизика)	Содержание	...
Вера	Орган творчества и эстетического наслаждения	...
Христианское	Понимание человека	...

Задание 1.3. Форум (13–28 февраля)

Примите участие в тематическом форуме.

1. Нажмите на слово «Утверждение». Опровергните или подтвердите утверждение «Русская литература переходного периода представляет героя новой эпохи», аргументируя свою позицию (не более 500 знаков с пробелами); нажмите на кнопку «Ответить».

2. Нажмите на кнопку «Ответить» под высказыванием коллеги и оставьте свои комментарии на его позицию.

Серия практических заданий к лекции состоит, как правило, из 8–9 позиций, 3 постоянных и 5–6 вариативных. Константами этих заданий являются: составление синхронистической таблицы общественно-политической и культурной жизни России и Европы XVIII в., подготовка видеофайла «Культурный контекст эпохи» и тест для самопроверки знаний по данной теме.

Представим некоторые виды заданий, которые выносятся на практическое занятие после изучения лекционного материала первого блока.

Задание 1.1. Синхронистическая таблица общественно-политической и культурной жизни России и Европы XVIII в. (21 марта – 4 апреля)

1. Изучив лекцию и соответствующие разделы учебника по истории русской литературы XVIII в. (по выбору), заполните синхронистическую таблицу по изучаемому периоду (1700–1725 гг.) (таблица 2 – Т.Ж.).

Таблица 2.

Синхронистическая таблица общественно-политической и культурной жизни России и Европы XVIII в.

Годы	Историко-культурные события	Литературный процесс в Европе	Литературный процесс в России
1700	Начало правления Петра I (1682– 1725) Мирный договор России с Турцией Основание Берлинской Академии наук Начало Северной войны (1700–1721)		
1701	Открытие в Москве школы навигационных и математических наук		
1702	Основание в Москве театра Кунста-Фюрста (1702–1707)		Основание первой русской печатной газеты «Ведомости» (1702–1727)
1703	Основание Санкт-Петербурга		
1704		Лейбниц Г.В. (1646–1716) «Новые опыты о человеческом рассудке»	
...

2. Файл с заполненной таблицей прикрепите к ответу на задание, нажав кнопку «Загрузить файл».

Задание 1.2. Форум (21 марта – 4 апреля).

Примите участие в тематическом форуме.

1. Нажмите на слово «Утверждение». Опровергните или подтвердите утверждение «Каждая эпоха меняет концепцию человека», аргументируя свою позицию (не более 500 знаков с пробелами); нажмите на кнопку «Ответить».

2. Нажмите на кнопку «Ответить» под высказыванием коллеги и оставьте свои комментарии на его позицию.

Задание 1.4. Видеофайл «Культурный контекст эпохи» (21 марта – 4 апреля).

1. Проанализируйте материалы лекции, соответствующие разделы учебника по истории русской литературы XVIII в. (по выбору), презентации (Приложение 1.4.).

2. Подготовьте сообщение (мини-доклад, виртуальную экскурсию и т.п.) на тему «Культура и искусство 1700–1725 гг. в зеркале русской поэзии» с обязательным чтением наизусть одного из рекомендованных к заучиванию текстов (см. нулевой блок). Запишите ваше выступление на видео в формате AVI, MPEG, FLV, MOV, MP4. Объем – до 5 мин.

3. Файл прикрепите к ответу на задание, нажав кнопку «Загрузить файл».

Практическое занятие 1.6. Рукописные повести. Стилистический практикум (21 марта – 4 апреля)

1. Прочитайте «Гисторию о российском матросе Василии Кориотском».

2. Учitando, что антитеза является ведущим приемом создания образной системы повести, поясните, как раскрывают образ главного героя второстепенные и эпизодические персонажи. Докажите, что жизнь Василия Кориотского не только «хождение», но и «восхождение». Дайте письменный ответ – не более 500 знаков с пробелами.

3. Заполните схему образной системы «Гистории» (Приложение 1.6).

4. Файл прикрепите к ответу на задание (п. 2, 3), нажав кнопку «Загрузить файл».

Практическое занятие 1.8. Литературное творчество как проект: от замысла – к воплощению. Стилистический практикум (4–11 апреля)

1. Сравнив фрагменты разных редакций сатиры А.Д. Кантемира «На хулящих учение», докажите рост художественного мастерства ее автора. Письменный ответ – до 500 знаков с пробелами. (Приложение 2.5).

2*. Продолжите стихотворение в стилистике А.Д. Кантемира на тему «Человек эпохи просвещения не духовного, а светского учения». Объем – до 12 строк. (Приложение 2.5.1)

4. Файл прикрепите к ответу на задание (п. 1, 2), нажав кнопку «Загрузить файл».

Заполнение синхронистической таблицы к каждому тематическому блоку формирует фактологическую картину изменения статуса России на карте культурной жизни Европы и свидетельствует об интенсивности и спрессованности процесса становления национальной русской литературы.

Создание ролика по теме «Культурный контекст эпохи», помимо основной учебной цели контроля знаний текстов, рекомендованных к заучиванию наизусть, решает задачу творческой интерпретации произведений литературы в разные исторические периоды, выявляя принципы отбора художественных произведений, составляющих корпус русской классики¹.

¹ С примерами учебных видеороликов «Культурный контекст эпохи: век XVIII» можно ознакомиться в группе «Мой XVIII век» (<https://vk.com/club35843500>).

Для формирования профессиональных компетенций и навыков литературоведческого анализа и интерпретации текстов художественных произведений разработаны разные типы заданий, ориентированных на исследование поэтики, стилистики, художественного мира литературного произведения. Помимо этого в каждом тематическом блоке предусмотрен формат творческого, практического закрепления теоретических знаний: так, после изучения одического канона и одической строфы М.В. Ломоносова студентам предлагается сочинить свой текст на тему «О пользе знаний», после стилистического анализа повестей Н.М. Карамзина – использовать методы и приемы создания ритмической прозы в рассказе о первой любви.

Практические задания завершающего блока электронного образовательного ресурса обобщают, систематизируют изученный материал и составляют квинтэссенцию дисциплины: определен глоссарий курса; представлена хронология создания литературного языка и жанровой и стилевой системы, ключевых художественных текстов; прослежена эволюция концепции человека и образа героя эпохи; сформулирован вывод о значении XVIII в. в истории русской культуры, сопоставимого со значением эпохи Возрождения в Западной Европы.

Сегодня виртуальная образовательная среда – тренд, который влияет на развитие образования, помогает преподавателю, мотивирует студентов. К положительным аспектам работы в ЭОР отнесем и уникальную возможность преподавателя проверить создаваемые элементы и ресурсы на понимание: предложить их студентам в очной аудитории и не комментировать, позволить самим найти правильные (понимаемые) формулировки.

В ЭОР каждый студент может учиться в своем ритме, выбирать свою траекторию постижения дисциплины, объем практических заданий, тем самым формируя оценку рубежного контроля, которая автоматически высчитывается системой и не зависит от межличностных взаимоотношений студента и преподавателя.

Библиографический список

1. Вайндорф-Сысоева М.Е., Грязнова Т.С. Педагогические аспекты разработки электронного образовательного ресурса практикующим педагогом: Краткий путеводитель. М., 2014.
2. Минералов Ю. И. История русской словесности XVIII века. М., 2003.
3. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

А.Ф. Раджабова

Метапредметный подход на уроках русского языка в современной российской школе (особенности понимания)

По мнению автора, задача учителя – способствовать формированию у учеников понимания всей структуры и системы предмета, его взаимосвязей с другими предметами. Необходимо добиться желания и «умения» учиться, отказавшись от примитивного заучивания материала. Важно, чтобы такая деятельность у детей была осознанной, т.е. чтобы они понимали, к чему стремиться и как использовать полученные универсальные навыки в обучении и в реальной жизни.

Ключевые слова: метапредметный подход, системно-деятельностный подход, метапредметный подход на уроках русского языка, метапредметные задания.

В настоящее время в нашей стране происходят существенные изменения в системе образования. Процесс образования теперь рассматривается в большой степени как процесс развития и саморазвития личности. Главная цель педагога – выявление и реализация внутреннего потенциала ребенка, который теперь является одним из субъектов образования. Только всесторонне развитая, грамотная личность сможет осознанно строить судьбу своей страны, своей семьи, свою собственную, при этом осознавая ответственность за свои действия.

Нормативным правовым документом, устанавливающим систему норм и правил, обязательных для исполнения в любом образовательном учреждении, является Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС), согласно которому впервые целью обучения становятся не только предметные, но и метапредметные результаты, которые способствуют решению проблемы разобщенности, оторванности друг от друга разных учебных дисциплин и предметов. В работе над такими результатами ФГОС обозначает ценность системно-деятельностного подхода к обучению, основанного на обеспечении соответствия ведущей учебной деятельности обучающихся их индивидуальным особенностям и возрасту. Известно, что в основной школе ведущей учебной деятельностью является коммуникативная деятельность, которая представляет собой актив-

ное целенаправленное взаимодействие человека с окружающим миром, вызванное определенной потребностью, включая и других людей, и самого себя. Ученик самостоятельно ориентируется в деятельности учения и выбирает собственные способы усвоения учебного материала, формирует и отстаивает свою точку зрения. Условия для активной деятельности обучающихся создает педагог, его роль при таком подходе – коррекция зоны ближайшего развития ученика, характеризующей особенности его будущего, завтрашнего развития (в процессе взаимодействия с педагогом).

Такой подход обеспечивает формирование готовности к саморазвитию и непрерывному образованию обучающихся, их активную коммуникативную и учебно-познавательную деятельность, а также организацию образовательного процесса с учетом индивидуальных, возрастных, психологических и физиологических особенностей учеников. Целью является воспитание не просто грамотного человека, но человека мыслящего, социально ответственного, представляющего цели своего обучения, готового к саморазвитию и осознанному применению полученных знаний во всех предметных областях и сферах своей жизни.

Особо следует обратить внимание на термин «осознанное применение». Как отмечал классик отечественной психологии С.Л. Рубинштейн, «сам факт осознания своей деятельности изменяет условия ее протекания», а само «действие становится поступком по мере формирования самосознания» [4, с. 72].

Изменились и требования к ожидаемым результатам общего образования – установлены критерии для оценки метапредметных результатов. Содержание планируемых результатов описывает и характеризует обобщенные способы действий с учебным материалом, позволяющие учащимся успешно решать учебные задачи. Метапредметные результаты связаны с освоением универсальных учебных действий (УУД): познавательных, регулятивных, коммуникативных. Они затрагивают все основные сферы личностного развития (когнитивную, эмоциональную, волевою) и связаны с формированием умения учиться. Конкретная работа по их развитию основана на программе формирования УУД, предполагающей применение упомянутого системно-деятельностного подхода.

Основой УУД является овладение всеми видами речевой деятельности; формирование умения ставить проблему, выдвигать аргументы, строить логическую цепь рассуждения, находить доказательства, подтверждающие или опровергающие тезис, систематизировать информацию (учебно-логические умения); формулировать цель, последовательность учебной деятельности, осуществлять самоконтроль, самооценку, планирование своей деятельности (учебно-организационные умения), разли-

чать тексты различных стилей, создавать тексты различных типов: описание, повествование, рассуждение (учебно-информационные умения), а также формирование умения выражать свое мнение, работать в позиции «взрослого», соотносить собственную деятельность с деятельностью других, вести диалог, кратко формулировать свои мысли (учебно-коммуникативные умения) [5, с. 47].

В качестве примера применения метапредметного подхода на уроках русского языка (способствующего, в частности формированию умения осуществлять стилистическую принадлежность текста) можно привести анализ двух отрывков различных по стилю текстов на предмет определения их стилистической принадлежности: *Ведь совершенно ясно, что, если все будут писать по-разному, то мы перестанем понимать друг друга. Смысл и ценность орфографии в ее единстве. Чем идеальнее это единство, тем легче взаимопонимание* [10, с. 57]; *Оттуда видно такое же громадное поле, телеграф и поезд, который издали похож на ползущую гусеницу, а в ясную погоду оттуда бывает виден даже город* [9, с. 26].

Для выполнения поставленной задачи от учеников потребуются обратить внимание на подбор слов и благозвучие речи (т.е. на фонетику текста), на наличие или отсутствие синонимов, антонимов, фразеологизмов (т.е. на лексику текста), на особенности синтаксических конструкций (т.е. на грамматику текста).

В ходе работы обучающиеся посредством наблюдения, анализа, сравнения и оценки употребления характерных языковых средств устанавливают, что первому из отрывков текста свойственна обобщенность, подчеркнутая логичность, точность изложения, специальная терминология, например, *орфография, ценность, единство* (научный стиль), в то время как во втором отрывке присутствуют образность, яркое выражение чувств автора, эмоционально-окрашенная лексика: *громадное поле, ползущая гусеница* (художественный стиль).

Педагогу важно организовать работу над упражнением так, чтобы спровоцировать развитие у обучающихся как учебно-организационных умений (определять учебную задачу), так и учебно-коммуникативных умений (вступать в учебный диалог, доказывать утверждение, тезис, формулировать вывод).

Продолжая тему практических заданий по формированию УУД, нельзя не сказать о значительной роли творческих упражнений. Например, можно предложить ознакомиться с высказываниями ученых на одну и ту же тему (заимствование иностранных слов в русском языке), произвести анализ и выбор предпочтительного варианта (с обоснованием причин такого

выбора): *Нахальный чужак лезет на место, у которого есть законный, живой и здоровый владелец* [2, с. 21]; *Заемствования иностранных слов – один из способов развития современного языка. Заемствования становятся результатом контактов, взаимоотношений народов, государств. Основной причиной заимствования иноязычной лексики признается отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора* [1, с. 18].

При этом педагогу важно добиться, чтобы каждый обучающийся проявил активность в познавательной деятельности, смог обосновать свой выбор, соотнести свое понимание изучаемого материала с пониманием других, вступить в диалог. В ходе обсуждения обучающиеся приходят к выводу о необходимости объективного анализа каждой позиции по данному вопросу с учетом всех возможных как негативных, так и позитивных последствий заимствования иностранных слов в русском языке.

Подобные метапредметные задания помогают научить самостоятельно ставить цель, искать пути их достижения, учиться координировать свои действия при решении возникающих задач и оценивать полученный результат. Они являются частью большой системы взаимосвязанных знаний (и не только по данному предмету). Таким образом, осознав необходимость глубокого усвоения учебного материала для достижения успехов при изучении других предметов, а также при участии в дебатах, спорах, выступлениях перед широкой аудиторией, для соблюдения стиля и норм речевого этикета, обучающийся не ограничится примитивным заучиванием урока.

Кроме того, важно научить обучающихся различать понятия «мнение» и «знание», для того, чтобы они понимали, чем обладают: поверхностным мнением или глубоким личностным знанием изучаемого вопроса. Добиться такого ответственного и осознанного подхода от детей крайне важно, т.к. именно школьный возраст, хотя и особо чувствительный, и эмоциональный в психологическом плане, является периодом активного усвоения знаний, установления первых принципов развития личности, самоопределения и влияет на общую способность мотивации в будущем.

Применение метапредметного подхода предполагает тесную работу педагогов с психологом, которому следует освещать психологические и поведенческие особенности детей разного школьного возраста для того, чтобы метапредметное обучение было сообразно с умственными возможностями детей и имело успех.

Современная задача учителя – создать условия для осознанного понимания школьниками структуры обучения, взаимосвязей между разде-

лами одного учебного предмета и между разными учебными предметами, а главное, понимания того, как пользоваться полученными знаниями в учебной и практической деятельности. Учитель должен выступать в роли организатора деятельности и консультанта обучающихся, задавая при этом направление на самостоятельность. Для современного педагога мало быть погруженным в «свой» предмет, следует знать особенности его устройства, прорывные зоны развития и методы соприкосновения с другими типами знаний, т.е. любой «педагог-предметник» должен быть еще немного «надпредметником» или «метапредметником». И в этом вопросе без освоения такого подхода в образовании, который строится на сочетании разных форм знания и методов работы с ними, не обойтись, ведь предполагается хорошее знание своего предмета и умение его интерпретировать с точки зрения деятельностных единиц содержания.

Именно в результате грамотного применения на базе школы метапредметного подхода всеми педагогами-предметниками возможно достижение провозглашенных в содержании фундаментального ядра общего образования задач – формирование у школьников базовых национальных ценностей, а также гражданского сознания, позиции и умения самоопределяться в различных жизненных ситуациях [8, с. 3].

Библиографический список

1. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов. Владивосток, 1997.
2. Глаголев В.В. Гастарбайтеры языка // Итоги. 2000. № 27. С. 9–10.
3. Избасарова Р.Ш. Повышение результативности современного урока // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Педагогика и психология». 2012. № 3. С. 20–24.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: Учебное пособие. СПб., 2002.
5. Стандарты второго поколения. Формирование УУД в основной школе: от действия к мысли. Пособие для учителя / Под ред. А.Г. Асмолова. М., 2010.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897.
7. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий / Под ред. А.Г. Асмолова. М., 2010.
8. Фундаментальное ядро содержания общего образования / Под ред. В.В. Козлова, А.М. Кондакова. 4 изд., дораб. М., 2011.
9. Чехов А.П. Крыжовник // Чехов А.П. Крыжовник. М., 2012. С. 26–41.
10. Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Щерба Л.В. Избр. работы по рус. языку. М., 1957. С. 56–62.

Борщёва Вероника Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент; заведующая кафедрой иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: veronicaengels@gmail.com.

Журавлева Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент; заместитель директора Института языка и коммуникаций, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: arhat_5@mail.com.

Киравосян Марина Бабкеновна – аспирант кафедры перевода и переводоведения Института языка и коммуникации МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры туризма и межкультурной коммуникации Института языка и коммуникации, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: m702508@yandex.ru.

Курочкина Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры английского языка, Военный университет МО РФ. E-mail: kurotch_15@yandex.ru.

Петренко Денис Иванович – доктор филологических наук; профессор кафедры русского языка факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет. E-mail: textus@mail.ru.

Петрухина Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент; заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, Узбекский государственный университет мировых языков, г. Ташкент, Узбекистан. E-mail: tatashap@mail.ru.

Попова Татьяна Георгиевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры английского языка, Военный университет МО РФ. E-mail: tatyana_27@mail.ru.

Раджабова Аида Фетуллаховна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Института языка и коммуникации МГГУ им. М.А. Шолохова; руководитель структурного подразделения дошкольного образования № 5, общеобразовательное учреждение «Школа № 97», г. Москва. E-mail: captiousss@ya.ru.

Ронько Роман Витальевич – магистр программы «Общая и типологическая лингвистика» НОЦ «Институт современных лингвистических исследований», МГГУ им. М.А. Шолохова; специалист по учебно-методической работе, НОЦ «Институт современных лингвистических исследований», МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: rgonko@mail.ru.

Сигал Кирилл Яковлевич – доктор филологических наук; заведующий Отделом экспериментальных исследований речи, Институт языкознания РАН. E-mail: kjseagal@yandex.ru

Соколова Наталья Сергеевна – аспирант кафедры литературы и русского языка Института языка и коммуникации МГГУ им. М.А. Шолохова; учитель русского языка и литературы, гимназия № 1290, г. Москва. E-mail : sokolova.natalya2106@yandex.ru

Федорова Наталья Андреевна – аспирант кафедры литературы и русского языка Института языка и коммуникации МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры политико-правовых дисциплин и социальной коммуникации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: nataliafedorova@inbox.ru.

Циммерлинг Антон Владимирович – доктор филологических наук; профессор кафедры русского языка и литературы, директор НОЦ «Институт современных лингвистических исследований», МГГУ им. М.А. Шолохова; ведущий научный сотрудник сектора типологии и ареальной лингвистики, Институт языкознания РАН. E-mail: fagraey64@hotmail.com.

Штайн Клара Эрновна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет. E-mail: textus@mail.ru.

V. Borshcheva

Organization of extensive reading program as a mechanism of developing learner autonomy in the course of learning a foreign language.

The article is focused on organizing extensive reading program in the course of teaching foreign language for the formation of self-study skills and learner autonomy. The author points out forms and types of tasks that help involve students in the reading process and foster learner autonomy.

Key words: extensive reading, learner autonomy, students' self-study, teaching foreign languages.

N. Fedorova

Language forms of object spatial indication

The article deals with the specialized system of language signs which serve as the spatial indicators in English being differently represented in their word and numeral nomination. In this respect the author tries to find out identical and distinguishing features of the whole system and to define the reasons of appearing of the centrifugal and centripetal directions which take place within the system differently. Special attention is given to explanation of the reasons in using the numeric notation within the main groups of toponyms.

Key words: toponym, astrononym, cosmononym, hydronym, coding, numeric notation.

M. Kirakosyan

Parallel nominations in legal terminological system

The article is devoted to the research of the problem of parallel nomination in judicial terminological system. The research is up-to-date against the background of the focused attention the present-day scientists pay to problems of juridical linguistics.

Key words: parallel nomination, extralinguistic factors, terminological system, language of professional activity.

N. Petrukhina

The receptive field of F.M. Dostoevsky in the world literary process of XX century

The article considers problems of contemporary reception of F. Dostoevsky in the context of world literary traditions of the XX century. The author analyzes the axiological constants of the realistic tradition, «threshold chronotop» and «limit» of Dostoevsky, reception of «the polyphonic novel». The article presents Dostoevsky's reception in the Russian literary tradition (A. Chekhov, M. Bulgakov); in the West-European existential tradition (A. Kamyu); in the Uzbek novel (A. Kadyri) as background tradition.

Key words: chronotop, threshold chronotop, verge, limit, literary tradition, Dostoevsky's reception, catharsis, inner person of Dostoevsky.

T. Popova, E. Kurochkina

Concept as an operational perception unit

The authors of the paper pay the readers' attention to the fact that a concept has a static and dynamic nature. By the static feature the authors understand the point that a concept is a conceptualization product, 'quantum of structured knowledge'. The authors draw a conclusion that a concept's dynamic feature reveals itself as a process of information representation and reflection. Potential future directions of the study are discussed as well.

Key words: communication, culture, cognition, conceptualization, concept, static nature of concept, dynamic nature of concept.

A. Radzhabova

Some peculiarities of the application of intersubject approach in modern Russian school

According to the author the main objective of a teacher is help learners form the whole understanding of the structure and system of the subject, its connection with other disciplines. It is crucial to create learners' desire to learn as well as form learning skills instead of the primitive memorizing of information. It is very important for that activity to be conscious, so that learners are aware what the learning goals are and how to use universal skills both in learning and real life.

Key words: intersubject approach, system-action approach, intersubject approach at the lessons of the Russian language, intersubject tasks.

R. Ronko, A. Zimmerling

Parameter of nominative object and syntax of infinitive expressions in Old Russian and Northern Russian dialects

The paper discusses the syntax of infinitive clauses with a nominative object in Old Russian and Northern Russian dialects. The Nominative vs Accusative variation is explained by the Differential Object Marking effects. The Nominative is chosen when the NP attracts the main focal accent.

Key words: Old Russian, Northern Russian dialects, infinitive clauses, differential object marking, nominative objects, topic, focus, accent bearer.

K. Seagal

Stylistic syntax of appositive constructions

In M.A. Sholokhov's story «The fate of a man»

The article shows that the first and the second narrators use the appositive constructions in their speech fragments differently. Therefore these constructions are involved in creating of «story in a story» as a special type of compositional structure. Besides, the author points out that the writer has been able to demonstrate the stylistically significant differentiations of appositive constructions.

Key words: stylistic syntax, apposition, syntactic organization of «story in a story», the style of M.A. Sholokhov.

K. Shtain, D. Petrenko

Interaction between Philology and Natural-Science Knowledge

The authors analyze principles of complementarity, relativity, symmetry as a basis of harmony of the art text. The authors draw attention to the ways of using language of literature and poetry for the description of difficult phenomena of nuclear physics by scientists. Potential of application of a scientific metaphor in modern post-nonclassical knowledge is described.

Key words: philology, natural-science knowledge, principle of a complementarity, equivocation, scientific metaphor, ambiguous language, double-digit language.

N. Sokolova**Intertextual references to Shakespeare's tragedy «King Lear» in «Cordelia» by I.L. Leontiev-Scheglov**

The article explores the themes from «King Lear» by Shakespeare in the structure of «Cordelia» by I.L. Leontiev-Scheglov and identifies their aesthetic and functional values.

Key words: intertextuality, intertextual references, dialogue interaction of texts, Cordelia.

T. Zhuravlyova**The use of electronic educational resource in learning «Russian Literature of the XVIII century»**

The article analyzes the experience of creation and trial of electronic educational resource in the course of «The History of the Russian Literature of the XVIII century» for the applied bachelor program.

Key words: electronic educational resource, methods of teaching literature.

A. Zimmerling**Clitics and information structure of the utterance in the Old Czech language**

The paper addresses the issues of syntax-to-prosody and syntax-to-information-structure interfaces. The author proves that Wackernagel's law was instrumental in the Old Czech. Old Czech clitic template in the corpus of 'Dalimil chronicle' (XIV century) is described for the first time.

Key words: Slavic languages, Old Czech, word order typology, clitics, clitic clusters, Wackernagel's law, clitic templates, barrier rules, topicalization, linear-accent transformations

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет
М.В. Кантакузен
Компьютерная
верстка
Ю.В. Балашова

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2015.1

Электронная версия журнала: www.mggu-sh.ru

Сдано в набор 12.03.2015 г.
Подписано в печать 16.03.2015 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.